

Ставка

СЛИШКОМ ВЫСОКА

АЛИНА ХВОЙНАЯ

— Пообещай, что не влюбишься в меня, — выдвигаю своё условие.

— Если бы я хотел влюбиться, думаешь я бы заключал с тобой сделку? — саркастично говорит Артём.

— Просто пообещай мне, — твёрдо стою на своём. — Иначе никакой сделки не будет.

— Хорошо, Алиса, но это самое идиотское, что мне приходилось слышать в своей жизни. Я обещаю, что не влюблюсь в тебя. Теперь ты согласна?

— Согласна, — отвечаю я, но в душу закрадывается плохое предчувствие. Даже боюсь представить, что случится, если правда обо мне вылезет наружу.

Часть 1. Правила игры. Алиса (1)

Чемодан еле поспевает за моим быстрым шагом. Я привыкла не обращать внимания на стук колёсиков об асфальт вокзалов шесть назад. По всем меркам чемодан уже давно должен был развалиться, но мой ветеран всё ещё в строю, что меня несказанно радует: не хотелось бы покупать новый. К тому же, сколько мест мы с этим старичком повидали! За последние два года я успела сменить городов восемь. Или, кажется, десять. А может и двенадцать... Честно говоря, сбилась со счёта.

Хорошо, что в обслуживающем персонале нуждались везде, так что с поиском работы проблем не возникало, а иногда даже везло и удавалось найти что-то для души, ближе к выбранной профессии.

В этот раз я решила немного изменить себе и спрятаться в самом большом городе страны — в столице. С одной стороны, это идеальный вариант — много народа, что даёт возможность легко затеряться в толпе. В провинциальных городках все друг друга, как правило, знают или знают кого-то, кто точно знает тебя, и так по цепочке. Из-за этого я уже пару раз чуть не попала. С другой стороны, больше народа означает и больше полицейских, частных детективов или иных надзирателей, больше камер, а, следовательно, больше шансов засветиться и быть найденной.

Что ж... Рискнуть все равно придётся, раз я уже здесь, да и терять мне в общем-то нечего. Главное — вовремя заметить преследователя и успеть скрыться, а где это делать, по большому счёту, не имеет значения.

Неожиданно чувствую покалывание на затылке. Нет, нет, нет. Этого не может быть. Пожалуйста, пусть это будет всего лишь паранойя, меня ещё ни в одном городе так быстро не выслеживали. Оборачиваюсь и ищу глазами возможного преследователя.

Мой взгляд давно натренирован и найти наблюдателя не составляет труда. Им оказывается мужчина средних лет в темном пальто и с сигаретой в руках. Стоит у выхода с вокзала и курит, но как только встречает мой взгляд, подмигивает, бросает окурок в землю и направляется в мою сторону.

Может он всего лишь хочет познакомиться и не представляет никакой опасности?

Но выяснять я это не намерена, лучше перестраховаться и сразу скрыться.

Ускоряю шаг и практически бегу к пешеходному переходу, надеясь исчезнуть на другой стороне улицы. Оборачиваюсь, но наблюдателя не нахожу. Либо он скрылся в толпе, чтобы притупить мою бдительность и догнать позже, либо я здесь вообще не причём, а он отправился по своим делам. Второй вариант был бы, конечно, лучше.

Делаю очередной шаг и отступаюсь, удержать равновесие удаётся, но только на

мгновенье, потому что в следующую секунду меня сбивает с ног капот автомобиля, и я падаю, сильно ударяясь головой об асфальт.

В глазах резко темнеет.

Мелькает мысль, что так я точно не умру, потому что всё просто не может закончиться обычной автомобильной аварией. После всего пережитого мной это было бы слишком жестоко и слишком иронично для моего преследователя.

Ничего не слышу, наступает полная тишина.

Штиль.

Неужели правда смерть?

В глубине души я даже чувствую радость от того, что больше не придётся никуда и ни от кого бежать, от того, что скоро увижу маму и смогу спросить, что же произошло на самом деле в день её смерти. Но маленький червячок внутри, спрятанный как будто бы ещё глубже самой души, неожиданно начинает быстро шевелиться, показывая, что жить всё-таки хочется.

Резко на меня обрушиваются одновременно все звуки реального мира. Сигналищие машины, плач какого-то ребенка, восклицания женщин, наполненные и страхом, и любопытством, и совсем близко два мужских голоса. Так близко, что я в состоянии разобрать, о чем они говорят.

— Ты не виноват, она сама выскочила... — слышу первый мужской голос.

— Дэн, это пешеходный переход! — восклицает второй. — Я должен был остановиться! Ты вызвал скорую?

Слово «скорая» срабатывает для меня как сигнал, оповещающей о смертельной опасности. Ни при каком раскладе мне нельзя в больницу. Особенно в государственную. Хоть у меня и есть очередной поддельный паспорт, всё равно я боюсь, что меня могут найти через любые государственные структуры. Хотя почему же могут, скорее всего именно так и найдут. Вопрос лишь когда: уже через пару минут или через пару месяцев.

Открываю глаза, всё размыто. Пытаюсь встать, но чьи-то сильные руки мне не дают этого сделать и продолжают удерживать в исходном положении — лежа на асфальте.

— Эй, ты что, с ума сошла?! — слышу второй мужской голос — тот, который спрашивал про скорую.

Мой взгляд медленно фокусируется и тут же натывается на мужское лицо, нависающее надо мной. Молодой человек обеспокоенно осматривает меня с ног до головы. Сразу обращаю внимание на его глаза, полные страха. Переживает за меня? Или за себя и возможные неблагоприятные последствия своих действий в виде административной или уголовной ответственности?

Пытаюсь встать ещё раз и стараюсь произнести как можно более уверенно:

— Не надо скорую... Я в порядке, — в следующую секунду на меня будто сбрасывают тяжелый сундук, и я чувствую всю боль своего тела, безвольно опускаюсь обратно на асфальт, даже сильные руки мужчины без надобности.

Но вместо того, чтобы сморщиться от боли, я непроизвольно улыбаюсь и ликую.

Во-первых, я не умерла, а во-вторых, по десятибалльной шкале боли это всего лишь тройка, хотя, возможно, четверка, но не больше. Самое главное — не девятка и не десятка. Я это очень хорошо осознаю, потому что на десятке я захочу умереть от испытываемых ощущений. Однажды уже хотела...

— Она улыбается? — слышу пораженный голос первого мужчины, кажется, Дэна, но

глаза смотрят на другого — того, который прямо передо мной и удерживает меня руками, — теперь в его обеспокоенный взгляд вкрапливается недоумение.

— Я в порядке, — повторяю и предпринимаю новую попытку сесть, не обращая внимания на боль, в этот раз сильные руки позволяют мне это сделать, хоть и продолжают покоиться на моих плечах.

Голова немного кружится, и тело будто наливается свинцом. Кажется, разбита губа, правда, непонятно почему, видимо, в меня ещё что-то попало, и локти обеих рук саднит, но в целом это мелочи. С этим я могу спокойно справиться сама.

— Не надо скорую, — хрипло повторяю я. — Не люблю больницы.

Мужчина всё ещё смотрит на меня обеспокоенно, но страх из взгляда пропадает окончательно. Мне удаётся рассмотреть его: лет тридцать, прямой нос, легкая щетина, каштановые волосы и пронзительные каре-зеленые глаза. Такой красивый оттенок, я определенно должна запечатлеть этот цвет на холсте.

— Я тебя сбил, и мне нужно убедиться, что у тебя нет серьезных повреждений, — четко и медленно произносит он, пока я стараюсь запомнить цвет его глаз как можно точнее.

— Я в порядке, правда, — в ответ решаю блеснуть своими силами и резко встаю на ноги, но голова кружится лишь сильнее, и я буквально падаю на подскочившего вместе со мной мужчину, утыкаясь ему в грудь.

— Я вижу, как ты в порядке! — злится он.

Фокусируюсь на своём дыхании, мысленно умоляя свои органы и голову прийти в норму. Кажется, что-то из них всё-таки прислушивается, и голова кружится меньше. Во всяком случае, очень хочется в это верить. Пытаюсь выбраться из объятий мужчины, но мои попытки не увенчаются успехом, удаётся только поднять голову и опять встретиться с каре-зеленым оттенком глаз.

— Это лишь сотрясение и пару ушибов, ничего серьёзного, — лепечу я, всё ещё надеясь избежать больницы.

— Ты врач? — строго спрашивает мужчина.

— Нет, но...

— Вот и всё, — отрезает он. — Тебе нужно пройти осмотр. Это не обсуждается.

В следующую секунду мужчина берет меня на руки и несёт к машине, я только и успеваю интуитивно схватить его за шею.

— Что ты делаешь? — выдавливаю из себя, в ужасе глядя на его подбородок, потому что глаз с моего ракурса не видно.

— Дэн, — говорит он, игнорируя меня, — закинь её вещи в багажник и садись за руль, поедem в частную клинику.

— В клинику? — переспрашиваю и продолжаю гнуть свою линию. — Не надо ни в какую клинику...

А если это и есть тот человек в черном пальто? Или это его сообщник? Нет, этого просто не может быть. Скорее всего это случайный прохожий, точнее водитель.

Меня осеняет! Это же идеальный план побега! Осматриваю автомобиль снаружи, а затем и внутри, когда мужчина устаивает меня на заднем сидении. Сразу понимаю, что машина дорогая, премиального класса.

Неужели, меня угораздило столкнуться с миллионером? Любая другая на моем месте определенно была бы счастлива, но не я... Мне от таких жизненно необходимо держаться подальше.

Судорожно осматриваю мужчину ещё раз, более пристально, и прихожу к выводу, что его лицо мне совершенно точно не знакомо, — выдыхаю.

Молодой человек пристегивает меня и садится рядом на заднем сидении. Через минуту впереди располагается Дэн, и мы трогаемся с места. По инерции меня откидывает назад, и голова резко ударяется о спинку сидения. В глазах резко появляются черные точки.

Черт, неприятные ощущения!

— Дэн! Аккуратней! — повышает голос мужчина, сидящий рядом, а затем я чувствую его руку на плече.

— Я сейчас буду в норме, — выдавливаю из себя и держу голову прямо, пока картинка не становится четкой, делаю ещё несколько глубоких вдохов и поворачиваюсь к соседу. — Всё хорошо.

— Я вижу, как всё хорошо! — раздраженно-обеспокоенно восклицает он, придерживая меня рукой.

— Мы же всё равно едем к врачу, вот он тебе и скажет, что всё в порядке, — раздражаюсь уже я и смотрю прямо на него. Мужчина, видимо, что-то видит в моём взгляде, так как немного расслабляется и убирает от меня руку.

— Меня зовут Артём Скворцов, — представляется он. — За рулём мой друг — Денис Новиков. Как тебя зовут?

Я не спешу представляться. У меня остался последний поддельный паспорт и не факт, что в скором времени мне удастся достать новый. В частной клинике наверняка тоже попросят документы, да и я собираюсь заключать договор аренды квартиры, днём раньше или днём позже засвечу документ — особой роли не сыграет.

— Алиса, — наконец выдаю. — Алиса Шведова.

— Хорошо, — удовлетворенно кивает Артём, — а то я уже начал переживать, что у тебя амнезия.

— Для амнезии нужен удар посильнее, — слегка улыбаюсь я и тут же жалею, потому что чувствую, что из губы начинает течь кровь.

Артём это замечает, тянется к передней части салона и достает аптечку из бардачка. Он обрабатывает мне губу, а затем и локти. Все это я покорно позволяю ему сделать, замороженно наблюдая за его действиями и не издавая ни звука, даже когда кожу не просто щиплет, а жжет.

Кажется, удар головой не прошёл даром, и моя реакция теперь заторможенная или отсутствует вовсе. Так быть не должно. Мне надо срочно возвращаться в строй, и вообще постараться сбежать из клиники, как только представится шанс.

Артём (2)

Каждый раз закрывая глаза, вижу девушку, без чувств лежащую на земле... Ведь всегда притормаживаю на пешеходных переходах, а в этот раз мельком глянул, потому что отвлекся на Дэна, и сбил человека. Как же безответственно! Впредь всегда буду останавливаться перед зебррой, а не просто сбавлять скорость.

Хожу из стороны в сторону по коридору больницы и не могу избавиться от мыслей, что все могло закончиться куда хуже. Но и сейчас ситуация не фонтан. Хоть девушка и заявляет, что с ней все в порядке, на самом деле все может быть иначе, например, внутреннее кровотечение или сильная черепно-мозговая травма, а её якобы нормальное самочувствие после аварии — лишь результат выплеска адреналина.

Алису увели около часа назад, но она до последнего сопротивлялась, пока я насильно не

вручил её в руки врачей. Так уверена, что всё в порядке? Боится врачей? Переживает, что потребую с неё денег за осмотр?

— Артём! — раздраженно восклицает Дэн. — Хватит уже семенить туда-сюда! В порядке с ней всё, да и, кажется, предъявлять она ничего не собирается. А даже если станет или потребует выплат, то перечислишь ей денег и отправишь с миром на все четыре стороны.

— Я должен был остановиться, — корю себя я.

— Так ты и сбросил скорость! Кто ж знал, что она выскочит на дорогу в последнем момент?

— Это был пешеходный переход, Дэн, — встаю напротив друга, сидящего в кресле. — Она имела полное право переходить по нему дорогу.

— Но не имела права вызывать экстренное торможение! — парирует Новиков. — Что-то здесь не так. Может она специально выпрыгнула на дорогу в последний момент? Увидела дорогой автомобиль и решила, что это её шанс поиметь с тебя денег...

— Тогда бы она согласилась вызвать скорую и полицию, — возражаю я.

— Это долго и нудно, — отмахивается Дэн, — и не факт, что по итогу получит достаточно денег. А так ты сейчас здесь поправишь её здоровье, и она начнёт тебя шантажировать заявлением в полицию.

В словах друга был смысл, но девушка выглядела такой искренне потерянной, совсем не похожей на аферистку. Неужели, всё-таки играла и всё это было притворством?

Перед глазами возникает образ Алисы: блондинистые волосы, серо-зеленые глаза, выделенные скулы, прямой аккуратный носик и слегка припухлые губы. Косметики заметно не было. Она красивая, кажется такой хрупкой и миниатюрной, хотя ростом до плеча мне точно доходит, значит выше среднего.

— Не знаю, Дэн, — только и смог выдавить, пытаюсь прогнать видение покалеченной девушки на асфальте.

Время тянется чрезвычайно медленно. Пару раз мне звонят по работе, но я сбрасываю все вызовы, а затем вообще ставлю беззвучный. Работа подождёт. Жизнь и здоровье девушки важнее во много раз.

Через полчаса к нам выходит врач и успокаивающе улыбается:

— Ничего серьёзного не обнаружено, Артём Александрович. Царапины, ссадины, рана на губе и сотрясение головного мозга. Мы всё обработали, поэтому я не вижу смысла держать её здесь дольше. Самое главное — это постельный режим пять-шесть дней.

— Спасибо, Василий Петрович, — я облегченно выдыхаю, это хорошие новости.

— И ещё, — врач серьёзнее, — на лицо признаки сильного переутомления, недосыпа и стресса, поэтому я ещё раз подчеркну, что постельный режим и хороший сон девушке чрезвычайно необходимы. Конечно, я ей всё озвучил, но лучше, чтобы кто-то проследил за выполнением всех рекомендаций.

— Я вас понял, — слова врача заставляют меня нахмуриться и задуматься о её состоянии. Признаки сильного переутомления и недосыпа? Откуда они у неё?

— Прекрасно, тогда пойдёмте, заберете пациентку, — врач ведёт нас вглубь больницы. — Но, Артём Александрович, впредь водите осторожней.

— Что? — чувство вины как будто заново заполняет меня после комментария врача. — Она вам сказала, что я её сбил?

— Нет, молчит как партизан, — усмехается Василий Петрович. — Сказала, что

неудачно упала, но я-то видел её травмы и ваше состояние. К тому же, своей реакцией вы всё только что подтвердили.

Почему девушка промолчала? Неужели, Денис прав и всё это тщательно продуманный план действий: выскочить на дорогу, получить несерьёзные травмы и шантажировать меня для получения денег? Она же видела и машину, и нас, прекрасно поняла, кому под колеса попала. Если это так, то она очень хорошая актриса.

— Прошу, — врач впускает нас в палату, но сам спешит откланяться и отправиться на осмотр других пациентов.

Алиса полусидит-полулежит на кровати с перебинтованными локтями в той одежде, в которой мы её привезли — застиранной черной футболке и обтягивающих джинсах. Уже далеко не белые кроссовки стоят на полу рядом с кроватью, а легкая черная куртка висит на спинке стула. Видно, что одежда дешевая и неновая.

— Мне сказали, что всё в порядке, — говорит она, как только мы с Дэном входим в палату.

— Это хорошо, — выдыхаю я, окидывая девушку взглядом ещё раз, чтобы самому убедиться.

— Да-а, — протягивает она и встречается со мной взглядом. — Теперь можно я пойду?

— Всё, Тём, супер, — вклинивается в разговор Денис. — Давай отвезём девушку, куда она скажет, и отправимся по своим делам.

— Не переживайте, я сама доеду, — быстро произносит Алиса, спускает ноги на пол и обувается.

— Нет, — безапелляционно заявляю я, подавая ей куртку и помогая надеть. — Мы тебя отвезём.

— Это лишнее! — восклицает девушка. — Не нужно!

— Это не обсуждается, — отсекаю все её возражения на корню.

До машины идём в тишине. Открываю перед девушкой переднюю дверь и помогаю сесть. Сам устраиваюсь за рулём, а Денис размещается сзади.

— Тём, высади меня у офиса, — просит друг. — У них там что-то срочное, до тебя не могут дозвониться, я разберусь.

— Ты не против? — уточняю у девушки, она мотает головой и кладёт её на кресло, видимо, боясь ещё одного удара по инерции из-за резкого движения транспортного средства, но я веду машину максимально аккуратно и небыстро, внимательно следя за дорогой.

У офиса Дэн кивает на прощание и выходит из машины, а я поворачиваюсь к девушке, чтобы спросить, куда ехать, но замечаю, что она спит. Размеренное дыхание, длинные разбросанные по сидению светлые волосы и такое умиротворенное выражение лица. Совсем другая. В сознании она как будто находится в постоянном напряжении.

— Алиса, — зову её тихо, уверенный, что девушка не проснётся, и придётся звать громче, но она моментально открывает глаза, и я сразу встречаю её напряженный взгляд. — Куда тебя везти?

Девушка хмурится: ещё не сообразила, где находится. Наблюдаю, как постепенно к ней возвращается осознание происходящего.

— Буду премного благодарна, если отвезешь меня в недорогой отель, — наконец, произносит она.

— Отель? — удивляюсь я.

— Да, недорогой, — подтверждает девушка.

— Может лучше домой, или к родителям, или знакомым, — начинаю перечислять я, но осекаюсь, понимая, что я ничего о ней не знаю. — Будет лучше, если за тобой кто-то присмотрит. Врач прописал пятидневный постельный режим.

— Отель, — твёрдо отвечает она и отворачивается к окну. — Я сама за собой присмотрю.

Трогаюсь с места, и какое-то время мы едем в тишине, но затем я всё-таки спрашиваю:

— А ты не собираешься требовать у меня деньги?

— Что? — она поворачивается ко мне и удивлённо смотрит. — Зачем?

— Я тебя сбил, — поясняю я. — Ты вполне можешь привлечь меня к ответственности и потребовать компенсацию, например.

— Я же сама выскочила на дорогу, — недоуменно произносит она.

— Ты была на пешеходном переходе, в данном случае вся вина переходит на водителя.

Я как будто сам хочу, чтобы она попросила денег или начала меня шантажировать, чтобы в который раз убедиться, что даже такой красивый ангел, как она, на самом деле такая же, как все остальные.

Алиса какое-то время молчит, и я всерьёз начинаю переживать, что подкинул ей идею, которую она сейчас начнёт воплощать в реальность, но девушка меня совершенно удивляет своими следующими словами, брошенными ледяным тоном:

— Нет, спасибо. Мне не нужны твои деньги, и я уж тем более не собираюсь тебя шантажировать.

Теряю дар речи. Её голос кажется таким оскорбленным. Обиделась? Судя по её просьбе и по количеству и качеству одежды денег у неё немного, но просить чужого она не хочет, хотя ведь прекрасно видит и понимает, что материальных средств у меня предостаточно.

Извиняться не тороплюсь, слишком сюрреалистичная ситуация для современного алчного капиталистического мира. Может цену себе набивает?

— А где ты жила до этого? — перевожу тему, пытаюсь разгадать девушку.

— Неважно, — бросает Алиса, продолжая смотреть в окно. — В любом случае, тебя это не касается.

— Алиса, я не могу допустить, чтобы ты нарушала рекомендации врача и усугубляла своё состояние! — повышаю голос, не выдерживая её упертости. — Мне нужно удостовериться, что за тобой есть кому присмотреть.

— Потому что я могу шантажировать тебя своим состоянием? — едко произносит она.

— Нет, — уже спокойнее говорю я, — потому что здоровье — это не шутки. Нечаянно можно вызвать осложнения, которые недельным постельным режимом решить не получится.

— Не переживай, — цедит она. — Я могу сама о себе позаботиться.

— И опять бросишься под машину?

— Да не бросалась я под машину, ясно?! — взрывается она, я не на шутку её разозлил.

— Что же ты тогда кинулась на пешеходный переход в последний момент, не посмотрев по сторонам?

— Я убежала, — выдает Алиса, удивляя меня ещё больше.

— От кого?

Девушка молчит, как будто размышляет, стоит ли открывать мне эту информацию. Я бросаю на неё взгляд, пока машина стоит на светофоре и опять замечаю это напряженное выражение лица. У девушки явно произошло что-то серьёзное.

— Что у тебя случилось? — спрашиваю я.

Встречаюсь с ней взглядом всего на мгновение, но она тут же отводит глаза в сторону, а я жму на газ на зелёном.

— Убегала от бывшего парня, — говорит Алиса спустя несколько минут. — Я жила в его квартире, а сегодня... мы окончательно расстались. Он не был готов меня отпускать, вот и преследовал.

Её история звучит правдоподобно, но что-то мне подсказывает, что девушка изложила далеко не всё, и, честно говоря, она имеет на это полное право, её личная жизнь меня не касается. Но и бросить Алису просто так я тоже не могу.

— Ладно, — произношу скорее для себя, потому что только что принял решение, и через двадцать минут останавливаюсь у отеля «Руссо».

— У меня не хватит на него денег, — хмурится Алиса, но принимает мою руку, выходя из машины.

— Идём, — достаю её вещи из багажника.

— Артём, я не могу... — пытается возразить ещё раз, но я её совершенно не слушаю, лишь слежу, чтобы она шла рядом со мной, чтобы успеть подхватить, если ей станет плохо.

Алиса (3)

На ресепшен Артём оформляет номер на своё имя, мне же не позволяет вставить ни слова, а когда я начинаю бунтовать, что не пойду с ним ни в какой номер в этом отеле, угрожает донести на руках. Это идея мне нравится ещё меньше, хотя, дойдя до нужной двери, я понимаю, что совершенно выбилась из сил.

Мужчина пропускает меня вперед, и мы оказываемся в люксе. Я будто попадаю в прошлое, когда бывала в таких номерах не раз и не два: коридор, большая гостиная, две спальни и ванная комната. Когда я в последний раз спала на хорошей удобной кровати, а не на диване, полу, или старом матрасе?

— Проходи, проходи, — произносит Артём и легонько касается рукой моей спины, заставляя пройти внутрь и покорно принять поражение в этой битве.

— Я не могу, — неуверенно говорю я, уже прекрасно понимая, что это ничего не изменит.

Мужчина оставляет все вещи в коридоре, ведет меня в гостиную и заставляя сесть на диван, сам же устраивается на краешке кресла напротив.

— Послушай, Алиса, предлагаю сделать так, — произносит Артём. — Ты пока поживешь в этом номере за мой счёт, а заодно поищешь квартиру себе по бюджету или как-то иначе решишь вопрос с тем, что тебе делать дальше, но на время восстановления после сегодняшней аварии ты останешься здесь, и я за тобой прослежу по мере возможности. Как никак моя вина в твоём состоянии бесспорно имеется. Согласна?

Артём говорит искренне. Кажется, он и правда желает мне только добра и никак не связан с тем мужчиной в черном пальто на вокзале или с любым другим моим преследователем. На самом деле, он предлагает мне очень хороший вариант, я на такое и рассчитывать не могла. Я ведь так устала бегать...

Спрятаться в этом номере и получить передышку на пару дней звучит как сказка. Хотя кого я обманываю, переживать всё равно буду, но хотя бы смогу отоспаться. Конечно, при условии, что мне повезет и не будут мучить кошмары.

На самом деле, я уже доверилась этому мужчине, ещё тогда на дороге, когда позволила ему посадить меня в свой автомобиль, просто осознаю это только сейчас.

— Договорились, — отвечаю я обреченно, что не ускользает от Артёма, и он задерживает на мне взгляд ещё на пару секунд, но никак не комментирует.

Мужчина берёт блокнот и ручку с кофейного столика и что-то там пишет, вырывает листок и протягивает его мне.

— Это мой личный номер. Можешь звонить в любое время суток, если заболит голова или начнут кровоточить раны... В общем всё, что угодно, происходит, и ты сразу звонишь мне, договорились? — Артём достаёт свой телефон из кармана брюк и тоже протягивает его мне. — Запиши здесь свой номер, пожалуйста.

Я мотаю головой и отодвигаю его руки от себя, не принимая ни мобильный, ни записку.

— Алиса, — хмурится он, — кто-то же должен проследить, что ты соблюдаешь постельный режим.

— И ты собираешься делать это по телефону? — вырывается у меня. — Я же могу соврать.

Брови мужчины ползут вверх, и он усмехается:

— Значит, видимо, придется приезжать лично.

— Что? — смотрю на Артёма, широко распахнув глаза, такого поворота уже не ожидала я, и начинаю сбивчиво оправдываться. — Не надо... Я не то имела в виду. У меня просто нет телефона.

— Двадцать первый век, а у тебя нет телефона? — он недоверчиво вскидывает брови.

Судорожно додумываю легенду. Господи, почему именно здесь, именно ему так тяжело лгать.

— У меня есть телефон, просто в нём нет симки, избавилась от неё, чтобы бывший не доставал звонками, — в подтверждение я достаю из кармана смартфон, который считался новейшим два года назад, и вижу, что он разбит вдребезги, не выдержал удара при столкновении с автомобилем или асфальтом. Черт, это плохо. Надо потратиться хотя бы на кнопочный.

— Кажется, и телефона у тебя теперь тоже нет, — резюмировал Артём. — Сделаем так: я куплю тебе и новый телефон, и новую симку, завтра их привезут сюда. Пока что ты мне звонишь с телефона отеля в случае чрезвычайной ситуации, и я тебе тоже звоню по линии отеля, договорились?

Сил спорить уже нет, да и звучит всё справедливо, раз из-за аварии я лишилась гаджета. Пусть купит, а я ему потом всё верну: и за телефон, и за проживание в отеле. Или только за проживание в отеле.

Киваю и обессиленно откидываюсь на диван, прикрывая глаза. Сделав это, я осознаю, что у меня больше нет никаких сил не только на споры, но и на какие-либо перемещения по номеру, даже в спальню, хотя воспоминания об удобных кроватях в люксах не покидают, но я могу и завтра насладиться комфортом, а сейчас лягу прям здесь.

Артём считает иначе, берет меня на руки, несет до спальни и кладет на огромную кровать. Я бормочу ему «спасибо» и моментально отрубаясь, едва касаясь головой подушки.

Артём (4)

Сегодня на работе, как назло, кучу дел. Я стою во главе строительной компании, основанной ещё моим дедом, который ей успешно руководил практически до самой смерти. Во время старших классов, учебы в университете, я всегда работал здесь, познавал тонкости бизнеса на практике под его надзором и активно во всём помогал.

Пять лет назад дедушка умер, компания перешла отцу, но он сразу передал управление

мне. Отец никогда не интересовался руководящими должностями и бизнесом в целом. Он инженер и архитектор, и как проектировал дома в нашей фирме до смерти деда, так и продолжает этим заниматься сейчас.

Правда, потеря родственника сильно на него повлияла, немного подорвала здоровье, поэтому папа снизил свою нагрузку в компании и теперь больше времени уделяет маме и моей сестре, пока та ещё не выпорхнула из родительского гнездышка, что должно произойти в самом скором времени, а также посвящает себя своему хобби и продолжает собирать уже давно не маленькую коллекцию картин.

Я же постоянно нахожусь на работе или рабочих мероприятиях, за что получаю упреки от мамы, особенно сейчас, когда её дочь почти вышла замуж, хотя младше меня на восемь лет, а сын ещё ходит холостяком.

Поэтому теперь родительница во чтобы то ни стало решила устроить мою личную жизнь и два-три раза в месяц устраивает якобы семейные ужины, а, на самом деле, сватает меня, приглашая то одну, то другую девушку из высшего общества. Отец маме не мешает и молча умывает руки, пряча улыбку, сестра же в открытую надо мной подшучивает, а иногда и поддерживает начинания матери.

Сегодня, я надеюсь, меня ждёт обычный семейный ужин без гостей, потому что последний раз я строго поговорил с матерью и пригрозил ей, что вообще не буду приходить, если она попробует меня свести ещё хоть с кем-то.

Я также надеюсь несильно задержаться, потому что хочу успеть проведать Алису. Девушка никак не выходит из головы, из-за чего не получается полностью сосредоточиться на работе.

Утром я заказываю ей одну из последних моделей телефонов и сим-карту, в обед мне звонят из отеля и сообщают о доставке, проходит ещё пару часов, а Алиса так и не выходит на связь. Скорее всего ещё отдыхает, а раз не звонит, значит, всё в порядке, но проведать всё равно не помешает. Кто знает, может она вообще исчезла? Хотя администратор меня уверяла, что из номера никто не выходил.

Напрягает вся эта история с её бывшим. Рассказ получился складный, но девушка явно что-то не договаривала. И отчет врача о её состоянии вызывал вопросы. С чем связано сильное переутомление? Особая работа? Проблемы с парнем? Или что-то другое?

По-хорошему, надо узнать имя её бывшего и пробить его по всем доступным каналам, да и саму Алису проверить будет не лишним. Доверяй, но проверяй. Поэтому уже собираюсь из офиса я набираю друга, который владеет собственным частным детективным агентством. Он мне частенько помогает с информацией о тех или иных контрагентах.

— Андрей, привет! Слушай, пробей, пожалуйста, для меня человека. Её имя — Алиса Шведова.

— Не вопрос, — тут же откликается Щегольский. — Какие-то дополнительные данные?

— Есть только имя и фамилия.

— С этим будет тяжело, но сделаю всё, что смогу. Если узнаешь отчество, прописку, дату рождения, любые данные паспорта, получится эффективнее.

— Ей от двадцати до двадцати четырех где-то, не думаю, что старше, — навскидку прикинул я.

— Понял, Артём, отзвонюсь, как что-то найду.

* * *

По пути домой я пробую набрать ещё раз новый номер Алисы, но натываюсь только на

«абонент недоступен». Позже, так позже. Поужинаю у родителей и заеду в отель.

Я успеваю лишь перешагнуть порог родительского особняка, как на моей шее повисает Лена и шепчет на ухо:

— Мы с Аней сегодня занимались подготовкой к свадьбе, и мама пригласила её остаться на ужин, она никого не звала, как ты и просил, но не уверена, что в следующий раз не позовёт.

— Понял, — усмехаюсь я сестре. — Против Ани ничего не имею, твои друзья — мои друзья. Тем более, знакомы с ней сто лет.

Лена от меня отстраняется, а я не могу перестать любоваться девушкой. С того момента, как Олег сделал ей предложение, она не перестаёт сиять. Длинные каштановые волосы и сияющие карие глаза — невероятная красота.

Они с Олегом познакомились в элитном ресторане, Лена ужинала с подругами после занятий в университете, а мужчина подошел и предложил познакомиться именно ей, оправдав всё любовью с первого взгляда. Сестра дала ему шанс, несмотря на немаленькую разницу в возрасте — около десяти лет. Оказалось, это перед ней стоял сам Олег Лесков — владелец сети ресторанов, в котором девушка и ужинала с подругами, и в заведении он находился с проверкой обслуживания, но появление Лены попутало ему все карты, мужчина пригласил её на свидание, а уже через шесть месяцев предложил стать его женой.

Я видел, что она счастлива с Олегом, но, конечно, поговорил с ним, чтобы убедиться в его благих намерениях в отношении моей сестры. Олег адекватно отнёсся к разговору и сказал, что прекрасно меня понимает.

С родителями Лесков быстро нашёл общий язык, и теперь мама никак не нарадуется за дочку и уже активно намекает ей на внуков.

— Привет, дорогой, — слышу голос матери, а затем и вижу её.

— Привет, мам, — целую её в щеку, — ты как всегда прекрасна!

— Ой, да брось, старое платье, — отмахивается она, хотя на самом деле всегда выглядит шикарно, особенно для своего возраста. — Пойдёмте в столовую. Мы только сели, ты как раз вовремя. Я взяла на себя смелость пригласить с нами поужинать подружку нашей горячо любимой невесты, — она кидает тёплый взгляд на Лену. — Надеюсь, ты не против таких гостей, — добавляет мама, возвращая взгляд на меня.

— Конечно, нет, Аня всегда званый гость в нашем доме, — отзываюсь я.

Анна Морозова — лучшая подруга моей сестры ещё с пеленок. Наши семьи хорошо общаются. Фактически она является для меня ещё одной младшей сестрёнкой.

— Привет, Артём, как работа? — спрашивает отец, как только мы входим в столовую.

— Как обычно, пап, меньше не становиться, кстати твой последний проект особенно пришёлся по вкусу заказчику, — отвечаю я, а затем здороваюсь с Аней. — Анют, как дела? Как подготовка к свадьбе? Лена хоть что-то делает?

— Эй, — восклицает сестра и толкает меня в бок. — Вообще-то я здесь! И ты знаешь, что основной частью всё равно я занимаюсь сама.

— Конечно, — соглашаюсь я слишком поспешно, посмеиваясь над сестрой, но той удастся ответить лишь разъяренным взглядом, так как в разговор вступает Морозова.

— Привет, — тепло произносит она и широко мне улыбается. — Лене совсем помощь не требуется. Мне кажется, она меня зовёт лишь для галочки, а так всё выполняет самостоятельно.

— Как же не требуется! — возмущается мама. — Весь день сегодня спорили насчёт

цветов в зале для гостей!

— Охотно верю, — отвечаю я и усмехаюсь.

Ужин проходит в спокойной уютной обстановке, болтаем в основном о свадьбе сестры, и я потихоньку расслабляюсь. Только сейчас осознаю, что меня не отпускало напряжение со вчерашней аварии, хоть пострадавшая девушка вчера вечером уже была в относительном порядке. Родным я ничего не рассказываю о случившемся: не нужно их беспокоить такими вещами.

— Аня, а чем ты сейчас занимаешься? — спрашивает мама.

— Учусь на переводчика, Любовь Константиновна, — отвечает она. — И практикуюсь в компании отца и брата в этой же сфере.

— Как интересно! — восклицает мама и переводит взгляд на меня. — Артём, а тебе не нужны переводчики в своей компании?

— Нет, мы занимаемся строительством различных объектов по всей стране, но не за границей, — о чем мама прекрасно осведомлена, неужели, и здесь начинает свои своднические способности применять?

Я поглядываю на время и понимаю, что надо выдвигаться, иначе для визита к Алисе будет очень поздно.

— Спасибо за вкусный ужин... — начинаю я.

— Да брось, это всё Зина готовила, — тут же перебивает меня мать.

— В любом случае, мне уже пора, но рад был всех повидать, — заканчиваю я, вставая из-за стола.

— Как? Уже? — наигранно удивляется она — мама та ещё актриса. В молодости ей довелось участвовать в нескольких театральных постановках, но после замужества она полностью посвятила себя детям и домашнему очагу.

— Да, мне ещё нужно кое-куда заехать. По работе.

— Артём, ну куда ты на ночь глядя по работе... — говорит мама, и я понимаю, что придётся очень долго оправдываться за столь скорый отъезд, но вдруг помощь приходит с неожиданной стороны.

— На самом деле, мне тоже пора, — вклинивается в наш разговор Аня.

— Правда? — лицо мамы озаряет улыбка. — Тогда Артём тебя как раз отвезет, правда, дорогой?

— Без проблем, — быстро отзываюсь я, дом Морозовых по пути.

— Вот и славно, — довольно улыбается мама. Слишком довольно. Я что-то не так сделал? Она теперь пытается меня свести и с Аней? С ней хотя бы не будет проблем, я для неё как старший брат.

— Любовь Константиновна, Александр Петрович, всё было чудесно, спасибо за приглашение! — благодарит гостя.

— Наши двери для тебя всегда открыты, Анечка, — щебечет мама.

На прощание обнимаю сестру:

— Я что сам того не заметил, как начал осуществлять план матери?

— Тём, ты сам согласился подвезти Аню, а обычно вызываешь такси для девушек, приглашенных мамой, — ехидно произносит Лена.

— Так, это же Аня, — выдавливаю из себя я.

— Ага, конечно, — закатывает глаза сестра, — скажи об этом маме.

Алиса (5)

Мой организм настолько измотан, что впервые за очень долгое время я сплю без сновидений. Проваливаюсь в темный мир Морфея и не вижу ничего, кроме темноты, а просыпаюсь абсолютно дезориентированной, когда кто-то тихонько трясёт меня за плечо.

— Алиса, — слышу мужской бархатный голос. — Алиса, просыпайся.

Передо мной сидит Артём в темно-синем деловом костюме, с приспущенным галстуком и с немного взлохмаченными волосами. В тусклом свете его глаза кажутся темно-карими, зеленых вкраплений совсем не видно. Очень интересный переливчатый оттенок.

Разве он не должен был уехать на работу? Хотя одежда на нём уже другая. Он успел переодеться? Сколько я проспала? Моё обычно хорошо работающее чувство времени сейчас совсем отказывается включаться.

— Ты как себя чувствуешь? — спрашивает Скворцов, пока я прихожу в себя.

Открываю рот, чтобы ответить очередное заготовленное «нормально», как понимаю, что и правда чувствую себя вполне сносно. Голова ещё немного тяжелая, но, возможно, я просто не до конца проснулась. Той свинцовой тяжести, которую ранее ощущало всё моё тело, как рукой сняло.

— Хорошо, — не до конца доверяя своим ощущениям, медленно произношу я.

— Уверена? — тон Артёма, показывает, что он мне совершенно не доверяет в оценке собственного состояния.

— Намного лучше, чем... — я осеклась, потому что не знала, когда же произошла авария, сегодня или уже вчера. — Сколько времени я проспала?

— Почти сутки. Я позвонил врачу, но он сказал, что это в порядке вещей в связи с произошедшим и переутомлением твоего организма. Нет причин для беспокойства.

Проспать почти двадцать четыре часа? Да ещё и без сновидений! Я о таком и мечтать не могла! Видимо, организм сам, без согласования с головным мозгом, решил довериться Скворцову, его отелю, номеру и невероятно удобной мягкой кровати.

Пытаюсь встать, но мужчина не позволяет мне этого сделать.

— Лежи, — практически приказывает он. — Постельный режим, забыла? Судя по всему, ты ничего не ела, поэтому я взял на себя смелость и заказал куриный суп с гречками. Извини, совсем не знаю твоих предпочтений в еде.

Он протягивает мне новенький смартфон:

— И ещё зарядил телефон, поставил симку и записал свой номер в быстрый набор.

Я на автомате беру мобильный и благодарю мужчину кратким «спасибо».

В номер приносят еду для меня и кофе для Артёма. Едим в полной тишине, расположившись в гостиной. Точнее я ем, а Скворцов контролирует весь процесс. Сначала меня этого напрягает, но после первой ложки супа, я понимаю, насколько голодна, и забываю о присутствии мужчины. Суп ещё горячий, именно такой, как я люблю. Терпеть не могу теплую еду или разбавленный водой чай, которые обычно приносят в дешевых забегаловках, сопровождающих меня последние два года жизни.

Кажется, я даже мурлычу от удовольствия, потому что слышу смех Артёма.

— Что? — поднимаю на него прищуренный взгляд.

— Суп такой вкусный? — спрашивает Скворцов, пряча улыбку.

— Я просто очень голодная, — насупившись, произношу я.

— Конечно-конечно.

В этот раз я игнорирую его выпад и молча доедаю. В какой-то момент у меня даже мелькает мысль, что я в раю. Светлый номер, белые простыни, тишина и вкусная еда — во

всём чувствуется безмятежность и спокойствие. Артём меня не подгоняет, его присутствие, что странно, несколько меня не смущает и не напрягает. Кажется, я могу часами есть, а он будет просто сидеть рядом и дарить чувство безопасности.

Безопасности? В люксе для элиты? Как я вообще могу быть в безопасности здесь? Меня будто током ударяет, и ощущение «сказки» тут же бесследно исчезает.

Мужчина замечает изменение моего настроения и миг становится серьёзным.

— Что-то болит? — обеспокоенно спрашивает он.

— Нет, всё в порядке, — качаю головой и говорю первое, что пришло на ум. — Голова немного закружилась. Наверное, мне надо ещё поспать.

— Да, конечно, — Артём вызывает официанта, который забирает тележку с едой, а затем следит, как я ложусь обратно в постель, а мне нужно, чтобы он побыстрее ушёл, потому что происходящее нереально, а если и реально, то рано или поздно оно закончится, и я должна быть готова к неминуемому будущему — новому бегству.

Чувствую его внимательный взгляд на себе. Он что-то заметил.

— Точно всё в порядке?

— Определенно, — быстро произношу я. — Мог бы и не приезжать. Я бы всё равно рано или поздно проснулась.

— Ладно, — после нескольких секунд молчания говорит Артём, приняв решение. — Завтра, как проснешься, позвони на ресепшен и закажи себе что-то поесть. Что угодно, я всё оплачу. Не мори себя голодом.

Я киваю, но понимаю, что мужчина и так уже сделал для меня много всего, и я лишь принимала помощь, а благодарила его впопыхах и неискренне, поэтому стараюсь улыбнуться ему своей лучшей улыбкой и благодарно произношу:

— Артём, спасибо, правда. Огромное спасибо. Я верну тебе все траты, как заработаю достаточно...

— Перестань, — строго перебивает он. — Вопрос денег на время проживания в этом номере закрыт.

Он больше не позволяет мне ответить, разворачивается и направляется к выходу, бросая напоследок:

— Завтра тоже постараюсь заехать вечером. Отдыхай и выздоравливай.

На самом деле, спать уже не хочется. По крайней мере пару часов точно буду бодрствовать.

Как только я слышу хлопок входной двери, чуть ли не бегом припускаю к чемодану, не обращая внимание на легкий гул в голове из-за резких движений. Вываливаю из него всю одежду и отыскиваю подкладку-тайник. Её не так сложно найти, но ничего лучше в сложившихся условиях я не придумала, нащупываю рукой нужные вещи и выдыхаю. Всё на месте.

Затем отыскиваю последний поддельный паспорт, чтобы освежить в памяти «новые» данные. Шведова Алиса Андреевна. Родилась в далеком провинциальном городке, где и прописана. Полгода назад исполнилось двадцать четыре. Всего на два года старше моего настоящего возраста. Пойдёт. Было бы, конечно, лучше выбрать другое имя — слишком похоже на моё настоящее, но уж какое есть. До этого я была и Мариной, и Ольгой, и Катей, и Кристиной... в общем проще сказать, кем я не была. Собой я не была точно.

А вот с фотографией в последнем удостоверении личности несказанно повезло. Мне тогда предложили сфотографироваться в различных париках на каждый паспорт. На данном

изображении я как раз была длинноволосой блондинкой. Своих настоящих темно-медовых видно не было. Пару дней назад я как раз перекрасилась в очень похожий оттенок, поэтому от фото не отличить.

Убираю вещи обратно в чемодан, тщательно спрятав тайник, принимаю в душ и второй раз за день ловлю наслаждение, стоя под горячей водой, затем возвращаюсь в кровать, чтобы продолжить соблюдать прописанный врачом постельный режим.

Сама себе усмехаюсь, поражаясь сложившейся ситуации. При прошлом сотрясении мозга, которое было в несколько раз серьезнее, такой роскоши у меня не было. Удалось лишь пару дней отлежаться на неудобном диване в маленькой комнате.

Честно говоря, я понятия не имею, кто был виноват в аварии со Скворцовым. Я и правда выскочила на дорогу в последний момент, не посмотрев по сторонам. Конечно, я была на пешеходном переходе, и по решению справедливого суда водителю пришлось бы выплачивать мне компенсацию, но я имела прекрасное представление о государственных органах нашей страны. Почувствовала на собственном примере тонкости нашего правосудия и прекрасно понимала, что при любом раскладе преимущество было бы на стороне власти и денег, что и представлял из себя сбивший меня мужчина.

Кто же такой Артём Скворцов? С одной стороны, видно, что он чувствует себя виноватым и всячески старается загладить свою вину, несмотря на различные рычаги воздействия, находящиеся в его руках, но, с другой стороны, его предположение о шантаже и вымогательстве денег сильно выделяется из общей картины. И я не знаю, показывает ли оно его истинную сущность или нет.

Возможно, где-то глубоко внутри Артём хочет мне доверять, это видно по поступкам и его отношению, но в то же время к любой брошенной фразе обо мне, моем прошлом он относится с настороженностью. Я не могу сказать наверняка, поверил ли мужчина в мою историю с бывшим парнем или лишь принял к сведению, не желая лезть глубже.

Обычно врать о своем прошлом — элементарное дело для меня. Никто и никогда не сомневался в истинности моих слов, но Артём как будто смотрит прямо в душу, отчего придерживаться легенды становится сложнее, тем более, когда он столько всего сделал для меня. Возможно ли, что это всё его игра для того, чтобы вывести меня на чистую воду?

Доверяй, но проверяй.

Беру подаренный телефон и гуглю личность своего «губителя-спасителя».

«Скворцов Артём Александрович — тридцатилетний миллионер, возглавляющий строительную фирму, имеющую филиалы по всей стране. Преимущественно работает в столице и в теплых регионах страны, проектируя и строя, как жилые дома, так и отели, развлекательные комплексы и иные объекты инфраструктуры.

Компания была основана ещё его дедом, Скворцовым Петром Алексеевичем, который скончался несколько лет назад. Его сын, Александр, отказался от управленческой должности, передав руководство Артёму. За то время, пока внук основателя возглавляет фирму, он уже успел поднять её на новый уровень, приумножить собственное состояние в несколько раз и, кажется, не собирается останавливаться на достигнутом.

В прошлом году Артём Скворцов возглавил список самых завидных холостяков страны...»

Проверяю ещё несколько сайтов, но не нахожу ничего, что могло бы как-то опорочить мужчину в моих глазах или навредить моей безопасности. Кажется, он даже ни разу не ездил в северную столицу нашей страны. Во всяком случае точно не имел там никаких объектов.

Мне это только на руку.

В желтой прессе маячит единственное упоминание о его личной жизни — пару лет назад, ещё при жизни деда, он собирался жениться на дочери депутата, но вскоре пара сообщила о разрыве, не объясняя причин такого решения. После этого журналистам не удавалось найти какую-либо информацию о личной жизни Скворцова, и он продолжает сохранять статус холостяка вплоть до сегодняшнего дня.

Обычный бизнесмен, полностью посвятивший себя работе.

Приходится верить тому, что удалось найти, потому что иных источников информации мне всё равно не достать.

— Ладно, — произношу сама себе и откладываю телефон в сторону.

Для начала этого вполне достаточно, а пока надо подумать о других своих проблемах.

Денежных сбережений у меня немного. Арендовать на месяц или два небольшую квартиру-студию я смогу, но на большее мне точно не хватит. Мысленно уже начинаю себя готовить к тому, что придётся опять искать работу в обслуживающем персонале. Ничего против работы официанткой я не имею, но за два года успела устать от рутины.

Хорошо бы найти что-то связанное с искусством. Когда есть свободное время я рисую картины, свои пока не продаются, но вот копии работ известных художников заходят на ура. Но для хорошей репродукции требуется видеть картину вживую, а для похода в галерею у меня почти нет ни времени, ни денег, да и сами краски стоят недешево, которых у меня уже практически не осталось.

На часах далеко за полночь, поэтому вопросами поиска работы и квартиры я решаю заняться завтра, а сейчас нужно поспать. Тем более, врач прописал постельный режим. Засыпая, надеюсь, что этой ночью мне повезёт так же, как прошлой, и я смогу совершить новое путешествие в царство Морфея без кошмаров.

Алиса (6)

Проходит несколько дней, за которые моя губа и ссадины практически заживают. Голова ещё немного временами кружится, но в целом физически чувствую себя уже достаточно хорошо.

Ищу различные вакансии в сфере искусства, обзваниваю кадровиков, но ничего подходящего не нахожу. Почти везде отдельным пунктом прописывается наличие оконченного высшего образования, которого у меня нет. Едва слыша ответ на данный вопрос, со мной торопятся распрощаться и бросают трубку. Я уже начинаю свыкаться с мыслью, что придётся опять работать официанткой. Что ж, возможно, повезёт в другом городе. Все равно через месяц или два мне придётся менять место пребывания.

Параллельно просматриваю сайты аренды квартир, составляю список студий, которые подходят мне по цене, и обзваниваю владельцев. Почти все соглашаются показать квартиры сегодня, что меня несказанно радует.

Вещей у меня немного, в основном удобные и практичные: две пары джинсов, несколько кофт и футболок, одна пара кроссовок и одна пара кед, а также один костюм на выход — белая рубашка и бежевые штаны. Как обычно, для встречи с арендодателями надеваю костюм и кеды и невольно смеюсь над своим образом. Пару лет назад я бы себе не позволила так мешать стили, обязательно выбрала бы строгие туфли или женские оксфорды, но сейчас я и позволить себе не могу хорошую дорогую обувь, и мои приоритеты поменялись: в удобной обуви больше шансов убежать и скрыться от преследователей.

Остается последний штрих: скрываю ранку на губе косметикой, наношу легкий макияж

и задерживаю взгляд на девушке, отражающейся в зеркале. Это одновременно и я, и не я. В своей прошлой жизни, до произошедшего, я не могла выйти из дома без косметики и всегда наносила её в огромных количествах. Сейчас же всё по-другому. Отсутствие макияжа или его минимальное количество теперь своего рода маска и укрытие. Такой меня мало кто видел — меньше вероятностей быть узнанной.

— Вот так парадокс, — хмыкаю своему отражению, думая о том, что сейчас я совсем другая, но нахожусь в дорогом номере элитного отеля, как нередко было раньше.

Бросаю взгляд на подаренный телефон и думаю об Артёме. За прошедшие дни он навестил меня лично ещё один раз, заехав на минут десять, и каждый вечер звонил, спрашивал о самочувствии.

Давно обо мне никто так не беспокоился, но я не позволяю себе думать о таком, напоминая, что у него есть свой собственный интерес в таком поведении — я ведь могу начать его шантажировать.

Настроение моментально портиться.

Весь день разъезжаю по разным концам столицы, смотрю квартиры и нахожу подходящую мне студию по приемлемой цене, без проблем заключаю договор с хозяйкой, договариваясь уже завтра въехать. В номер возвращаюсь в прекрасном расположении духа, радуюсь, что так быстро удалось решить вопрос с жильём. Передохнуть в отеле за чужой счёт прекрасно, но хорошее рано или поздно заканчивается, и пусть лучше оно закончится по моей воле.

Даже не успеваю разуться, как слышу стук в дверь, в следующий миг она открывается, и передо мной стоит Артём.

— Привет, — слышу нотки удивления в голосе мужчины и чувствую на себе его заинтересованный взгляд, которым он осматривает меня с головы до ног, задерживаясь на кедах, явно выбивающихся из образа. — Ты куда-то ходила?

— Да, я нашла студию и завтра же переезжаю, — быстро выдаю я.

— Ты ездил посмотреть квартиры? А как же постельный режим?! — Скворцов бросает взгляд на губу, в место, где должна быть ранка, в данный момент скрытая помадой пастельного оттенка.

— Я уже чувствую себя прекрасно и не намерена тратить и дальше твои денежные средства, выходя за рамки необходимого, — произношу уверенно.

— Алиса... — начинает он, но натывается на мой угрюмый взгляд и замолкает.

Я тоже осматриваю мужчину. Артём, видимо, как обычно с работы, очередной деловой костюм сидит на нём идеально. На синяки под его глазами я не обращаю внимания, потому что каждый день наблюдаю у себя точно такие же. Разве что за последние дни мои стали менее заметны, но у Скворцова не уменьшились. Так много работает?

— Ты что-то хотел? — нарушаю повисшую тишину.

— Вообще-то да, — Артём ещё раз окидывает меня быстрым взглядом. — Администратор сказал, что сегодня ты ничего не заказывала, кроме утреннего кофе. Ты ела где-то вне отеля?

И тут замолкаю уже я, потому что, честно говоря, не могу вспомнить, ела ли я сегодня хоть что-то. Для меня это уже давно в порядке вещей — забыть пообедать, или поужинать, или вообще провести весь день на голодный желудок. Деньги на еду у меня есть всегда, просто из-за постоянного пребывания в напряжении такие естественные потребности, как еда или сон, отходят на задний план.

— Всё ясно, — произносит молодой человек, поняв всё без слов. — Раз ты и чувствуешь себя хорошо, пойдём угощу тебя ужином в ресторане напоследок, а завтра пришлю машину, только скажи во сколько. Мой водитель отвезёт тебя, куда скажешь. Возражения не принимаются.

— Почему ты так заботишься обо мне? — невольно вырывается у меня.

— Забочусь? — Артём, кажется, искренне удивлен моим вопросом. — Мне кажется, этого требуют, как минимум, правила приличия.

— Это лишнее, правда, — непроизвольно делаю шаг назад, как будто в своё убежище, что не ускользает от внимания мужчины. Он что-то замечает в моих глазах, и я готова поклясться, что в них на мгновение промелькнул страх, который я не успела ни вовремя спрятать, ни побороть. Доброжелательное поведение Артёма продолжает вызывать у меня вопросы.

— Алиса, — он поднимает руки, показывая мне ладони, — я не собираюсь причинять тебе вред. За рулём будет мой водитель, — пытается пошутить он, но я не смеюсь и не улыбаюсь.

— Послушай, — продолжает мужчина, — если бы я был маньяком, я бы уже тебя убил. У меня было на это целых пять дней. Но я ведь до сих пор этого не сделал, верно? Это всего лишь ни к чему не обязывающий ужин. Не сомневаюсь, что в отеле хорошо кормят, но знаю ресторанчик, где вкуснее. Я бы не отказался от компании, к тому же, не уверен, что ты нормально здесь поешь. Скорее всего закажешь опять суп или салат.

Как же он ошибается! Артёма я уже не боюсь. Я почти ему верю, что он желает мне только добра, а даже если врёт, то от него одного, думаю, что смогу сбежать.

Я боюсь другого — того, кого могу встретить в дорогом ресторане. Но рационален ли мой страх? Во-первых, я в другом городе, который огромен, во-вторых, я совсем не похожа на себя прежнюю, и... я чертовски сильно устала. Ничего ведь страшного не произойдет, если я позволю себе продлить это ложное ощущение безопасности ещё на чуть-чуть и поужинать так, как раньше?

— Хорошо, — всё-таки решаюсь, удивляя саму себя.

* * *

Я уже была в столице несколько лет назад и по-настоящему влюбилась в неё, что совершенно не сравнится с моим отношением к родному городу. Хоть Санкт-Петербург и является великим достоянием культурного наследия нашей страны, мне он кажется слишком мрачным.

Москва же выделяется особым, только ей присущим уютом. Она отличается полным смешением стилей, и по этой причине мой отец считает её абсолютно безвкусной, но я так не думаю. На мой взгляд, именно микс архитектуры разных эпох превращает мегаполис в уникальный город, который не стоит на месте, а дышит, живёт и движется вперед, и развиваясь в ногу со временем, и сохраняя толику исторического антуража.

— Ты не отсюда, да? — спрашивает Артём, заметив, как я с упоением рассматриваю центр города через окно автомобиля.

— Не отсюда, — подтверждаю, потому что нет смысла скрывать очевидное, и продолжаю, тщательно подбирая слова, — я видела центр Москвы не один раз, но всё равно каждый раз восторгаюсь.

— Да, столица красива, — усмехнувшись, соглашается он.

Если бы всё было иначе, я бы скорее всего переехала сюда, жила бы где-нибудь в

центре, гуляла, ходила по галереям, писала картины, через какое-то время вышла бы замуж, родила детей и просто наслаждалась жизнью. Где-то в глубине души я всё ещё надеюсь, что у меня всё сложится хорошо, но с каждым месяцем моя надежда угасает всё больше и больше, оставляя после себя лишь след от пепла.

— Когда ты переехала сюда? — после нескольких минут молчания задаёт ещё один вопрос Артём.

— Пару месяцев назад, — уклончиво отвечаю я.

— Жила с парнем?

Я лишь киваю в ответ, молясь, чтобы мужчина не углубился в тему, и, кажется, мои краткие ответы срабатывают: дальнейший путь до места назначения мы проделываем в тишине.

* * *

Ресторан, выбранный Артёмом, — это место высшего качества. Именно в этом заведении я не была, но их сеть есть и в моем городе — её я не раз посещала. Здесь собираются сливки общества, и, на самом деле, ресторан этого заслуживает, потому что в нём и правда очень вкусно и красиво.

В таком месте можно понять, за что именно ты платишь столь большие деньги. Возможно, если бы я выросла в бедной или среднестатистической семье, для меня это был бы перебор, но я с детства ела в подобных заведениях и понимаю их ценность. Конечно, далеко не вся роскошь оправдывает траты на неё, но не в случае конкретно этого ресторана.

Оказалось, Артём уже заказал столик. Понятия не имею, когда он успел это сделать, и не собираюсь об этом думать. Хостес проводит нас к столику у окна, оставляет меню и обещает прислать официанта через пару минут. Я окидываю взглядом весь ресторан и отмечаю, что сегодня не много народа, а потом вспоминаю, что рабочая неделя в самом разгаре, поэтому это неудивительно.

Уверена, что найду в меню множество знакомых блюд, но читать их названия и выбирать, что поесть, мне не хочется совершенно, поэтому я откладываю буклет в сторону. К тому же, для мужчины, сидящего напротив, я девушка, которая не росла в роскоши и деньгах, для неё всё в этом ресторане в новинку.

— Выбери что-нибудь и мне тогда, — говорю я, наблюдая за Артёмом, листаящим меню.

— Уверена, что не хочешь посмотреть блюда? — поднимает он голову и встречается со мной глазами, как будто что-то проверяет.

— Предоставляю эту привилегию тебе, — улыбаясь, чересчур наигранно говорю я.

— Так уж и быть, почту за честь, — усмехается Артём в ответ, а затем подзывает официанта и делает заказ.

Что именно говорит Скворцов, я не слушаю, так как отвлекаюсь на человека, стремительно шагающего в нашу сторону. Меня ментально охватывает паника. Почему он так быстро идёт? Мы с ним знакомы? Он меня узнал и идёт за мной?

Спокойно, Алиса, спокойно! Мир не крутится вокруг тебя одной. Возможно, он знает Скворцова и идёт сюда, чтобы поздороваться с ним. Тем более, даже если этот незнакомец видел меня прежнюю, узнать её во мне нынешней очень сложно.

Во всяком случае, я на это надеюсь, иначе я должна бежать, а бежать уже поздно...

Алиса (7)

Когда мужчина подходит ближе, мне удаётся разглядеть его получше, и я выдыхаю,

расслабляясь, потому что теперь могу с уверенностью сказать, что вижу его впервые. Гостю около пятидесяти лет: в темных волосах виднеется седина. В глаза сразу бросается его нос с горбинкой и широкая добрая-добрая улыбка.

— Артём Александрович! Вы ли это?! — восклицает незнакомец, устремляя взгляд на Скворцова.

— Добрый вечер, Виталий Семенович, — Артём встаёт и пожимает руку подошедшему, — я был уверен, что вы уже улетели в Сочи!

— Должен был ещё сегодня утром, да рейс перенесли, — объясняет мужчина и, повернувшись ко мне, начинает улыбаться ещё шире. — Артём! Что же вы умолчали о такой прекрасной девушке? Мы всё с Марком Юрьевичем считали вас заядлым холостяком, а вы, оказывается, на пути построения семьи. Уверен, теперь Казанцев ещё передумает! Салтыков Виталий Семенович, а вас как зовут, юная леди?

Он считает нас парой? Почему он так думает? Кидаю вопросительный взгляд на Артёма, думая, что он возьмёт в руки инициативу и разъяснит всё нежданному гостю, но молодой человек пребывает в недоумении и растерянно хмурится.

Тогда я сама расставлю всё по местам.

— Моё имя Алиса, только мы... — начинаю говорить, но меня неожиданно перебивает Скворцов.

— Не хотели пока афишировать, — заканчивает он мою фразу по-своему.

Теперь моя очередь смотреть в недоумении на Артёма, который уже нашёл и излучает полную уверенность. Что он задумал и, самое главное, зачем?

— Вы нас поймали с поличным! — продолжает молодой человек, наигранно посмеиваясь. — Знакомьтесь, это Алиса — моя девушка и в скором времени невеста!

Артём кидает на меня взгляд, не подлежащий расшифровке, а я от шока не могу произнести ни слова. Что происходит? Что он творит?! Зачем врёт?!

— Приятно, наконец, видеть, что ты остепенился, да ещё и с какой красивой девушкой! — продолжает восхищаться Салтыков. — Не сомневаюсь, что ещё и с невероятно умной!

— Всё именно так! — поддакивает ему Скворцов.

Я открываю рот, чтобы возразить, но молодой человек не даёт вставить мне и слова.

— Виталий Семенович, не хотите ли к нам присоединиться? — неожиданно предлагает Артём, не смотря на меня.

— Честно говоря, с удовольствием, — облегченно произносит гость. — Не хочется свой последний вечер в столице проводить в одиночестве! Я лишь отлучусь на пару минут, мне нужно сделать звонок и заодно предупрежу официанта, что сменил столик.

Как только мужчина отходит от нас на достаточное расстояние, я наклоняюсь к Артёму.

— Ты что делаешь?! — раздраженно шиплю я. — Мы ведь не пара!

— Успокойся, это только на один вечер, — умирительным тоном произносит он.

— Что? На один вечер? Но зачем?!

— Мне нужно получить разрешение на строительство от человека, которого упоминал Салтыков, Марка Юрьевича, — начинает быстро объяснять молодой человек. — А он, Казанцев, всё отказывает и отказывает. Якобы человек несемейный не сможет построить хороший детский комплекс! Во всяком случае, именно так он последний раз аргументировал свой отказ.

— А я-то тут причем?! — всё ещё ничего не понимаю.

— Ты же слышала, что раз у меня есть девушка, значит, Казанцев ещё может передумать. Алиса, мне нужно, чтобы ты притворилась моей девушкой.

— С какой стати мне это делать? Что за детские игры?

— Я тебе заплачу, — быстро добавляет Артём.

— Не нужны мне твои деньги! — восклицаю я.

— Тогда попроси что-то другое, что угодно, — умоляет он, и мне кажется, что я слышу нотки отчаяния в его голосе. — Что ты хочешь?

«Спокойствия, безопасности, и чтобы не нужно было ни от кого убегать и скрываться...» — тут же приходит на ум.

Скворцову предложить мне нечего. То, что нужно, он мне предоставить не может, разве что...

Нет, это будет слишком рискованно. Надо сосредоточиться на том, что делать дальше, как продержаться пару месяцев в столице, не попасться и незаметно сбежать в другой город.

Мы встречаемся глазами, и я четко слышу в голове эхо последних слов Артёма. Звучало ли в них отчаяние на самом деле, или мне оно лишь послышалось? Ему так важно это разрешение на строительство?

Я начинаю всерьёз обдумывать предложение Скворцова.

Неожиданно для самой себя осознаю, что где-то в глубине души мне даже любопытно поучаствовать в такой аванюре, тем более почувствовать себя хотя бы таким образом счастливой беззаботной девушкой, которой скоро сделают предложение руки и сердца.

Да и, честно говоря, с деньгами я погорячилась, они никогда лишними не бывают. Особенно в моём нынешнем положении. Жить на мели я в целом научилась, но вот на новый поддельный паспорт финансы мне точно понадобятся.

— Только на время ужина? — уточняю я и вижу, как молодой человек уже расплывается в довольной улыбке, трактуя мой вопрос как свою победу в переговорах.

— Да, — подтверждает он. — Потом я отвезу тебя в отель, а завтра ты переедешь, в свою новую квартиру, как и договаривались.

Ещё какое-то время я размышляю, но дать свой ответ Артёму не успеваю, так как возвращается Салтыков и занимает место за столом.

— Прекрасно! — хлопает гость в ладоши. — Взял выходной на завтра, проведу его с женой и детьми. У нас есть замечательный коттедж на берегу моря. Правда, мы не так часто там бываем, как хотелось бы. Сами понимаете, когда всю жизнь живёшь рядом с морем, оно перестаёт быть диковинкой.

— А я люблю море, — вставляю, представляя его морскую гладь, которую не видела уже пару лет и успела соскучиться.

— Алиса, это же чудесно! — Салтыков тепло мне улыбается. — Обязательно приезжайте к нам с Артёмом.

— Виталий Семенович, работа не отпускает, — говорит Скворцов.

— Плохо, — укоризненно произносит мужчина. — Вот скажите, Алиса, вы с Артёмом давно ездили в отпуск?

— Давно, Виталий Семенович, — вхожу я в роль. — Тёма постоянно работает, на длительный срок не получается выехать, но хотя бы в выходные, — бросаю на Скворцова взгляд, полный нежности, беру его за руку и замечаю, что он изо всех сил пытается скрыть удивление на своём лице, — всегда дома, со мной.

Я же не переигрываю, правда? Кажется, молодой человек не ожидал, что я буду так себя

вести, поэтому аккуратно возвращаю руку к себе на колени, якобы чтобы поправить брюки.

— Раз так, то, — говорит Салтыков, — Артём, я обязательно замолвлю за тебя словечко перед Марком Юрьевичем, чтобы он тебя в командировку на недельку, а то и две вызвал для обговаривания условий выдачи разрешения. Ты и посмотреть выделенную под проект территорию успеешь, и отдохнёшь с Алисой. Заодно и мы с Ирой к вам присоединимся, если никуда не улетим!

— Звучит сказочно! — восклицаю я.

В этот момент нам приносят еду. И я полностью растворяюсь в приеме пищи. Как давно мне не было так вкусно! Это всё, потому что мы в дорогом ресторане? Или по какой-то другой причине? У Артёма определенно есть вкус в еде.

Мельком поглядываю на мужчину. Он увлечен своим блюдом и не смотрит в мою сторону.

— Давно вы вместе? — задает вопрос Виталий Семенович.

— Пару месяцев, — подает голос Скворцов, опережая меня.

— Вам несказанно повезло не быть заснятыми папарацци! — удивляется Салтыков. — Я, конечно, птица не такого высокого полёта, как вы, Артём, но помню, что местная газета написала об Ире, когда мы только начали встречаться, а она ведь девушка из простой семьи. Как её там только не обозвали! У нас чуть ли не до скандала дошло. Я ей доказывал, что мне всё равно, кто и что о ней пишет, что люблю я её такой, как она есть. А это всего лишь какая-то мелкая местная газетенка была! Честно сказать, я и в глаза то не видел выпуск, Ирина мама увлекалась желтой прессой, вот и показала ей. Не обращать на них внимание надо, тогда им самим надоест писать.

— Хорошо, что у вас всё благополучно закончилось, — говорю я, но внутри мрачню, припоминая множество историй, рассказанных отцом, в которых желтая пресса ломала судьбы, и представляю свою собственную, которую рано или поздно сломают точно также.

Неожиданно чувствую руку Артёма на своей и поднимаю на него глаза. Молодой человек не смотрит на меня, но его теплая рука нежно сжимает мои пальцы. Все мрачные мысли мгновенно исчезают, и становится так спокойно, что на пару секунду я и правда чувствую себя в полной безопасности.

Здесь.

С ним.

Он это делает, чтобы поддержать нашу историю любви, или увидел перемену в моём настроении? Впрочем, неважно. Я прекрасно понимаю, что это лишь игра, но сейчас мне хочется, чтобы она не заканчивалась.

Мы ещё какое-то время разговариваем на абстрактные темы, затем Салтыков и Артём начинают обсуждать какие-то рабочие моменты, общее положение строительного бизнеса в стране. Оказывается, пару лет назад Артём что-то строил для Виталия Семеновича, но в детали я уже не вслушиваюсь.

— Что ж, — говорит Салтыков спустя некоторое время, — не буду вам больше мешать, а то вижу, что Алисе наши разговоры о работе наскучили. Да и рейс у меня ранний, пойду отдыхать. Спасибо за компанию, Артём, — они пожимают друг другу руки, — спасибо и вам, Алиса, и за компанию, и за то, что терпите этого трудоголика!

— Что вы, Виталий Семенович, на меня Тёма всегда находит время! — зачем-то добавляю я и тоже протягиваю руку Салтыкову, ожидая рукопожатия, но он целует тыльную сторону моей ладони, и я невольно улыбаюсь такой вежливости.

— Это самое главное! — заключает Салтыков и, попрощавшись, уходит.

Какое-то время мы сидим в тишине. Я всё ещё пытаюсь осознать, что только что произошло. Раньше я бы себе не позволила такого поведения, раньше у меня вообще практически всё было расписано, четко и строго, но сейчас понимаю, что мне даже понравилось. Когда ещё представится и представится ли вообще случай побыть героиней одного из самых популярных сюжетов романтический историй?

И я начинаю искренне смеяться. Я даже не помню, когда я в последний раз так заливалась смехом.

Опасность опасностью, но успевать жить по пути потрясающе!

— Ты в порядке? — слышу голос Артёма, молодой человек смотрит на меня выгнув одну бровь, но я четко вижу, что уголки его глаз улыбаются, от чего смеюсь ещё сильнее. Ему тоже не мешает по-настоящему расслабиться, а не вполовину.

— Да, — киваю, наконец успокаиваясь. — Просто никогда не думала, что попаду в такую ситуацию, где нужно будет притворяться девушкой богатого и успешного бизнесмена.

— Всё когда-то бывает впервые, — бросает мужчина, усмехаясь. — Я тоже никогда не думал, что буду кого-то умолять притвориться своей фиктивной парой на вечер.

Артём (8)

Сегодня Алиса выглядит намного лучше: синяки под глазами заметно уменьшились, губа практически полностью зажила, цвет кожи девушки уже совсем не такой бледный, как раньше, даже на щеках виднеется легкий румянец.

Увидев её в номере, уже значительно посвежевшей, я вновь отмечаю красоту девушки: яркий цвет глаз, правильные аккуратные черты лица, не требующие вмешательства косметики, густые светлые волосы, немного темнеющие у корней. Брюки высокой посадки, подчеркивающие её маленькую талию и стройные ноги, рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей и кеды, не очень сочетающиеся с её классическим образом, но всё равно хорошо вписывающиеся. Вкус у девушки определенно имеется.

Но понять поведение Алисы, разгадать её мне не удаётся совершенно.

Видно, что денег у девушки немного, но и принимать мои она отказывается до последнего: Шведова хотела поехать в дешёвый отель, затем когда я лишил её выбора, всячески старалась дать понять, что заплатит за люкс самостоятельно. Из головы никак не выходит угрюмый недовольный взгляд Алисы, которым девушка на меня посмотрела, когда я пытался предложить ей остаться ещё на некоторое время в отеле за мой счёт, до полного восстановления организма.

В то же время я продолжаю слышать убедительный голос Дениса, говорящий о том, что девушкам доверять нельзя, что, встретив рыбу побогаче, они тут же выберут её, а морепродукт победнее выкинут без зазрений совести. Вопрос лишь в том, какой рыбой окажешься ты.

Приглашение на ужин становится своего рода вызовом с моей стороны, и я всё жду, когда Алиса покажет свою корыстную сторону, истинную суть, но даже в ресторане она предоставляет выбор блюд мне. Возможно, это мелочь, но я привык, что девушкам от меня всегда что-то надо, и по этим правилам Алиса должна была выбрать самое дорогое, а не оставить последнее слово за мной.

Как иронично, что сегодня именно мне кое-что нужно от представительницы прекрасного пола, а не наоборот. И Алиса отказывается! Во всяком случае, сначала, чуть позже после уговоров она всё-таки соглашается, но я понятия не имею, что девушка

попросит взамен, и опять слышу предостерегающие слова Дэна в своей голове.

Разрешение на строительство мне и правда необходимо, я давно хочу построить детский центр. К тому же, это поднимет компанию на совершенно новый уровень, обеспечит ещё большую рекламу и в перспективе увеличит прибыль, поэтому в сделке с Алисой на вечер присутствует исключительно мой корыстный интерес.

Девушка так хорошо вливается в роль, что на миг даже я верю, что мы по-настоящему вместе, что я постоянно работаю, но на Алису всегда нахожу время. В какой-то степени это правда, потому что на этой неделе я действительно уделяю ей внимание каждый день в том или ином виде.

Алиса сидит напротив меня и заразительно смеётся, а я чувствую тепло от её смеха, которое медленно растекается внутри. Не могу отвести от неё глаз. Это точно её искренний смех. Когда последний раз я так от души смеялся?

Весь путь до отеля мы проделываем молча. Провожая её до номера и уже собираюсь уходить, но вид коридора навеивает воспоминания о нашем предыдущем разговоре здесь, и я четко вижу перед собой тот эпизод, как ранее девушка сделала стремительный шаг от меня, будто пугаясь.

— Алиса, — она тут же поворачивается ко мне, а я задаюсь вопросом: не слишком ли быстро девушка сделала это, не увидела ли Шведова во мне угрозу снова?

— Да? — в её устремленном на меня взгляде явно видна настороженность.

— Он тебя бил? — спрашиваю, не церемонясь, озвучивая вслух догадку, пришедшую на ум.

— Что? — и опять Алиса делает маленький шаг назад, от меня.

— Твой бывший парень тебя бил? — повторяю вопрос я.

— Нет, — она мотает головой и слегка хмурится. — С чего ты взял?

— Когда мы сегодня с тобой здесь разговаривали, был момент, когда ты как будто испугалась меня и попятилась, — объясняю я и внимательно наблюдаю за реакцией Алисы. — Сейчас ты опять сделала шаг назад. И я сомневаюсь, что нормальные парни преследуют своих бывших девушек, которые вынуждены убегать и попадать под машины.

— Да ты... ты... Ты ничего обо мне не знаешь! — восклицает она, но её возмущение не выглядит таким уж искренним, как тот смех, который я слышал ранее.

— Верно, не знаю, — спокойно отвечаю я, смотря прямо на неё. — Но вижу твою реакцию.

Алиса отводит глаза в сторону, избегая моего взгляда.

— Артём, — строго говорит она, — при всём моём уважении, но тебя это не касается.

— Нет, касается, — настаиваю на своём я. — Я не хочу, чтобы ты боялась меня, хорошо?

— Я тебя и не боюсь, — произносит она, медленно качая головой из стороны в сторону, но я решаю уточнить этот момент ещё раз.

— Алиса, я не причиню тебе вреда, — стараюсь говорить максимально убедительно, чтобы она мне поверила, но девушка в ответ лишь еле заметно пожимает плечами.

К черту!

Все равно завтра мы разбежимся и скорее всего уже никогда не пересечемся.

— Ладно, — закрываю тему. — Тогда завтра в обед за тобой заедет Михаил, поможет тебе с вещами и доставит по адресу, который ты назовёшь.

— Спасибо, — благодарит Алиса.

— Да и насчёт сегодняшнего вечера... — вспоминаю я своё обещание. — Так что ты хочешь получить взамен?

— Ничего не нужно, правда, — быстро произносит она.

Шведова не перестает меня удивлять. Сначала она не хотела притворяться моей девушкой, но потом согласилась, когда я предложил ей всё, что захочет, а в итоге, Алиса и от этого отказывается.

Что же мне с ней делать? И можно ли вообще оценить сегодняшний ужин в денежной валюте?

— Отправлю завтра с Михаилом плату, — всё-таки решаю я, не имея привычку оставаться в должниках.

Алиса в ответ снова лишь пожимает плечами. Её лицо не выражает никаких эмоций. И я задумываюсь о том, что совершенно не представляю, что творится в душе девушки. Она ушла от парня, который, возможно, её бил, а теперь преследует или преследовал. Её сбил другой мужчина, а теперь ещё и пристает со своей заботой, в итоге пришлось притворяться его девушкой и играть спектакль, потому что мне так захотелось. А как только я пытаюсь ей как-то помочь, она закрывается и отвергает любые предложения, но потом под давлением всё-таки принимает.

А почему меня вообще должна волновать жизнь этой незнакомки?

Не должна.

Но по неведомой мне причине волнует.

— Алиса, — аккуратно говорю я, — во-первых, прости, что сбил тебя, и прости, если я лез не в своё дело. Во-вторых, спасибо тебе большое за то, что подыграла. Не знаю, встретимся ли мы ещё, но, если тебе хоть что-то понадобится, мой номер у тебя есть.

— Буду иметь в виду, Артём, — она слегка приподнимает уголки губ, и её улыбка выходит невероятно грустной и даже обреченной.

И я опять ловлю себя на мысли, что хочу узнать всё, добиться от Алисы правды, её истинной истории, но обрываю себя, прекрасно понимая, что это лишнее. Захотела бы — сама рассказала. Да и зачем мне это надо? Впускать её в свою жизнь я все равно не намерен.

Алиса (9)

На следующий день приезжает водитель Артёма — Михаил. Он отвозит меня в съёмную квартиру и перед уходом вручает белый конверт с деньгами. Сумма немаленькая. Хотя, конечно, смотря относительно чего оценивать. Для меня нынешней она очень даже приличная, а для меня прошлой — совсем маленькая, при желании могла бы легко спустить её за день.

Неделю я маюсь поисками вакансий, надеясь всё-таки найти что-то более стоящее, чем работа в обслуживающем персонале, но мне всё также продолжают отказывать, поэтому решаю уже остановить свой выбор на ресторане в двадцати минутах ходьбы от съёмной квартиры.

Администратор сообщает, что будет ждать меня завтра на первый пробный рабочий день и если её всё устроит, то меня сразу трудоустроят, поэтому сегодня я выдвигаюсь на разведку и иду до этого места. Ничего необычного. Среднестатистический ресторанчик для Москвы или Питера.

Заходить не рискую и направляюсь обратно прогулочным шагом, рассматривая вывески на домах, чтобы начинать понемногу ориентироваться в районе. Натыкаюсь на частную художественную школу. Ничего не могу с собой поделывать, ноги сами меня несут к зданию.

На входной двери как будто именно для меня висит объявление о поиске преподавателя рисования. Во всяком случае, мне очень хочется так думать. Завороженно срываю его и захожу внутрь.

— Здравствуйте! — здоровается улыбчивая молодая девушка за стойкой у входа. — Добро пожаловать в школу «Настоящий художник»! Что я могу для вас сделать?

— Добрый день, я по объявлению, — и поднимаю бумажку в подтверждение.

— Чудесно! — восклицает она. — Меня зовут Наташа, я администратор. Давайте, я сейчас позвоню Семену Владимировичу и уточню, когда ему будет удобно провести собеседование.

Пока девушка звонит руководителю по внутреннему телефону, я оглядываюсь по сторонам, вижу огромное количество картин, развешанный на стенах, а также различных поделок, заполняющих стеллажи. Видно, что работы в основном детские, но от этого мой восторг нисколько не исчезает, а даже проявляет себя во всей красе. С огромным удовольствием рассматриваю работы. Когда-то у меня самой была огромная комната, завешанная картинами моей кисти, но все они остались в прошлом и скорее всего уничтожены.

— Девушка? — окликает меня администратор. — Семен Владимирович может принять вас прямо сейчас, если вы готовы.

— Готова, — произношу я так, будто от этого собеседования зависит вся моя жизнь.

Наташа объясняет, куда идти, и я оказываюсь в кабинете Кольников С.В. Он разговаривает по телефону, а сам рукой указывает на кресло перед своим столом, я сразу в него сажусь и дожидаясь, пока мужчина закончит разговор.

— Я понял, — резковато говорит он собеседнику. — У меня есть ещё три месяца, чтобы найти деньги для школы. Вот до того срока не смей меня тревожить... Знаю! Я что-нибудь придумаю.

Мужчина бросает трубку, встает из-за стола, наливает себе воды в стакан и залпом выпивает, затем второй и третий и лишь после этого возвращается на своё место и только замечает меня. Окидывает внимательным взглядом, но быстро встряхивает головой, как будто старается прогнать только что сложившееся обо мне первое впечатление.

— Простите за разговор и... в общем, неважно... — говорит Семен Владимирович. — Значит, вы по объявлению? Расскажите немного о себе и почему вы хотите у нас работать, а потом уже покажете ваши дипломы, аттестаты, рекомендации и прочие бумажки.

Я на секунду теряюсь, потому что, естественно, ничего из вышеперечисленного у меня нет. Только поддельный паспорт найдётся. Но мне ведь дают шанс рассказать о себе, и я им воспользуюсь. Нужно просто словами убедить мужчину в своей компетентности и готовности работать. Главное держать в голове то, как сильно я люблю рисовать, ведь главное — желание, а с остальным как-нибудь можно разобраться. Правда, за прошедшие два года со мной это практически никогда не работало.

Делаю глубокий вдох, усмиряя волнение, и начинаю рассказ, решая выдать некоторую правду:

— Меня зовут Алиса Шведова. Я училась в мухе, то есть в Академии им. А.Л. Штиглица, но по личным обстоятельствам мне пришлось прервать обучение на третьем курсе, после этого я активно занималась созданием копий работ известных художников. На втором курсе стажировалась в художественном центре для самых маленьких, открывала дошкольникам мир искусства и красок.

Я невольно улыбнулась, вспоминая, как это было. Я люблю детей, и тогда с удовольствием ухватилась за возможность поработать с ними. На курсе никто больше не захотел соваться к малышам, друзья же косо на меня смотрели, не понимая, зачем мне вообще нужна работа. Юра тоже удивился, что я захотела самостоятельно стажироваться, ведь могла просто попросить папу договориться, и он бы мне без проблем достал бумаги, подтверждающую любую практику в городе.

Месяц работы с самыми маленькими, только познающими окружающий мир, делающими первые шаги в рисовании, подарил мне невероятное удовольствие. Наблюдать восторг детей, их искренние ещё ничем неиспорченные эмоции, когда они видят результат своих стараний, — это ни с чем несравнимые ощущения.

— Вижу, вы вспомнили, как это было, — произнёс Кольников, и я вижу, что на его губах тоже играет улыбка, отчего моя делается шире.

— Да, — соглашаюсь я и сама не замечаю, как начинаю рассказывать о том рабочем опыте. — Совсем маленькие, но за месяц делали такие успехи. Мне ещё предоставили полную свободу действий, и я предложила устроить особое занятие, заранее предупредив родителей, что скорее всего им придётся потом долго отмывать малышкой, но все мамы, к моему удивлению, согласились и выразили своё доверие. К тому моменту я уже три недели вела их группу.

— Суть занятия состояла в том, чтобы почувствовать краски, чтобы понять кисть и занять её место, — продолжаю я. — Мы застелили весь пол белым ватманом, а ребенку разрешалось войти только после того, как он выберет цвет и испачкает в нём ручки и, по желанию, ножки. Вы бы только видели восторг детей! А какое художество получилось! Огромный холст затоптанный, как ногами, так и руками деток, всеми цветами радуги — от белого цвета ватмана ничего не осталось. Руководительница отправила на конкурс результат наших стараний. Первое место работа не заняла, но взяла приз зрительских симпатий.

— Какое интересное занятие, — отмечает Семен Владимирович с доброй улыбкой на губах.

— Ой, простите, это, наверное, было не совсем по делу, — спохватываюсь я. — Просто очень запоминающееся событие было.

— Что вы! Как раз по делу, — возражает Кольников. — А рекомендации у вас есть из этого центра? Я бы с удовольствием на них взглянул и на подтверждение вашего трехлетнего обучения в мухе. Если всё предоставите, пушу вас на пробное занятие.

Улыбка с моего лица сходит моментально. А я так надеялась, что хотя бы здесь не попросят все эти бумажки, но, кажется, не судьба, придётся довольствоваться работой официантки. Видимо, мне никогда не заниматься любимым делом, придётся вечно бегать, вечно скрываться... Потому что как решить то, с чем я столкнулась, я не знаю. Придётся мириться с тем, что есть.

«Я хотя бы живая...» — обычно такими словами успокаиваю себя, но почему-то именно сейчас, они не помогают и на ум приходят совсем другие мысли...

Разве то, как я живу, можно назвать жизнью? Я скорее существую или выживаю, но не живу.

— Понимаете, у меня... — начинаю своё объяснение я, уже прекрасно осознавая, что мне здесь ничего не светит, как меня прерывают.

В кабинет влетает Наташа.

— Папа! У Алёны начались схватки! Я уже вызвала ей скорую, но детская группа...

— Как схватки?! — тут же подскакивает со стула Семен Владимирович.

— Рожает она, пап!

— Господи! Она не могла ещё хотя бы две недели подождать до возвращения Феликса из отпуска... Её же теперь некому заменить.

— Это так не работает! — восклицает администратор. — Так что мне с детьми делать? Родителей обзванивать?

И тут я ловлю на себе взгляд Кольникова.

— Готовы попробовать себя прямо сейчас в роли учителя? — спрашивает он. — Считайте, что это ваше тестовое задание.

— Конечно, — уверенно говорю я, кивая.

— Тогда пойдёмте. До конца занятия ещё почти пятьдесят минут. Надеюсь, вы справитесь, а я понаблюдаю со стороны, а со всей этой бумажной волокитой вопрос решим позже.

Мне достаётся группа детей восьми лет. Сначала никто из них и слушать меня не хочет. У всех на уме куча вопросов об Алене Сергеевне. Она рожает? А как же занятия с нами? А мы хотим с ней! Вас мы не знаем. А кого она родит? Мальчика или девочку?

Но мне всё же, наконец, удаётся поймать их внимание и заинтересовать так, что все в абсолютной тишине внимают каждому моему слову, слушая и о технике рисования, и о том, кто из художников её придерживался, в чём её преимущества. В итоге никто и не замечает, как занятие подходит к концу, пока этого не озвучивает Сергей Владимирович, а затем сам провожает группу к родителям, которые ждут своих детей в коридоре, и просит меня задержаться.

— Алиса, — обращается Кольников ко мне, возвращаясь в аудиторию для творчества, — а по отчеству как?

— Андреевна, но это излишне.

— Для взрослых может быть и да, но с детьми давайте все-таки соблюдать субординацию.

— Да, конечно, я всё понимаю, — быстро соглашаюсь я.

— Мне понравилось, как вы вели занятие, — неожиданно для меня говорит он. — Вижу ещё присутствует неопытность в каких-то моментах, но это нарабатывается исключительно годами практики, а так занятие получилось очень даже неплохое. Возможно, профессиональная художественная часть немного страдает, но зато контакт с детьми был установлен блестяще.

— Спасибо, — смущаюсь я и заливаюсь краской, давно никто не хвалил мою художественную самодеятельность. Мама поддерживала моё увлечение, отец же всерьёз никогда не воспринимал рисование, но, тем не менее, разрешил поступить в высшее заведение по выбранному мною направлению.

— Алиса Андреевна, я готов вас взять, но платить много я вам не смогу, — выдаёт он.

Мне не послышалось? Меня правда взяли?

— Я согласна, — быстро произношу я, боясь, что это лишь мираж, что Кольников может передумать.

— Прекрасно! Тогда предоставьте Наташе все документы об образовании и прочие вещи, договоритесь с ней о графике и выходите на работу.

Это хорошие новости, но я так всё равно не могу...

— Семен Владимирович, только у меня нет никаких бумаг, — честно во всём

признаюсь я, понимая, что скорее всего ставлю крест на возможности здесь работать. — Я не могу вам предоставить никакие рекомендации.

Он с минуту на меня внимательно смотрит и анализирует сложившуюся ситуацию.

— Тогда сделаем так, — наконец произносит Кольников. — Вы мне принесете пару своих работ, а затем я приму окончательное решение.

— Спасибо, я обязательно принесу! — счастливо улыбаясь, благодарю его за предоставленный шанс. Ещё не всё потеряно. Я всё ещё могу заполучить работу, которая мне по душе. Пусть и временно, пусть и всего не более чем на два месяца, но для меня и это будет маленькой победой.

Артём (10)

Неделя на работе выдается особенно тяжелая. Хорошо, что Новиков всегда на подхвате — в который раз радуюсь, что позвал Дэна работать к себе.

Мы с ним сдружились ещё на первом курсе, стали одними из лучших на всём потоке, и я предложил ему должность в компании ещё тогда. Он отказался, аргументируя это тем, что хотел бы найти работу сам, а не по знакомству. И сколько бы я его не убеждал в том, что ему все равно придётся пройти собеседование у моего деда, он не соглашался.

В итоге в середине лета после первого курса Дэн звонит мне и говорит, что нашел работу в одной международной фирме — им требовался стажер, которого можно было обучить под собственные нужды. Новиков долго у них работал, пару раз летал в командировку в Польшу, а на четвертом курсе даже поехал туда и работать, и учиться по обмену на полгода, но, к сожалению, кое-что сложилось не в его пользу, и по возвращении в Россию Денис снова находился в поисках работы.

Тогда я и предложил ему ещё раз место моей правой руки, и Дэн всё-таки согласился, но, естественно, после собеседования у моего деда и официального оффера.

Вот и получается, что работаем с другом уже около десяти лет рука об руку. Новиков, правда, периодически заикается о том, что хочет открыть своё собственное дело — заработанные в компании средства свободно позволят ему это сделать, — но я эгоистично надеюсь, что Денис задержится у меня как можно дольше.

— Держи, Тёмыч, — заявляется ко мне в кабинет Дэн после обеда, бросая бумаги на стол, и, нагло ухмыляясь, заваливается на диванчик, — заключил я контракт с Калмыкиным. Он до последнего настаивал на личной встрече с тобой, но мне удалось заговорить ему зубы и убедить, что я здесь не менее важное лицо.

— Супер, — кратко отвечаю я, параллельно листая, принесенный другом договор.

— Да всё там, как мы с тобой обсуждали, можешь не перепроверять.

— Я в тебе не сомневаюсь, — отвечаю, пролистывая сразу на страницу с подписью Калмыкина — закорючка на закорючке, — хотел посмотреть, как он расписывается. Не очень приятный?

— Да нормальный мужик, — бросает Денис, — просто чересчур высокого о себе мнения. Считает, что если бы дед твой ещё руководил фирмой, то он бы без проблем, без каких-либо личных встреч через своих юристов всё согласовал и подписал, а ты якобы ещё слишком маленькая рыбка для такого большого рынка. Непроверенная, неопытная.

— Ага, ну, конечно, — тяну возмущённо, — кто бы сомневался. Не первый год у руля, а он до сих пор такого мнения.

Я надеялся, что за пять лет единоличного руководства фирмой избавлюсь от всех предрассудков своих возрастных контрагентов. К тому же, зачастую целенаправленно

работал с ровесниками, которым не свойственно такое поведение, но все равно приходилось и приходится до сих пор иметь дело с совершенно различными возрастными категориями, и иногда находятся такие уникалы, которые не воспринимают деятельность моей компании всерьёз и всё ждут, когда она потерпит крах.

Калмыкин относится именно к таковым.

— Заключили договор и хорошо, окажем ему услуги по высшему разряду, — ставлю точку в его обсуждении.

— Я тогда Марьину передам его проект, если ты не против? — предлагает Денис.

— Да, читаешь мысли, — соглашаюсь я, кивая.

Стук в дверь, и в кабинет заглядывает моя секретарша Светлана.

— Артём Александрович, Казанцев на линии, — тараторит она.

— Казанцев? — удивляется Дэн, потому что прекрасно помнит, что тот нам в очередной раз отказал, а о встрече с Алисой и Салтыковым я ему не рассказывал.

— Соединяй, — бросаю Свете и поднимаю трубку. — Добрый день, Марк Юрьевич, рад слышать, как ваше здоровье?

— Не жалуюсь, Артём, не жалуюсь, — произносит Казанцев. — Заглядывал тут ко мне на днях Витя и поделился интересными новостями. Неужели, правда? Остепенился?

— Как быстро распространяются новости, — аккуратно говорю я, намеренно не отвечая на вопрос напрямую.

— Витя так расписал девушку, что мне аж самому стало интересно посмотреть на героиню, которой удалось завладеть твоим черствым сердцем, — продолжает он, а мне неприятно становится от использованного им слова. Откуда у него такая уверенность в том, что моё сердце черствое?

— Да мы как-то не хотели афишировать пока, — отвечаю ему, подавляя своё недовольство брошенным им словосочетанием. — Она стесняется, не хочет быть в центре внимания.

— Так это правда? Значит, невеста? — допытывается Марк Юрьевич.

— Пока ещё девушка, но в будущем времени моя невеста и жена! — сдаюсь я и ловлю на себе пораженный взгляд Новикова. Денис смотрит на меня во все глаза и еле сдерживается, чтобы не задать вопрос. Я понимаю, что как только я закончу разговор с Казанцевым, допроса от друга мне не избежать.

— Очень-очень за тебя рад, Артём, мои поздравления! — говорит он как будто бы восторженно, в его тоне проскальзывает что-то ещё, что распознать я не успеваю.

— Да рано ещё, Марк Юрьевич, вот хотел сначала пару проектов доделать, а потом и сделать предложение где-нибудь на островах в отпуске, — на мгновение я сам себе поражаюсь: как оказывается складно умею врать и не краснеть. — Да и «согласна» от неё ещё надо получить.

Не выдерживаю взгляда Новикова, чьи зрачки уже готовы выкатиться из орбит, и поворачиваю кресло к окну, чтобы спокойно закончить разговор.

— Получишь, если сам нигде не напортачишь, — бросает Казанцев, а затем его тон из наигранно игрового превращается в деловой. — Я в общем-то по какому вопросу тебе звоню: готов выслушать твоё предложение. Только у самого пока проектов много. Прилетай недельки через две в Сочи, мы всё лично обговорим. Подойдет?

— Конечно, подойдет, — воодушевленно соглашаюсь я, ещё не до конца веря в удачу. Или в удавшуюся авантюру.

— Вот и прекрасно! И невесту свою не забудь привести! Пусть подышит морским воздухом, а не вашим загрязненным московским.

— Девушку, — поправляю его я.

— Твою женщину в общем! Давай, до связи, — подводит итог Марк Юрьевич и отключается.

Одна проблема решена. Казанцев уже готов идти на контакт. Осталось решить две другие. Убедить его в необходимости выдать разрешение на строительство детского комплекса именно моей компании, и решить вопрос с девушкой...

Дэн начинает усиленно покашливать в надежде привлечь мое внимание. Возвращаюсь в кресле в прежнее положение и кидаю на него взгляд. В Новикове я уверен на сто процентов, ему можно доверить любую тайну, да и один я с такой авантюрой не справлюсь.

Таким же кредитом доверия с моей стороны пользуется разве что ещё Андрей.

— Казанцев готов к переговорам, — говорю я, но Денис меня перебивает.

— Это я уже понял. Не понял, я того, что у тебя появилась жена. Что это был за цирк?

— Дэн, понимаешь, Салтыков нас с Алисой увидел...

— С кем, с кем? — переспрашивает друг с глазами по пять рублей. — С той самой Алисой, которая кинулась под машину ради твоих денег?

— Ты сам переворачиваешь всё с ног на голову, — в моем голосе звучат стальные нотки. — Ей абсолютно плевать на мои деньги. Я фактически умолял её остаться в отеле за мой счёт хотя бы на неделю, пока она окончательно не пришла в себя.

— Ты сделал что?! — Денис был не в курсе моей помощи девушке. — Конечно, она прожила в отеле неделю за твой счёт. Ты поди ей ещё и «Руссо» оплатил...

— Хватит! — рявкаю на него, пока он не перешел границы дозволенного. — Ты почему так к ней относишься? Что лично тебе сделала Алиса?

— Артём, я тебя не узнаю, — пораженно качает головой друг. — Ты же на собственном опыте познал, что такое женская сущность, меркантильность и корысть.

— И что? Теперь всех по одному примеру судить будем? — начинаю я злиться.

— Во-первых, не по одному... — настаивает на своём Денис.

— Ты сейчас про свою Элину? — опережаю друга, прекрасно осознавая, что её имя сработает для него как триггер.

Новиков моментально замолкает, откидывается на спинку дивана, закрывает глаза и потирает переносицу. Я вижу, что ему до сих пор больно, вижу, что он до сих пор пытается забыть девушку, которая оставила неизгладимый отпечаток в его душе почти десять лет назад, но он упорно продолжает это отрицать, настаивая на том, что всё уже давно в прошлом.

Выжидаю несколько минут, давая время и ему, и себе успокоиться, а затем говорю:

— Так уж вышло, что Салтыков посчитал меня и Алису парой. Я надеюсь, все-таки не связывать девушку, как-нибудь объяснить её отсутствие, но именно наличие постоянных отношений, как оказалось, важно для Казанцева. Ты же прекрасно понимаешь, как ценен этот проект и для компании, и лично для меня. Дед всегда хотел построить сеть детских комплексов, а ты знаешь, что для них нужны специальные разрешения правительства, которые только Казанцев готов предоставить.

— Туше, — тихо произносит Денис. — Просто я ей не доверяю и всё. Возможно, я ошибаюсь и буду рад, если в итоге так всё и окажется.

— Пока Алису я никак и не собираюсь привлекать. К слову, она уже давно съехала из

«Руссо» и сняла себе квартиру.

— Значит, все-таки «Руссо», — хмыкнул друг и присвистнул.

— Иди работай уже, — бросаю я, и Дэн покорно покидает кабинет.

Чуть позже мне звонит мать и просит заехать к ним вечером после работы. Она говорит, что нашла какие-то документы в кабинете отца на имя деда, и не знает, что с ними делать. Я обещаю заехать. Надеюсь, это не очередной предлог с кем-то меня познакомить, и эти бумаги деда существуют на самом деле.

До дома родителей добираюсь только в начале девятого, но свет в доме горит. Видимо, семья как раз ужинает. Захожу внутрь и в коридоре сталкиваюсь с домработницей родителей Зиной. Она мне кивает, приветствуя, и узнав, что я не голоден, обещает принести только чашечку чая к столу. Все уже поели и сейчас наслаждаются десертом.

— Всем приятного аппетита, — желаю я, заходя в столовую и занимая место рядом с сестрой, которая тепло мне улыбается. Отец кивает головой, здороваясь, параллельно поедая клубничный пирог — любимое сладкое Лены.

— Тёма! Мы уже думали, ты не заедешь, — восклицает мама.

— На работе замотался, — отвечаю я.

— Всё работа твоя да работа... — ворчит она. — Ты когда личную жизнь налаживать собираешься?

— Мам, ты опять? — моё настроение портится моментально. — Я думал, ты мне какие-то документы показать хотела.

— Успеется, — отмахивается она. — А как там Анечка поживает?

— Какая Анечка? — хмурюсь я.

— Ну, Морозова, ты же её подвозил!

Это становится последней каплей моей выдержки на сегодня, то Денис со своим женоненавистничеством, то мама со своим сводничеством. С меня хватит!

Сжимаю кулаки до белых костяшек, стараясь сдержаться из последних сил.

Загородный дом родителей мне больше не кажется местом уюта, оно превращается в какое-то сводническое агентство, в котором я не обладаю никакой свободой, а пытаюсь лишь сдерживать давление матери. Так больше продолжаться не может.

Еле держу себя в руках, чтобы не нагрубить матери.

Почему же всё упирается в придуманные кем-то правила и порядки? Почему наличие девушки, невесты, жены играет такую большую роль в обществе? Почему нельзя просто жить одному, без, так называемой, второй половинки, но с друзьями и семьей, состоящей из родителей и сестры?

Лена замечает моё состояние и опускает на один кулак свою руку, пытаюсь успокоить.

— Мам, что ты заладила? — говорит сестра, поддерживая меня. — Найдёт братец свою единственную, только сделает это сам, правда, Тём?

— Так я же просто помочь хочу... — растерянно бормочет мама. — Что плохого-то в том, что я познакомлю его с дочками знакомых? Вдруг именно среди них будет та самая...

— Люба, — неожиданно подключается отец и встает на мою сторону, — ну правда, оставь ты сына в покое. Немаленький уже, сам разберется.

— Сам? — увереннее произносит мама и с громким стуком отставляет от себя чашку. — Да сколько лет уже прошло после этой Жанны, а сам так и не разобрался! Пора бы двигаться дальше!

Сейчас имя бывшей становится триггером уже для меня, и я принимаю решение,

совершенно не задумываясь о последствиях, потому что понимаю, что я не то что ужина в присутствии очередной кандидатки от матери не перенесу, я любую фразу от неё о сводничестве восприму в штыки, нагрублю в ответ и в родительском доме больше не появлюсь.

— У меня есть девушка, — твёрдо произношу я, вынося себе своего рода приговор: теперь мне от авантюры с участием Алисы точно не отвертеться. Никак. Плакала моя надежда на это, и плакал Денис со своими заскоками.

Воцаряется молчание. Такой фразы от меня точно никто не ожидал. В гробовой тишине заходит Зина и ставит передо мной чашку чая, а затем скрывается на кухне, предварительно забрав несколько грязных тарелок со стола.

Внимательно наблюдаю за паром, поднимающимся из чашки, усмиряя кипящее во мне раздражение.

— Как? — первой подаёт голос мама, который звучит очень потерянно. — У тебя есть девушка? И ты молчал?

Раз начал врать, так надо идти до конца, поэтому беру себя в руки и теперь уже смотрю ей прямо в глаза.

— Да, есть, и да, молчал. Мы познакомились с ней совсем недавно. Я пока не хотел афишировать. Она не любит привлекать к себе повышенное внимание.

Почти и не соврал.

— Ах ты проказник! — восклицает мама. — Насколько недавно познакомились? Если бы я знала, я бы не приводила больше никого! Ты должен нас познакомить с девушкой, которой удалось достучаться до твоего задеревенелого сердца!

Ауч. Теперь «туше» должен произносить своей матери я. Про деревянное сердце обидно, хотя в принципе это, наверное, правда. Во всяком случае, у мамы есть все основания так говорить в отличие от Казанцева. Спасибо и на том, что ледяным не назвала.

— Подождите, — натыкаюсь на недоуменный взгляд Лены, — я правильно услышала? У тебя появилась девушка?

— Да! — ликует мама, а я морщусь от её искренних радостных эмоций на лице.

Что я наделал? Как ей потом правду преподнести? Да и даже неправду, наше расставание разобьёт ей сердце.

— Мам, — пытаюсь смягчить будущий удар уже сейчас, — я пока не знаю, насколько у нас всё серьёзно...

— Вот и познакомь нас, — тут же отвечает она. — Мы с Леной сразу выясним, насколько у неё всё серьёзно в отношении тебя.

— Ещё рано, — протестую я. — И вообще я не хочу, чтобы вы с Леной что-то там выясняли. Это мои с ней отношения.

— Ладно-ладно, но ты всё равно её приводи! — мама поднимает ладони, сдаваясь, и я выдыхаю, немного успокаиваясь. Натыкаюсь на тёплый одобряющий взгляд отца, от которого расслабляюсь ещё немного.

Может быть, я принял плохое решение и потом буду жалеть, но именно сейчас оно меня устраивает. Иначе я понятия не имею, чем закончился бы вечер.

— А имя-то, — спрашивает Лена, недоверчиво смотря на меня, — у этой девушки есть?

— Алиса, — без запинки отвечаю я. — Её зовут Алиса.

Осталось всего лишь уговорить её побыть моей девушкой хотя бы пару месяцев, до свадьбы Лены, чтобы и на этом мероприятии мама не смела меня ни с кем знакомить.

Артём (11)

Ещё неделю я думаю о том, можно ли всё-таки выйти из созданной мной ситуации, не привлекая Алису, но так ничего и не придумываю. Прекрасно осознаю, что сухим из воды не выйду ни при каком раскладе: либо достанется от родителей и Казанцева, либо — от Шведовой. В прошлый раз она до последнего отказывалась подыгрывать мне перед Салтыковым. Обнадеживает то, что деньги девушка в итоге взяла. Правда, и Мишу я попросил всунуть их ей любым способом.

И всё-таки, если мне удастся её уговорить, все останутся в плюсе: компания получит контракт, мама будет спокойна за мою личную жизнь (какое-то время так точно), что обеспечит мне собственное спокойствие, не придётся участвовать ни в каких её своднических проектах, а Алиса... Алиса получит деньги и тоже будет довольна. Кто ж откажется от неплохой суммы?

Вчера вечером мне позвонил Андрей и сказал, что материал на Шведову готов. Мы договорились, что я заеду к нему сегодня утром перед работой и гляну. Алиса кажется мне вполне себе нормальной девушкой. Да, видимо, у неё имеются проблемы в личной жизни, но у кого их нет? Тем не менее, недоверие Дэна к ней заставило меня повременить с разговором и дожидаться проверки от Щегольского.

Вместо Андрея дверь мне открывает босая девушка в мужской рубашке, еле закрывающей интимные места. Роскошные пышные немного вьющиеся черные волосы спадают на плечи, темные глаза с искорками взирают на меня, а на губах играет самодовольная улыбка.

— Вы, наверное, к Андрюше? — озорно уточняет она, на что я киваю. — Проходите на кухню. Он в душе. Кофе я вам не сделаю, но покажу, где вы сможете сделать его себе сами.

Дама однозначно знает себе цену, пока иду за ней на кухню, осматриваю её пышные формы. Передвигается она умело, точно зная, когда и в каком месте нужно наклониться, чтобы выставить на обозрение все свои прелести.

Девушка показывает мне, где и что лежит, а потом располагается за столом, пьет кофе и параллельно что-то усиленно изучает в телефоне, абсолютно игнорируя моё присутствие.

Я следую её примеру.

Через пять минут на кухне появляется Андрей в домашней одежде и с мокрыми волосами.

— Привет, Тёмыч, — здоровается он и пожимает мне руку.

— Лейла, тебя не затруднит? — обращается друг к девушке, и она понимает его с полуслова.

— Конечно, — ставит чашку в раковину и направляется на выход из кухни, но останавливается прямо перед Щегольским. — Андрюш, я воспользуюсь твоим компьютером?

Последнее слово Лейла произносит так, будто имеет в виду что-то совершенно другое, а не технику, то ли что-то запретное и интимное, то ли в этом слове таится какой-то потайной, недоступный мне смысл или шифр. Я прекрасно понимаю, что это не моё дело, но не могу удержаться от взгляда в сторону друга, правда, в итоге задерживаю его на соблазнительной фигуре девушки.

— Без проблем, только потом выключи его, — отвечает Андрей как ни в чем не бывало, и Лейла, чмокнув его в губы, бесшумно исчезает в коридоре.

Друг натывается на мой вопросительный взгляд.

— Не начинай, ты же меня знаешь, ничего серьёзного, — отвечает он, у корня пресекая

всевозможные вопросы с моей стороны, впрочем, я и не особо собираюсь их задавать. — Вижу, кофе ты себе налил.

— Да, — отвечаю я. — Лейла была настолько любезна, что напомнила мне, где у тебя находится кофемашина.

— Она такая, — хмыкает Андрей и переключается на деловой тон. — Так, пару секунд, сейчас принесу материал на твою Алису.

Возвращается он с толстой папкой, бросает её на стол, садится на место девушки и пододвигает бумаги ко мне.

— Ты мне дал только имя, фамилию и примерный возраст, — начинает отчитываться Щегольский. — Знаешь, сколько таких Алис живут на данный момент в России? Много. Я прошерстил все досье. Фотографии то девушки у меня тоже нет. И выбрал досье тех, кто вызывает у меня вопросы. С остальными всё в рамках нормы. Но ещё раз повторяю, если добудешь хотя бы паспортные данные, смогу нарыть больше и более конкретного материала.

— Этого будет достаточно пока что, — отвечаю я, открываю и листаю папку, обращая внимание только на фотографии девушек. — Спасибо, Андрей.

— Без проблем, Тёмыч, — теперь и он наливает себе кофе.

— Ладно, посмотрю уже на работе или дома, — поднимаюсь из-за стола, смотря на часы. — Мне пора.

— А кто эта девушка, Алиса?

— Ничего серьёзного, — бросаю с той же интонацией, как ранее сказал Андрей. — Пока во всяком случае.

— Понял-понял, — сдаётся друг, понимая, что сейчас он от меня объяснений не добьётся. — Пойдём провожу.

В прихожей встречаем Лейлу, но уже не в мужской футболке, а при полном параде: в потрясающем длинном алом платье с разрезом на бедре, на шпильках и с черным клатчем в руках.

— Я пошла, Андрюш, — мило щебечет она, уже держа дверную ручку. — Я позволила себе вольность и взяла денежку из твоего кошелька за свои услуги.

Андрей усмехается:

— Мне стоит пересчитать наличность?

— Нет, что ты, всё как обычно, — Лейла кокетливо хлопает ресницами, не отводя взгляда от Щегольского. — Только увеличила немного сумму за... утренний сеанс.

— Понял, — отвечает мужчина. — Тебя подвезти?

— Такси уже ждёт внизу, — произносит девушка, а следующие слова говорит так, будто опять вкладывает в них тайный доступный только ей и Андрею смысл. — Звони, если понадобится. При любом раскладе.

И исчезает из квартиры.

— Эскортница? — любопытство берет надо мной вверх.

— Только попробуй назвать так Лейлу в её присутствии, — предостерегает друг. — Деловое сопровождение или на крайний случай эскорт-модель.

* * *

Уже на работе листаю бумаги на Алис Шведовых, но ни на одной фотографии не нахожу нужную мне. Значит, с девушкой всё в порядке, а Денис зря ей так не доверяет. Конечно, может быть, она что-то и скрывает, но что не обратил внимания Андрей при проверке, но скорее всего это что-то незначительное и не требует более тщательного

изучения, иначе друг все-таки приметил. Рыться в её вещах, искать паспорта и отправлять с него данные Щегольскому я не собираюсь. Во всяком случае, пока что. Это уже будет смахивать на паранойю.

В голове возникает её образ. Что-то в ней есть. Чем-то она меня зацепила. Почему-то именно этой девушке хочется верить, она как будто совершенно беззащитна, но в то же время всеми силами пытается выглядеть храброй. Вот только перед кем? Передо мной или перед своим бывшим парнем? Или перед собой?

Ловлю себя на мысли о том, что Алиса представляет для меня загадку, и я хочу её разгадать.

Нет, это будет не совсем верно.

Я хочу понять, что именно меня в ней зацепило.

Алиса (12)

После собеседования в школе искусств тут же мчусь в магазин для художников, докупаю все необходимые мне для рисования материалы, оставляя там чуть ли не всю сумму, которую мне передал Артём в конверте. Дома судорожно второпях рисую: одну картину заканчиваю за ночь, вторую за утро и день. Вечером лечу в школу, чтобы провести ещё один урок.

Семен Владимирович снова присутствует на занятии, а после него задерживается в классе и просит показать ему свои работы, что я и делаю.

Кольников их очень внимательно изучает.

— Алиса, краска свежая, — отмечает он. — Вы когда их рисовали?

— Я... — не имею ни малейшего понятия, что делать, поэтому решаю сказать чистую правду. — Простите, я правда неплохой художник, и мои педагогические способности вы видели. Просто мои бумаги об образовании и картины они не здесь, они в другом городе, и я, к сожалению, сейчас не имею возможности показать их вам.

— Я спросил не об этом, — строго указывает Семен Владимирович.

— Первую картину ночью, — отвечаю я на изначально поставленный вопрос, немного хмурясь от недоумения, — вторую утром и днем. Единственное — отвлеклась на трехчасовой сон ещё.

— Трехчасовой сон? — брови Семена Владимировича взлетают вверх. — То есть вы хотите мне сказать, что вы нарисовали их за шестнадцать часов?

— Где-то около того, четырнадцать — шестнадцать часов, — прикидываю в уме я.

— Вы приняты.

— Что? — переспрашиваю, потому что мне кажется, что мне всё послышалось.

— Алиса, вы приняты, — чуть громче повторяет Кольников.

— Как? Почему? — не сдерживаюсь я.

— У вас настоящий талант, эти работы требуют некоторой доработки, но за то время, что вы их нарисовали — это воистину шедевры. К тому же, мне очень нравится, как вы находите общий язык с детьми. Вчера у меня ещё были некоторые сомнения, но сегодня вы их развеяли полностью. Насчет бумаг об образовании можете не переживать, я увидел вас в работе. На данный момент, мне этого достаточно.

Так я и становлюсь работником школы искусств «Настоящий художник».

Помимо меня в качестве педагогов числятся Попова Алёна Сергеевна, находящаяся теперь в декретном отпуске, и некий Фролов Феликс Филиппович, который на данный момент в отпуске. В связи с этим все учебные группы пока закрепляются за мной. Феликс должен скоро вернуться из отпуска и немного меня разгрузить.

За неделю я осваиваюсь в здании. Пару раз ещё пересекаюсь с Семеном Владимировичем, но в основном провожу время с Наташей. Она мне всё объясняет и показывает, если возникает такая необходимость.

* * *

Сегодня мы с Нат поздоровались только утром, но сейчас у меня есть пару свободных минут пообщаться с ней.

— Последняя группа через пятнадцать минут? — уточняю у девушки, подходя к её стойке, но Наташа не откликается, внимательно смотрит в одну точку на мониторе компьютера. — Наташа?

— Ты что-то сказала? — вздрагивает она и поднимает голову.

— Да, я спросила, через сколько у меня последняя группа.

— Пятнадцать минут, — бесцветно отвечает девушка.

Задерживаю на ней взгляд. Она кажется чересчур бледной.

— У тебя всё в порядке? — интересуюсь я.

— Да, конечно, — слишком поспешно отвечает Кольникова.

— Наташа, — аккуратно произношу, — я, хоть и человек новый здесь, но, если что, ты всегда можешь ко мне обратиться за помощью, хорошо?

Девушка хмурится, а я уже внутренне готова получить что-то колкое в ответ по типу «не твоё это дело», но Наташа бледнеет ещё больше, а в следующую секунду бежит в сторону туалета. Я быстро следую за ней, искренне переживая за Кольникову.

Её выворачивает наизнанку.

Через некоторое время Наташа выходит к умывальнику и полощет рот водой.

— Может ты пойдешь домой? — предлагаю я. — Я справлюсь. Или, если не доверяешь, давай скажем Семену Владимировичу...

— Нет, — она буквально впивается ногтями в мою кисть, но быстро ослабляет, понимая, что может причинить боль. — Не надо отцу. Ему точно не надо. Со мной всё в порядке.

— Хорошо-хорошо, я ему ничего не скажу — успокаиваю девушку, и она облегченно кивает.

— Спасибо, — еле слышно произносит она.

— Ты же беременна, не так ли? — осмеливаюсь спросить, думая о её тошноте, её отрешенном от всего взгляде в компьютер, и нежелании сообщать отцу.

— Нет, — слишком поспешно отвечает она, и мне все становится ясно.

— Подожди меня здесь, хорошо? — мчусь в кабинет, потому что помню, что брала сегодня с собой апельсиновый сок, и, возвратившись, протягиваю бутылку Наташе. Девушка опять хмурится, сначала смотрит на сок, затем на меня, но все же принимает напиток и делает несколько больших глотков.

— Господи! — произносит она, протягивая бутылку мне. — Кажется, ты мой спаситель. Мне значительно легче.

— Оставь себе, тебе нужнее, — касаюсь руки Наташи и слегка сжимаю, надеясь так выразить ей свою поддержку.

— Алиса, понимаешь, я просто... — начинает сбивчиво девушка, теряясь.

— Не нужно, — прерываю её. — Передо мной тебе точно оправдываться не нужно. Если захочешь поделиться, я тебя выслушаю, но, если не хочешь, я не настаиваю, это личное. Просто знай, что я рядом и всегда готова помочь, договорились? Любое недомогание —

обращайся. Что-нибудь придумаем.

Кольникова кивает и оставляет себе апельсиновый сок.

Надеюсь, что она и правда меня услышала. Я не пытаюсь втереться к ней в доверие, нет, хотя друг мне не помешает, или хотя бы хороший знакомый. На большую роскошь я не рассчитываю. Последние два года никого не подпускала и не собираюсь нарушать это правило, иначе оно не обернется ничем хорошим ни мне, ни ей.

Но ребенок — это святое в моей системе координат. Неважно чей, неважно какой. Можно сказать, что это моё слабое место.

Надеюсь, сама девушка рада малышу, потому что я искренне за неё уже испытываю счастье, но в то же время где-то глубоко чувствую грусть, потому что не знаю, наступит ли момент, когда я сама смогу забеременеть и родить ребенка. Слишком неопределенное у меня будущее.

Прячу свою грусть поглубже и тепло улыбаюсь Наташе, которая отвечает мне тем же.

— Спасибо, Алиса. Нам, наверное, нужно уже вернуться. Ученики скоро придут.

После занятия иду до дома прогулочным шагом и улыбаюсь сама себе. Уроки с детьми всегда оставляют такое хорошее настроение, как будто я сама возвращаюсь в детство, сама делаю свои первые шаги в искусстве. К тому же, учебные группы у меня очень хорошие. То ли мне так с ними повезло, то ли те самые непослушные проказники, которые обычно есть везде, болеют и пока не посещают занятия. Наташа говорила об одном таком проблемном мальчике и упомянула, что он себе что-то сломал и пока на больничном.

Подходя к дому, заставляю себя посерьёзнеть и окидываю взглядом двор, в поисках чего-то необычного или странного, как делаю обычно. Вдруг меня все же уже успели вычислить.

Мой взгляд цепляет за уже знакомый мне черный внедорожник с уже знакомыми номерами. Что здесь делает Скворцов?

— Алиса! — окликает меня Артём, выглядывая из окна автомобиля.

— Привет, — настороженно здороваюсь я, подходя к машине. — Что ты здесь делаешь?

— Мы можем поговорить?

— Зачем? — искренне недоумеваю и хмурюсь.

— Мне нужна твоя помощь, и я хочу тебе кое-что предложить, — мужчина изнутри открывает для меня дверь пассажирского сидения. — Поехали поужинаем и поговорим.

Продолжаю все также настороженно смотреть на Артёма. Что ему могло от меня понадобиться? Я, конечно, уже поняла, что он богатый состоятельный молодой человек, с которым мне точно не следует связываться, хоть я уже и так связалась, что он не какой-то там криминальный деятель... Мысленно осекаюсь, потому что знать этого наверняка я не могу, но он мне помог, значит с ним мне ничего не угрожает. Наверное. Если только он не узнал, кто я такая на самом деле и не решил сдать меня собственноручно в руки тому, от кого я сбежала и прячусь...

«Нет!» — одергиваю себя. Артём не мог, он не такой. Я знаю это. Не могу сказать откуда, но в этом я уверена.

Смотрю в салон автомобиля и не замечаю ничего необычного. Только Скворцов за рулем. Ещё один добрый знак, как мне кажется.

— Алиса, пожалуйста, — говорит Артём после затянувшегося молчания. — Мне правда нужна твоя помощь.

Ладно. Раз уж нужна моя помощь... Скворцов и так сделал для меня чересчур много.

поэтому он заслужил как минимум того, чтобы быть выслушанным. Раз я решила ему доверять.

— Ничего не могу обещать, пока не выслушаю твою просьбу, — произношу я, забираясь в салон автомобиля.

Артём трогается с места, а до меня как будто только доходит происходящее. Боже, что я творю? Но это же всего лишь ужин... Надеюсь, в каком-нибудь скромном малоизвестном местечке.

— Как у тебя дела? Как устроилась на новом месте? — нарушает тишину мужчина после того, как мы выезжаем на основную дорогу.

— Все хорошо, — кратко отвечаю я и задаю встречный вопрос о его делах из вежливости.

— Да в целом тоже все неплохо, — также общо говорит он.

Какое-то время мы едем в тишине. Пару раз я хочу включить радио, но все-таки не рискую этого делать, поэтому предаюсь своему любимому занятию — лицезреть город из окна.

— Бывший не достает? — неожиданно спрашивает Скворцов.

Резко поворачиваюсь к Артёму и встречаюсь с ним взглядом.

— Нет, — кратко бросаю.

Мужчина какое-то время не отрывает от меня взгляда, но затем все-таки возвращает своё внимание дороге и до места назначения молчит.

Мы приезжаем в тот же ресторан, где были в прошлый раз. Правда, в это раз я всё же заглядываю в меню и выбираю блюда на свой вкус. Выбираю то, что не ела очень давно. Это происходит как-то само собой, необдуманно. В последний момент прошу официанта принести мне ещё и кофе с цедрой апельсина — мой любимый напиток.

Артём делает свой заказ, и до меня неожиданно доходит, что я веду себя так уверенно с меню, с едой, с официантом... Хотя ресторан дорогой, и цены на еду очень дорогие... Может ли это выдать моё прошлое? С другой стороны, меня же точно также мог водить в ресторан мой бывший парень, например, можно сказать, что он тоже богат.

Надеюсь, все же мое поведение не наведет Скворцова ни на какие мысли, все-таки это не столь важно, и не так сильно люди с деньгами из высшего общества отличаются от обычных простых. Точнее только и отличаются, что своими кошельками да высокомерием, свойственным определенному контингенту элиты. Ладно, возможно, все-таки и некоторыми манерами...

«Успокойся, Алиса! Во-первых, за два года ты потеряла сноровку, а, во-вторых, в следующий раз постарайся вести себя более просто, обычно и непритязательно. Как будто в дорогих местах впервые, а сейчас уже сделанного не воротишь», — прикрикиваю на саму себя.

«Стоп, в смысле в следующий раз? Следующего раза не будет!»

Кажется, всё это время Артём за мной внимательно наблюдает. Господи, если я так подурячки попадусь, я сама себе этого не прошу...

— Так, о чем ты хотел поговорить? — нарушаю затянувшееся молчание, стараясь скрыть своё волнение в голосе.

— Ах да, — возвращается мужчина из своих мыслей. — Алиса, в прошлый раз ты мне очень помогла, притворившись моей девушкой за ужином с Виталием Семеновичем. В общем, Казанцев готов приступить к переговорам и теперь очень сильно хочет

познакомиться с тобой.

— Со мной? — мои брови ползут вверх, так как я не совсем понимаю, о какой конкретно помощи говорит Скворцов или намеренно не хочу понимать.

— Да, с тобой, — утверждает Артём. — Алиса, мне очень нужно, чтобы ты сыграла роль моей девушки на публику, хотя бы до свадьбы сестры, это будет где-то через полтора месяца. А то ко всему прочему, мама ещё и там устроит мне смотрины.

— Ты с ума сошел?!

Он чокнутый! Я точно не кандидат на роль его девушки. Пару лет назад это было бы хорошей партией, не сомневаюсь отец был бы доволен выбором своей дочери, но не сейчас, не после всего, что произошло. Да и вообще! Притвориться девушкой? Один вечер в целом ничего не стоил, но на полтора месяца притворяться девушкой мужчины из высшего общества — это самоубийство и убийство в одном флаконе.

— Алиса, пожалуйста, я готов заплатить тебе хорошие деньги...

— Нет, я не готова, Артём.

— Алиса, у тебя есть мечта?

— Так, — останавливаю его я, перебивая, — даже если пообещаешь её выполнить или исполнишь, я не соглашусь. И вообще моя мечта невыполнима, поэтому это не вариант.

Артём продолжает изучать мое лицо и откидывается на спинку дивана. Чувствую, как в его голове крутятся шестеренки.

— Алиса, ставь любые условия, но помоги мне. Мне, правда, очень нужно.

Честно говоря, где-то глубоко в душе мысль о возможной аванюре уже начинает меня привлекать. Я не могу определить, что именно заставляет задуматься о предложении Скворцова, но скажу точно, что решающую роль играет его взгляд, полный надежды и как будто бы обреченности. Интересно, от чего? От вынужденности просить о помощи, или от того, что его девушкой должна стать именно я, или от возникшей у него уверенности, что я откажусь?

Начинаю всерьёз обдумывать слова Артёма.

Притвориться девушкой Скворцова, повариться в высшем обществе — любая другая на моем месте наверняка бы согласилась, не раздумывая. К тому же, мужчина точно заплатит хорошие деньги. Я могу обойтись и без них, но, честно говоря, если Артём даст мне кругленькую сумму, смогу даже купить себе новый поддельный паспорт и скрываться дальше, и именно это очень подкупает.

В то же время если меня хоть кто-то узнает, все обернется в первую очередь против Скворцова, и я понятия не имею, чем закончится моя помощь ему. Не исключаю варианта в том числе и его убийства, а я, естественно, не хочу такого развития событий.

Если же Артём, узнав всё, в итоге отвернётся от меня и сдаст, то несдобровать уже мне и многим жителям нашей страны, хотя у них и сейчас жизнь не подарок, но так хотя бы у меня пока ещё теплится надежда на светлое будущее.

Нет, я не могу согласиться. Слишком опасно. Конечно, Москва — другой город, в высших кругах здесь вертятся другие люди, но это никакая не гарантия, а лишь жалкое эхо надежды.

— Артём, — произношу я, стараясь донести до него свой отказ, — я не могу согласиться на твоё предложение. Извини, но тебе придётся справляться самому.

— Я тебя понял, — обреченно говорит он.

До конца ужина Скворцов больше не поднимает эту тему, довозит меня до дома, но

перед выходом из машины, берет меня за запястье, останавливая. И вместо того, чтобы почувствовать страх быть запертой в этом пространстве, я чувствую отголоски безопасности, но быстро их отгоняю от себя, ссылаясь на самообман.

— Подумай, пожалуйста, и дай мне ответ, — и опять в его голосе столько надежды, что я практически готова согласиться здесь и сейчас, но нельзя. — Позвони, если передумаешь. У тебя есть мой номер.

Киваю в ответ и, выскочив из его машины как ужаленная, чуть ли не бегом несусь к своей съёмной студии, уверенная, что его номер мне точно не понадобится.

Алиса (13)

Сильный удар в живот, затем по голове и в лицо. В ушах лютый звон, все остальные части тела я почти не чувствую от боли. Кажется, что они бьют меня уже целую вечность и конца не видно, потому что мой организм продолжает отчаянно хвататься за жизнь. Я понятия не имела, что тело способно вынести так много страданий, и понятия не имею, на сколько его ещё хватит. Надеюсь, что ненадолго, потому что я больше не могу.

— Не надо, — скулю как загнанный в угол зверёк. — Пожалуйста...

В ответ — громкий мужской гогот и ещё одна серия ударов. Как жаль, что она всё ещё не последняя.

— Я отцу расскажу, — предпринимаю жалкую попытку я. — Он не оставит ни одного из вас в живых.

Один из мужчин хватая меня за волосы и резко поднимает, заставляя на него посмотреть.

— Давай, красавица, расскажи, — шипит мне в лицо, забрызгивая своей слюной мои щеки, губы, лоб и подбородок, — только перед этим мы ещё с тобой порезвимся, а потом рассказывай всё, что мы с тобой сделали.

— Отпустите... — молю я из последних сил, но он бьёт меня прямо в лицо, не жалея.

Мне так больно, я готова умереть, лишь бы всё прекратилось.

«Мам, можно к тебе? Я больше не могу, я больше не хочу... Я знаю, что ты меня примешь, обнимешь и приласкаешь. Пожалуйста, заведи меня из этого ужаса!»

Ещё один удар, но ему я даже уже рада, так как, возможно, именно он последний, и я увижу, наконец, маму.

Теряю сознание...

И резко просыпаюсь.

Не сразу понимаю, что это был всего лишь сон. Трогаю своё лицо, затем тело, чтобы убедиться, что это игры моего подсознания. Всё в полном порядке, никаких ссадин, царапин и синяков не нахожу. Потираю виски и осознаю, что уснуть мне уже не удастся. А я так надеялась, что кошмары прекратились.

На часах три ночи. Что ж четыре часа уже неплохой сон. Надо как-то успокоиться. Рисование мне обычно в этом помогает, к тому же сейчас у меня есть всё необходимое для искусства, а не только простой карандаш и жалкий альбом. Спасибо деньгам Артёма.

Делаю себе большую чашку кофе и принимаюсь писать.

Время проходит незаметно. К моменту звонка будильника, поднимающего меня на работу, картина уже готова. Отхожу на некоторое расстояние от мольберта, чтобы посмотреть на результат творчества и застываю.

Сама от себя не ожидала такого. Картина получилась очень яркой. Я такое не рисовала уже очень давно. Невероятное сочетание красок, как будто саму радугу перемешали и

расплескали на холсте, и еле заметный силуэт человека в центре, который виден только с определенного расстояния от картины, и осознание где-то глубоко, что пора двигаться дальше.

Присаживаюсь на стул, пытаюсь осознать, что только что произошло. Это искусство так влияет на меня или это я пытаюсь что-то донести до самой себя?

Может, надо было согласиться на предложение Артёма? Я же не смогу так жить вечно. Нужно действовать. Да, в прошлые разы всё заканчивалось очень плачевно, но если я спрячусь на самом видном месте, поищу союзников, то всё может обернуться в мою пользу.

Меня точно не будут искать в высшем обществе, потому что до этого я всегда пряталась среди простых смертных, где меня всегда находили, а так у меня есть шанс вернуться к нормальной жизни, если правильно разыграть все карты. Он наверняка даже не подумает о том, что я могу прятаться у всех на виду.

Возможно, даже получится избавиться от кошмаров.

Единственное — нужно обезопасить окружающих людей на случай, если что-то пойдет не так.

Беру телефона, пока не передумала, и быстро набираю Артёма.

Звучат длинные гудки, и до меня только сейчас доходит, что молодой человек может ещё спать. Собираюсь уже отключиться и постараться набрать ему позже, но вдруг слышу его достаточно бодрый и немного удивленный голос:

— Алиса?

— Я согласна, — выпаливаю я. — Но у меня будет условие.

— Я весь в внимании, — говорит Скворцов, сразу понимая, о чём идёт речь.

— Пообещай, что не влюбишься в меня, — произношу я, а затем воцаряется тишина на несколько мгновений, и неожиданно раздаётся его смех.

— Если бы я хотел влюбиться, думаешь я бы предложил тебе заключить со мной сделку, чтобы ты играла мою фиктивную девушку? — саркастично говорит он, продолжая усмехаться, а у меня внутри почему-то всё сжимается, но я не обращаю на это внимания.

— Артём, просто пообещай мне, а ещё лучше поклянись, — настаиваю на своём и добавляю в свой голос твердые стальные нотки. — Иначе никакой сделки не будет.

На какое-то время воцаряется тишина. Мужчина явно не ожидал от меня подобных заявлений. Надеюсь, Скворцов воспримет мои слова не как детскую забаву или женскую прихоть, а серьёзно.

— Так это не шутка? — пораженно произносит Артём. — Ты серьёзно?

— Да, — кратко отвечаю я и жду от него требуемого.

— Хорошо, Алиса, но это самое идиотское, что мне приходилось слышать в своей жизни. Я обещаю, что не влюблюсь в тебя. Теперь ты согласна?

— Согласна, — говорю я, но в душу закрадывается плохое предчувствие. Даже боюсь представить, что случится, если правда обо мне вылезет наружу.

Часть 2. Игра по правилам. Алиса (14)

— Девушка, у вас такие длинные волосы, вы уверены? — с надеждой в голосе уточняет молоденькая девушка.

Моей отличительной чертой в академии было то, что я никогда не меняла свою внешность. Все мои однокурсники много экспериментировали, один знакомый однажды даже пришел не просто с необычным цветом волос, ему этого было мало. Нет, он пришел с целой радугой на голове: у правого уха пестрел ярко-красный цвет, а с левой стороны все

завершалось таинственным фиолетовым оттенком. Когда я у него спросила зачем, он лишь ответил, что ему нужно было прочувствовать эти цвета и именно в таком порядке и что с никакой радугой это не связано, просто так совпали звезды. После он неделю не выходил из своей мастерской и что-то творил. Правда, никому и ничего не показал, сказав, что работа будет готова не раньше, чем через год, потому что ему ещё нужно прочувствовать кучу других цветов.

Он был не одинок в своих идеях, многие экспериментировали, зачастую по несколько раз за месяц: кто с волосами, кто с татуировками, кто с пирсингом, кто с одеждой. В общем муху в каком-то смысле можно назвать музеем творческих экспериментов, хотя, уверена, что это определение подходит для любого заведения, связанного с искусством.

Я же всегда оставалась верна себе. Мне нравился мой натуральный темно-медовый цвет, нравились длинные густые волосы. Единственное, с чем я позволяла себе экспериментировать, — это прически. Поэтому почти каждый мой выход в свет отличался новым замысловатым шедевром на голове.

Вчера я согласилась притворяться девушкой миллионера Артёма Скворцова, а значит, мне придётся мелькать в высшем обществе и постараться не быть узнанной людьми, которые меня видели и знают. Я надеюсь, что не встречу ни с кем из них, все-таки это не Санкт-Петербург, но и исключать такую вероятность совсем не могу. Нужно быть готовой ко всему.

Знаю, что сейчас я не похожа на себя прежнюю. Особенно сказывается практически полное отсутствие косметики и смена цвета волос, и в целом время прошло, я изменилась. Раньше была больше похожа на подростка, сейчас же всё больше вижу в себе женщину. Тем не менее, изменений много не бывает, да и должна же была прийти пора моих экспериментов, не таких рискованных, как у моих однокурсников, конечно, но все же.

— Уверенна, делайте слегка удлиненное каре, — киваю я.

Мне срезают мою копну волос. Я смотрю на них с сожалением. Все-таки длина мне всегда нравилась и безумно шла, но рано или поздно приходится чем-то жертвовать. Неожиданно вспоминаю, что мама всегда носила короткую стрижку, представить её с другой прической я никогда не могла и до сих пор не могу.

— Готово, можете на себя посмотреть.

Поднимаю глаза и застываю. Боковой пробор, уложенные пышные светлые волосы чуть выше плеч и темные корни, гармонично переходящие в блонд. Мне по-настоящему нравится то, что я вижу. Улыбаюсь и задаюсь вопросом, почему раньше не рискнула поэкспериментировать. Возможно, в будущем рискну на что-то более радикальное.

— Вам очень к лицу, — щебечет парикмахерша. А мне приходит на ум другая мысль, от которой улыбка меркнет.

С одной стороны, с задачей я справилась, на себя похожу ещё меньше, но, с другой стороны, чуть ли не мамина копия. Надеюсь, это не сыграет со мной злую шутку. Кто вспомнит женщину, последний раз появлявшуюся на публике около восьми лет назад?

Домой все равно возвращаюсь в приподнятом настроении, ещё и солнце слепит глаза. Давно я не чувствовала себя так хорошо, а всего лишь нужно было постричься. Или согласиться на авантюру. Или выбрать другую тактику. Или устроиться на работу в школу искусства. Или сделать что-то ещё, что я никогда не делала раньше, но сделала здесь, в Москве.

На самом деле, глубоко внутри я понимаю, что моё хорошее настроение в первую очередь связано с одной простой вещью — надеждой на счастливое будущее, которое при

должном раскладе может наступить быстрее, чем я могла рассчитывать. Главное, её не спугнуть и молиться вселенной, чтобы она мне подыграла, и я смогла всё исправить.

Телефон начинает разрываться мелодией звонка.

— Привет, Артём, — отвечаю сразу.

— Добрый день, Алиса, — здоровается он. — Ты дома?

— Недалеко, — прикидываю примерное время в уме, — в десяти минутах ходьбы.

— Я отправил к тебе водителя, он должен передать тебе банковскую карту с паролем к ней.

— Зачем? — не совсем понимаю я.

— Завтра вечером у моего знакомого круглая дата существования компании, и меня пригласили. Я хочу, чтобы ты меня сопровождала и выглядела соответствующе. купишь все необходимое.

Меня охватывает волнение. Я не ожидала, что все начнётся так скоро. Это мне что же, за сегодня нужно будет все подобрать? Осталось всего полдня. Разве я успею? Это же подразумевает и вечернее платье, и туфли, и клатч, и украшения... Боже, а сколько же денег мне придётся потратить, чтобы выглядеть подобающе?! Много, определенно очень много. Хотя скорее всего для Артёма это совсем мизерная сумма. Для моего отца — траты на одежду, украшения и прочее были каплей в море, такими суммами он оперирует.

— Алиса? — голос Артёма вытаскивает меня из глубины своих мыслей. — Ты здесь?

— Да-да, здесь, — поспешно отвечаю. — Я тебя поняла, все куплю, но ты же понимаешь, что потрачу немало.

— Конечно, — говорит он спокойно. — Поэтому Михаил и привезет тебе мою карту. Пользуйся.

— Хорошо, Артём. Что-то ещё?

— Купи несколько нарядов, — чуть погодя произносит Скворцов. — Мы точно ещё будем выходить в свет. И я собираюсь представить тебя своей семье в ближайшее время.

— Поняла тебя... — немного рвано отвечаю, но его устраивает, и он, быстро прощаясь, отключается.

Помимо волнения по мне начинает растекаться предвкушение завтрашнего вечера. Не то чтобы я обожала все эти добровольно-принудительные вежливые встречи высшего общества, но мне нравилось чувствовать себя красивой, нравилось получать комплименты, нравилось знакомиться и заводить собственные связи, хотя, конечно, все они были скорее через протекцию моего отца, он то очень важная шишка. Проигнорировать меня означало проигнорировать его, и никто не хотел рисковать и проверять, чем это всё могло бы закончиться.

Последние полтора года той жизни на светских мероприятиях меня сопровождал Юра. С ним меня познакомил отец, представив его как старшего сына своего хорошего друга. Юра старше меня на семь лет. Сначала он работал в фирме своего отца, а потом организовал слияние с бизнесом моего, стал работать на него, чаще попадаться мне на глаза и как-то раз пригласил на свидание. Я согласилась. Он мне понравился. Симпатичный, обходительный, с хорошими манерами — настоящий джентльмен. Какие романтические свидания он мне устраивал! У меня не было шансов.

Сейчас я понимаю, что мой бывший совсем не такой, каким пытался мне казаться, но тогда он уже покорило моё сердце и заручился моим полным доверием.

Мы были очень красивой парой. На каждом вечере получали множество комплиментов.

Юра всегда вел меня за руку или за талию, демонстрируя свои права, приглашал на танцы. Я чувствовала себя такой счастливой и беззаботной. Думаю, это тоже наложило свой отпечаток на моё восприятие приемов. Мне хочется снова почувствовать те же светлые эмоции, пусть тогда в каком-то смысле всё было иллюзией, но по-настоящему счастливой иллюзией.

* * *

Захожу в свой двор и сразу замечаю машину Михаила, подхожу ближе. Тот не заставляет себя ждать, выбирается из водительского сидения с таким же белым конвертом в руках, в котором он передавал мне деньги в прошлый раз. Мы вежливо здороваемся друг с другом. Водитель передает мне конверт и исчезает за поворотом на автомобиле.

Когда у тебя кучу денег, шоппинг — это приятно. Не нужно считать каждую копейку и можно подобрать то, что подойдет и тебе, и под требования мероприятия. Правда, по магазинам было бы классно походить не в одиночестве, а в компании. Разве это не повод сблизиться с одной очень хорошенькой коллегой по работе и поднять настроение ещё и ей?

Набираю Наташу.

— Слушаю, — она отвечает спустя несколько гудков.

— Наташа, привет! Это Алиса, — начинаю радостным голосом.

— Привет, узнала, что-то случилось? — в её голосе слышатся грустные нотки.

— Нет, все в порядке. Просто хотела пригласить тебя на шоппинг. Не составишь ли мне компанию?

— Ой, — Наташа теряет. — Это так неожиданно.

— Мне нужно кое-что выбрать, — объясняю. — И я бы не отказалась от помощи.

— Спасибо за приглашение, но я вынуждена отказаться...

— Тогда в следующий раз? — с надеждой в голосе уточняю я.

— Не могу ничего обещать, — ровно произносит она, а я теряюсь в догадках: или Кольникова правда не может, или ей неприятно моё общество.

— Прощу прощение, если навязываюсь, — аккуратно говорю. — Просто я достаточно новый человек в городе и почти никого здесь не знаю.

— Точно, ты же говорила, — немного виновато произносит девушка. — Я не подумала. Тогда давай и правда в следующий раз. Извини, на сегодня уже есть планы.

— Хорошо, поняла тебя, тогда в другой раз.

На шоппинг отправляюсь в гордом одиночестве. Сначала добросовестно прохожу по магазинам с низкими ценниками, прекрасно осознавая, что ничего соответствующего требованиям мероприятия не найду. Затем захожу в свой любимый бутик, в котором раньше всегда закупалась. Здесь мне определенно что-то да должно подойти. Прохожу вдоль вешалок, касаюсь материала на ощупь и улыбаюсь, наслаждаясь хорошими дорогими тканями. Не имею ничего против дешевых вещей, но, скажу честно, материалы в таких магазинах намного хуже. Их носить, безусловно, можно, но они и изнашиваются быстрее, и портятся сильнее от стирки, и не так приятно облегают тело. Я определенно оставлю тут круглую сумму денег.

— Девушка, вам помочь? Вы... не ошиблись торговым центром? — ко мне подбегает высокая брюнетка с бейджиком на рубашке — консультант — и осматривает меня таким взглядом с ног до головы, что я ненароком сама смотрю на себя, чтобы убедиться всё ли у меня в порядке.

Пятен нет, всё нормально. Неужели, мой внешний вид так сильно сыграл роль? Немного

выцветшая футболка и потертые джинсы. Раньше, когда у меня были деньги и дорогая одежда, со мной всегда обращались наилучшим образом. Видимо, внешний вид имеет значительный вес.

Что ж, я не собираюсь терпеть такое отношение к себе.

— Что-то не так, Евгения? — читаю её имя на бейджике.

Она ещё раз окидывает меня презрительным взглядом, а затем с отвращением буквально выплевывает из себя слова:

— Я не уверена, что наш бутик вам по карману.

— Правда? — усмехаюсь я.

Не на ту напала. Не дожидаясь её ответа, направляюсь к кассирше. Слышу цоканье каблучков — Евгения по пятам следует за мной.

— Простите, — обращаюсь теперь уже к кассирше, — вы не могли бы позвать администратора?

Девушка на миг теряется, но быстро берет себя в руки.

— Да, конечно, сейчас, — и исчезает за служебной дверью.

— Ты что делаешь?! Да тебе денег не хватит... — начинает консультант, но тут же замолкает, так как передо мной появляется женщина средних лет, одетая в строгий деловой костюм, и представляется администратором.

— Чем могу быть полезна?

— Добрый день, — здороваюсь я и начинаю объяснять проблему. — Понимаете, мне нужно выбрать несколько вечерних образов, и я очень сильно люблю ваш бутик. У меня до сих пор в гардеробе висит ваше темно-зеленое платье в идеальном состоянии из коллекции «Ранняя весна» пятилетней давности.

Понятия не имею, что сейчас стало с моей старой одеждой, скорее всего валяется где-то на свалке, но уверена, что у других обладательниц того шикарного наряда все с ним в порядке, и оно и правда висит у них в шкафу.

— Но, к сожалению, — продолжаю я, — теперь я не уверена, что хочу продолжать приобретать у вас какие бы то ни было вещи из-за столь неуважительного ко мне отношения некоторых представителей вашего персонала. Поэтому если вас не затруднит, не могли бы вы принести мне книгу жалоб, где я смогу от руки написать свою претензию к Евгении.

Я замечаю на лице женщины страх, но затем он сменяется гневом, и она бросает укоризненный взгляд на провинившуюся девушку, стоящую позади меня.

— Будьте уверены, — твердо говорит администратор. — Я возьму эту ситуацию под личный контроль и уволю Евгению.

— Что вы, увольнять не нужно, научить девушку манерам будет вполне достаточно, — кажется, я не просто слышу, а ощущаю, как позади меня Евгения пыхтит паровозом.

— Непременно, — кивает администратор, — может быть, тогда вы позволите мне помочь вам с выбором нарядов?

— Буду премного благодарна, — тепло ей улыбаюсь и позволяю увести себя вглубь бутика.

— Да ей же платить нечем! Ты только посмотри на эту стерву... — слышу разъяренный голос Евгении.

— Женя, молчи уже, — шипит на неё кассирша.

Я их игнорирую и покорно следую за своим новым консультантом.

По итогу из торгового центра выхожу около десяти вечера с кучей пакетов и всё ещё

хорошим настроением. Артём ни разу не позвонил и вообще никак не дал знать, что я превысила выданный мне денежный лимит, значит, решаю я, что все в порядке, и потраченная мной сумма вполне себе в рамках приличия. Заказываю ещё и такси на его деньги, такие покупки я сама до дома точно не донесу.

Артём (15)

Подъезжаю к дому Алисы около семи. Она, как будто почувствовав это, тут же присылает сообщение, что спуститься через пятнадцать минут. В принципе я так и предполагал. Решаю пока что пролистать её расходы за вчерашний день. Сумма выходит далеко не маленькая, но меня это нисколько не удивляет, сестра на себя тратит и то вдвое больше, поэтому что-то такое я и ожидал.

Итак, Алиса тратить деньги умеет, теперь посмотрим, насколько хорошо она это делает.

Девушка выходит из подъезда спустя пятнадцать минут, как и обещала, и... я теряю дар речи: она одним своим образом для сегодняшнего вечера оправдала все потраченные финансы. Темно-зеленый комбинезон на бретельках, идеально подчеркивающий все достоинства девушки, высокие каблуки, новая стрижка, которая ей очень идет.

Алисе совсем не место в этом доме и этом дворе, такая девушка должна жить только во дворце и носить исключительно королевские наряды. Что она вообще здесь забыла?

Еле заставляю себя выйти из оцепенения и открыть ей дверь.

— Спасибо, — улыбаясь, кокетливо отвечает она и садиться на переднее пассажирское место.

— Выглядишь потрясающе, — отмечаю её внешний вид, когда возвращаюсь на своё сидение. — И новая прическа тебе очень идёт.

— Я знаю, Артём, но спасибо, — ухмыляется она и кивает на выезд из двора. — Поехали?

Выруливаю на дорогу, но не могу перестать периодически бросать на девушку взгляд. Смотрит в окно, будто как обычно любуется городом, но я вижу, что она немного напряжена.

— Волнуешься? — спрашиваю у Алисы.

— Скорее нет, чем да, — уклончиво отвечает она.

— Тебе не о чем беспокоиться. Побудем там час или два, и я отвезу тебя домой.

Хочу спросить у девушки кое-что ещё, но меня прерывает мелодия мобильного — рабочий звонок, — приходится ответить. Так и получается, что весь путь до пункта назначения я разговариваю по телефону, а не со Шведовой.

Уже у самого ресторана вспоминаю о том, что нужно было обсудить некоторые детали на случай каверзных вопросов: где мы познакомились, как долго вместе и так далее. Но время уже поджимает — сообразим на месте. К тому же, это всего лишь обычный светский вечер, а не знакомство с родителями.

Оставляем машину на парковке, и вместе двигаемся в сторону заведения. Алиса идёт чуть впереди меня, поэтому я без зазрений совести разглядываю её фигуру. Я был уверен, что девушка выберет платье: на таких вечерах обычно платьями и красуются; но этот комбинезон как будто сшит именно на неё — идеальный выбор для сегодняшнего вечера. Мне хочется, чтобы Алиса блистала. И даже не потому, что она играет девушку Артёма Скворцова, а потому что она должна блистать.

У самого входа нагоняю Шведову, кладу руку ей на талию и веду внутрь.

— Игра начинается? — она бросает на меня озорной взгляд.

— Отсчет пошел, — расплываюсь в заговорщицкой улыбке.

Празднование юбилея компании моего друга в самом разгаре. Мы припозднились. Хочу найти Рому и поздравить его с круглой датой. Пару лет назад моя фирма строила ему отель, тогда познакомились и с тех пор дружим. Он примерно мой ровесник и тоже долгое время ходил холостяком, пока не встретил Милену.

Ни она, ни Рома никак не попадают мне на глаза, зато сразу замечаю Дениса, и мыдвигаемся в его сторону. Мельком замечаю, что Алиса настороженно сканирует толпу своими глазами. Тоже кого-то ищет? У неё есть знакомые в этих кругах?

— Кого высматриваешь? — шепчу ей на ухо.

— Нет, что ты, — как будто виновато отвечает девушка, — просто рассматриваю наряды.

Как-то не похоже, что она заинтересована внешним видом присутствующих, хотя, с другой стороны, всё может быть.

— Дэн, привет, — здороваюсь с Новиковым, как только мы к нему подходим. — Рому не видел?

Денис окидывает Алису непроницаемым взглядом с головы до ног. Она ему несколько не нравится, и он ей несколько не доверяет, но пойти против меня не имеет права. Наверное, я бы тоже превратился в такого же бесчувственного никому не доверяющего человека, если бы не мои близкие и не моя горячо любимая сестра. У Новикова же таких родственников нет.

— Добрый вечер, Алиса, — цедит он сквозь зубы Шведовой, ко мне обращается приветливее. — Тёмч. Пару минут назад Рома был у сцены. Вы пропустили его эффектную речь о планировании новой сети отелей премиального класса.

— Он не обидится, — махнув рукой, продолжаю высматривать виновника торжества в толпе.

— Алиса, а чем ты зарабатываешь на жизнь, а? — спрашивает Новиков. — Явно же не миллионами вращаешь...

— Дэн, хватит! — это уже переходит все границы. — Мы с тобой всё обговорили. Оставь девушку в покое.

— Да нет, ничего, — подает голос Алиса. — Можешь продолжать свои нападки, мне то что. Только, Денис, имей в виду, что отвечать и тем более оправдываться перед тобой я не должна, поэтому ты просто зря потратишь свои силы.

Поворачиваюсь к девушке и смотрю на неё с восхищением. На моих губах расцветает улыбка, когда вижу её уверенное выражение лица. Шведову несколько не задели слова Новикова, или же она очень хорошо это скрывает. Замечаю в её руках бокал с шампанским и усмехаюсь — быстро освоилась.

Новиков оставляет её реплику без ответа.

— Тём, — зовёт Денис и указывает куда-то в толпу, — не знал, что Андрей тоже приглашен.

— Я тоже, — слежу за рукой друга и вижу Щегольского.

Он тоже нас замечает и идёт к нам. Андрей подходит не один, а в компании той самой девушки, которую я застал у него дома в его рубашке.

— Не знал, что ты будешь здесь, — говорю Щегольскому, пожимая протянутую им руку, а затем представляю ему и Лейле Алису.

— Приятно познакомиться, — вежливо отвечает он. — Да вот так получилось, сам до

последнего не был уверен, что попаду.

— Привет, Андрей, — здороваются Новиков, — а кто эта прекрасная леди рядом с тобой?

— Меня зовут Лейла, — щебечет она.

— Какое необычное имя, Лейла, а я Денис, — отвечает Дэн. — Не знал, что Андрей с кем-то встречается.

— А он и не встречается, — даёт надежду Новикову девушка и ту же дерзко её отбирает, хитро улыбаясь. — Только тебе, Денис, боюсь, я не по зубам.

Брови друга летят вверх от такого ответа, но меня это несколько не удивляет, я с Лейлой уже знаком и ожидал от неё чего-то подобного.

— И почему же, позволь спросить? — задаёт вопрос Дэн.

— Денег не хватит, — как ни в чем не бывало отвечает она.

— То есть Андрею хватает, а мне нет? — продолжает допытываться Новиков.

— У Андрюши скидочный тариф, — сладко выдаёт она и чмокает Щегольского в щеку, который еле сдерживается, чтобы не засмеяться. Давненько так Дэна никто не отшивал. Алиса тоже улыбается, забавляясь сложившейся ситуацией.

— Ладно, рад был повидаться, парни, и познакомиться с тобой, Алиса, но нам с Лейлой уже пора, — произносит Андрей, всё ещё улыбаясь уголками губ, и они с девушкой нас покидают.

— Дэн, ты не принимай на свой счёт, — говорю другу, усмехаясь. — Она со всеми такая любезная.

Новиков не успевает ничего ответить, так как к нам подходит мой хороший знакомый со своей девушкой, которых я никак не мог найти. Они с интересом поглядывают на Шведову. Прекрасно знаю, что никто и никогда не ожидал меня увидеть в свете с девушкой под руку. Для всех уже давно я заядлый холостяк.

— Артём! — восклицает Рома. — Я уж думал, ты не почтишь нас своим присутствием.

— Обижаете! — мы жмем друг другу руки, и я представляю свою спутницу. — Рома, знакомься, это моя девушка — Алиса. Алиса, это тот самый Роман, виновник торжества, и Милена.

— Ой да брось, — отмахивается он рукой. — Не я виновник, а скорее моя компания. Алиса, очень рад с вами познакомиться. Чем же вы сумели очаровать этого трудоголика? Впрочем, не отвечайте, я и так вижу. Прекрасно выглядите!

— Спасибо, — Алиса тоже протягивает руку для рукопожатия. — Поздравляю вас с юбилеем существования компании.

— Благодарю, — кивает он.

— Какой интересный выбор одежды для мероприятия! — подаёт голос Милена. Мне она никогда не нравилась. Не очень приятная девушка, на первый взгляд милая и хорошая, но иногда из её уст такие фразы проскальзывают, что начинаешь задумываться, такая ли она добрая на самом деле или это образ такой. Ума не приложу, что в ней нашел Рома, но, видимо, что-то все-таки нашел, раз они уже не первый год вместе.

— Да, захотелось немного выделиться, — с улыбкой отвечает Алиса.

— Вы уже выделяетесь тем, что являетесь спутницей Артёма, — говорит Роман.

Алиса поворачивает голову ко мне, мы встречаемся глазами, и я моментально теряюсь, утопая в её легкой зелени. Ловлю себя на мысли, что мне очень нравится эта девушка. Её внешность покорила меня ещё при первой встрече, а сейчас восхищаюсь тем, как уверенно

она ведет себя в обществе словно рыба в воде, хотя я более чем уверен, что девушка на таком мероприятии впервые, во всяком случае, судя по нашей первой встрече и её внешнему виду.

— А чем вы занимаетесь, Алиса? — интересуется Милена.

Шведова отворачивается от меня, и я возвращаюсь в реальность, оторвавшись от её глаз. Тут же прижимаю её к себе, будто стремясь защитить от ненужных вопросов или поддержать таким образом. Она же не хотела отвечать Денису. Возможно, сейчас нигде не работает и не желает этим делиться. Но девушка в этот раз девушка отвечает.

— Я художница, — говорит она, глядя Милене в глаза. — На данный момент преподаю в частной художественной школе.

Для меня это становится полным открытием. Честно говоря, я вообще не задумывался о профессии Алисы. Думаю, Денис считает, что это косяк с моей стороны. Заключил сделку с девушкой, о которой ведь и правда почти ничего не знаю, кроме её имени, хотя зачастую проверяю даже контрагентов по бизнесу. Определенно к встрече с родителями нужно будет подготовиться получше и узнать о ней как можно больше.

— Какая чудесная профессия! — продолжает лепетать Милена.

— Ром, — прерываю её, пытаюсь вернуть внимание к поводу нашего сбора, — ты много работал и старался, чтобы быть там, где ты есть сейчас. Поздравляю! И желаю достигать новых вершин! Авань и на международный рынок скоро выйдешь.

— Это ты загнул, конечно, — смеется знакомый.

— А почему нет? — подает голос Денис. — В России твои отели очень ценят иностранцы, насколько я знаю, почему бы не пойти дальше?

— Возможно, как-нибудь попозже, — пожимает он плечами. — Пока что здесь и сейчас множество проектов в разработке.

— Если решишься и понадобится любая помощь, — поддерживаю его стремления, — мы с Дэном поможем, чем сможем.

— Договорились, — кивает Роман. — Был рад увидеться, Тём, Денис, и познакомиться с такой очаровательной девушкой. Мы пойдем, нужно ещё перебраться словами с доброй половиной присутствующих.

— Я тоже пойду, Тём, — и Денис пропадает в толпе.

Смотрю на Алису и отмечаю, что она наконец расслабилась и искренне наслаждается вечером. Девушка берет второй бокал шампанского и немного двигается в такт музыки. Ненароком опять ею любуюсь и снова думаю о том, что именно здесь её место. В этом обществе.

Она замечает мой взгляд.

— Что ты так на меня смотришь? У меня тушь потекла? — открывает клатч и начинает в нём рыться, но я останавливаю её рукой.

— Нет, все в порядке, — качаю головой. — Тебе идёт эта стрижка, но мне кажется, тебе идёт любая прическа. Почему решила сменить?

— Надоели длинные волосы, — поспешно отвечает Алиса и устремляет свой взгляд вглубь зала.

— Ты правда рисуешь? — перевожу тему.

— Да, — она расплывается в теплой улыбке. — Обожаю что-то творить! Честно говоря, почти все деньги, которые привёз твой водитель две недели назад, я потратила на краски, мольберт, бумагу и прочие необходимые вещи для рисования.

— А меня нарисуеть? — предлагаю неожиданно даже для самого себя.

— Тебя? — удивляется девушка.

— А почему бы и нет? — слегка пожимаю плечами. — Закажу у тебя свой портрет, а потом добавлю его в коллекцию отца.

— Посмотрим, — ухмыляется Алиса.

К нам подходит ещё несколько моих знакомых, и я всем представляю Шведову как свою девушку, а ей и нравится быть в центре внимания, светиться и сиять. Такая искренняя и живая, иногда смущающаяся, иногда дерзко отвечающая на неудобные вопросы, остроумная и умеющая постоять за себя. Она покоряет собой всех и в первую очередь меня самого.

* * *

Через пару часов мы уже сидит в машине, и я везу Алису домой.

— Ты была сегодня великолепна, — искренне выражаю ей свою похвалу.

— Спасибо, — улыбается она. — Впрочем я даже не особо старалась.

Девушка больше ничего не говорит, и я делаю музыку погромче. Шведова снова смотрит на вечерний город в окно. Избегает меня?

— Всё в порядке?

— Да, — она бросает на меня быстрый взгляд, улыбки уже и след простыл, снова то самое напряжение.

— Точно?

— Конечно! — говорит Алиса и переводит тему. — Какая Москва все-таки красивая! Мне она нравится намного больше, чем Санкт-Петербург. Он тяжелый и депрессивный.

— Ты, наверное, просто не была там в солнечные дни, — принимаю её правила и продолжаю говорить на её заданную тему. — В такое время он весь светиться и сияет.

— Да каким я только его не видела, — произносит она с толикой горечи. — Не депрессию, так тоску всегда нагоняет...

— Долго там жила? — интересуюсь я.

Алиса долгое время молчит, и я уже решаю, что девушка не будет отвечать, но потом все же слышу её тихий голос.

— Типа того.

Оставшуюся дорогу мы едем молча. Я останавливаю машину у её подъезда, делаю музыку тише и снимаю блокировку с дверей. Алиса почему-то не торопиться выходить, смотрит на свои руки, не поднимая глаз.

— На днях поедем к моим родителям знакомиться, — информирую девушку. — Я наберу тебя и сообщу точнее.

Алиса кивает, берет за дверную ручку, но медлит и не нажимает на неё.

— Артём, — раздаётся её голос, — спасибо за вечер и вообще за такую возможность.

— Да брось, это же ты мне помогаешь, разве нет?

Они пожимает плечами в ответ и чуть погодя выходит из машины. Мне же остается глазами провожать её до входа в подъезд.

Чем больше узнаю девушку, тем дальше она становится и тем больше хочется её узнать.

Кто же ты такая, Алиса? Искусная актриса или девушка, которая умеет держаться в любой ситуации? Почему ты так не хочешь мне открываться? Тебе есть, что скрывать, или ты считаешь меня случайным незнакомцем, с которым не нужно ничем делиться? Или, может быть, это я задаю неправильные вопросы?

Алиса (16)

Вчерашний день пестрел эмоциями. Мне кажется их эхо до сих пор отдаётся у меня

внутри. Доброжелательный и обходительный Артём, его друзья и знакомые, которые с такой теплотой знакомились со мной, за исключением разве что Дениса, по не понятной мне причине недолюбливающий меня. Хотя почему по не понятной? Здесь всё ясно, если немного подумать. Новиков — хороший друг Тёмы, значит, он боится, что я могу сделать что-то, что навредит Скворцову. Например, я могу быть аферисткой, охотницей за состоянием и тому подобное. Во всяком случае иных предположений у меня нет.

Если быть максимально честной с собой, то особенно мне были приятны взгляды Артёма, которые он бросал в мою сторону. Я знала, какое впечатление произвожу, и особенно рада была его реакции, но сегодня... Сегодня я вернулась в реальность и напомнила себе, что между нами ничего нет и быть не может. Возможно, позже, когда я разберусь со своими проблемами, но не сейчас.

На работу прихожу вовремя и вижу, как бледная Наташа выходит из туалета. Беременность сильно на ней сказывается.

— Привет, — негромко здороваюсь и подхожу к ней. — Ты же собираешься сказать об этом родителям?

Она кидает испуганный взгляд в сторону кабинета Кольникова.

— Я, конечно, не имею права тебе указывать, — аккуратно произношу я, — но ты же не собираешься делать аборт?

— Что? — девушка недовольно хмурится. — Нет, конечно! Ты что! Какой аборт?! Даже то, что ребенок не от любимого мужчины роли не играет, я все равно его сохраню!

Наташа прикрывает рот ладошкой, понимая, что сболтнула лишнего.

— Это правильно, — касаюсь её руки, — но родителям все равно сказать нужно. Пойми, тебе нужна хоть какая помощь. Ты такая бледная.

— Да, я знаю, — сдаётся она. — Я встала на учет в женской консультации, мне выписали витамины, никак руки не доходят их купить...

— Так давай я сейчас в аптеку сбегаю, — предлагаю я. — Это же не шутки.

Открывается входная дверь, прерывая наш диалог, и на пороге появляется молодой человек лет двадцати пяти с темными идеально уложенными волосами. Загорелая кожа контрастирует на фоне рубашки цвета слоновой кости и брюк хаки, на ногах — коричневые оксфорды. Образ завершает оранжевый платок, повязанный на шею. Эффектно. Парень с каких-то жарких островов, а не из столицы морозной России.

— Миронов Феликс Иосифович на службу прибыл! — салютует он нам.

— Батюшки! — намеренно переигрывая, удивляется Наташа. — А мы тебя и не ждали так рано!

— Летел на всех своих крылья на замену Алёны!

— Так уж прям и летел, — хмыкает администратор. — Поди денег только на десятидневный отпуск и хватило!

— Эх ты! — вздыхает парень. — Вскрываешь мои доходы перед такой прелестной девушкой. Я, кстати, Феликс, а вас как зовут, милая леди?

— Дамский угодник, — бросает Наташа. — Ты будь с ним поаккуратней, он тот ещё бабник.

— Нат! — прикрикивает на неё он. — Портишь мне всю малину!

Я же откровенно потешаюсь над их перебранкой.

— Феликс! — восклицает она в ответ. — Можешь валить на все четыре стороны. Ты оказался не таким незаменимым. Знакомься, Шведова Алиса Андреевна, работает теперь и

за Алёну, и за тебя.

— Да ладно! — парень как будто заново видит меня и окидывает более пристальным взглядом с головы до ног и обратно. — Где же вы нашли такое сокровище? Столько месяцев искали и никого, а теперь такая леди. Алиса Андреевна, что же вы закончили? Строгановка?

— Муха, третий курс — отвечаю я, — правда, я не закончила.

— Ого! Питер? Уважаю, — в его взгляде проскальзывает восхищение, он протягивает свою руку для рукопожатия, на которое я отвечаю.

— Можно просто Алиса.

— Упаси господи называть меня по отчеству... — Феликс усиленно мотает головой из стороны в сторону и демонстративно поднимает руки вверх, сдаваясь. — Я сам его еле выговариваю, поэтому от других и не требую. Семен Владимирович даже дал добро, чтобы дети обращались ко мне просто по имени.

— Да, в этом есть смысл, — соглашаюсь я и улыбаюсь новому знакомому.

— В общем, Алиса, очень рад с вами познакомиться! Теперь буду всеми силами помогать вам обучать друзей наших меньших искусству, поэтому можете даже сами спланировать отпуск, я вас с радостью подменю.

— Буду иметь в виду, Феликс, — вежливо отвечаю.

Сегодня весь день занятия веду я. Наташа с Феликсом обсуждают график, а затем он отправляется домой. В обеденный перерыв все-таки бегаю в аптеку за витаминами для девушки, она пытается отказаться, но я не позволяю. У меня ещё остается полчаса до следующего урока, и я решаю спросить у неё о некоторых своих предположениях.

— Наташа, почему вы долгое время не могли найти преподавателя? Я думаю, многие согласились бы работать. Профессия художника не такая уж и востребованная.

Девушка поднимает на меня взгляд и очень внимательно смотрит, анализирует меня, видимо, думает, что можно мне говорить и что нельзя. Решаю ей немного помочь определиться с выбором.

— Все дело в деньгах, не так ли? Мы с Семеном Владимировичем договорились на достаточно небольшую сумму. Других претендентов она не устраивала?

— Да, всё именно так, — сдаваясь, кивает Кольникова. — Для Москвы это слишком маленькая зарплата.

— Я слышала разговор твоего отца, у вас финансовые затруднения? — пытаю удачу во второй раз и надеюсь, что Наташа расскажет все, как есть.

— Алиса, — вымученно произносит девушка, — что ты хочешь от меня услышать? Да и какое тебе дело? Скажу я тебе, что у нас некоторые денежные проблемы, ты же ничего не сможешь с этим сделать. К тому же, насколько я помню, ты сама была согласна здесь работать за любую плату. Не предоставила практически никакие документы. Может это у тебя проблемы?

Я даже немного отшатываюсь от неё и её фраз, не ожидав выпада в мою сторону от слова совсем. Надо было вообще не лезть в это дело, а то теперь ещё начнёт копать под меня. Господи, кто меня за язык тянул?! Хочешь, как лучше, а получается... Действительно, что я могу сделать с их денежными проблемами, когда у меня своих по горло.

— Не переживай, — неожиданно продолжает она. — Я не собираюсь лезть в твою жизнь, как и ты не полезла мне в душу, за что тебе спасибо, и за помощь спасибо. Просто мы сами разберемся, хорошо? У отца есть план, на крайний случай у нас есть кое-какие сбережения. Не пропадем.

Только я не слышу в её голове уверенности. Кажется, она пытается убедить саму себя в том, что Семен Владимирович сможет придумать выход из сложившейся ситуации.

— Ладно, — говорю я. — Но, если все совсем будет плохо, ты мне скажи, договорились?

— Алиса, вот зачем тебе всё это?

— Я же работаю здесь и не хочу терять место, — уверенно отвечаю. — Нравится мне здесь, да и благодарна я Семену Владимировичу за предоставленный шанс. Давненько мне никто не шел навстречу, а твой отец увидел во мне что-то и позволил остаться. Поэтому, Наташа, мы что-нибудь придумаем, хорошо?

Она неопределенно пожимает плечами, а я решаю больше не давить и возвращаюсь в учебный класс, непроизвольно шепча:

— Может именно я и смогу помочь.

После занятия собираюсь домой, выпроводив всех учеников, и слышу мелодию мобильного. Естественно, это Артём. Больше никому мне звонить. Неужели, сегодня опять какое-то мероприятие или встреча с его родителями? Честно говоря, сегодня я не готова к выходу в свет. Слишком устала. Да ещё и финансовые проблемы школы, и Наташа не выходят из головы. В чем-то она права — прямо сейчас я ничего не могу сделать.

Телефон продолжает звонить, и я, тяжело вздыхая, отвечаю:

— Да, Артём.

— Отвлекаю? — раздается его немного напряженный голос.

— Только закончился рабочий день, так что нет, теперь не отвлекаешь, — понимаю, что мой голос звучит скорее обреченно, но ничего не могу с этим поделать, чувствую себя выжитым лимоном.

— Все в порядке?

— Просто день тяжелый, устала, — не вдаюсь в подробности и перевожу тему обратно. — Так, что ты хотел?

— Завтра вечером идём на ужин к моим родителям, сможешь?

«Разве у меня есть выбор?» — мысленно произношу я.

«Всё, надо переставать хандрить, взять себя в руки, я же самолично в это ввязалась!»

— Смогу, — добавляю больше уверенности в голос, — можешь на меня рассчитывать.

— Тогда заеду за тобой в районе семи, — слушаю Артёма вполуха, параллельно собирая сумку, выходя в коридор и двигаясь к выходу из школы. — Родители будут ждать нас в доме за городом. Ещё будет сестра и, возможно, к нам присоединится её жених. Остальные детали, думаю, успеем обговорить в машине, пока будем добираться.

— Хорошо, Тём, поняла, — отвечаю, как будто на автомате, и осознаю, что назвала его сокращенным именем, запинаясь. — Ой, то есть Артём, это подготовка к завтрашнему вечеру.

— Расслабься, — улыбается он. — Называй меня, как тебе удобно. Так даже лучше, покажет мои родителям, насколько мы близки.

— Договорились, Тёма, — я тоже начинаю улыбаться и ловлю на себе заинтересованный взгляд Наташи, с которой встречаюсь у выхода из здания.

— Так-то лучше, — отмечает Скворцов перемену в моем настроении. — Точно все в порядке? Забрать тебя с работы?

— Не стоит, мне тут всего минут десять ходьбы до дома.

— Тогда до завтра, Алиса, — и он отключается.

Коллега продолжает за мной следить и кидает взгляд на дисплей, я поспешно убираю телефон в сумку.

— Что-то не так? — спрашиваю девушку.

— Прости мне моё любопытство... — виновато говорит она. — Но это был Артём Скворцов, который глава строительной компании?

— Вы знакомы? — удивляюсь я.

— Нет, что ты... он — птица другого полета, — поспешно произносит Наташа. — Он же миллионер, многим известен, да и что только его компания не строила в Москве, но я о нём слышала по другой причине. Его отец собирает картины, он как-то с моим столкнулся на выставке, но это лет сто назад было.

— Понятно, — отвечаю я, не понимая, к чему ведет Кольникова, и жду её вопроса.

— А вы?.. — мнется девушка. — Он твой парень?

Теряюсь от прямоты вопроса. Я не стремилась скрывать этот факт, но и выставить на всеобщее обозрение тоже не хотела.

Наташа принимает моё затянувшееся молчание за согласие.

— Ты его хотела попросить помочь нашей школе деньгами, не так ли? — произносит она и внимательно на меня смотрит.

— Я... — выдаю сбивчиво. — Нет... Я не думала об этом.

Наташа тяжело вздыхает, затем касается моего локтя и говорит:

— Послушай, Алиса, я ценю твоё рвение помочь и буду иметь тебя в виду, но это не выход. Мой отец не возьмет чужих денег.

Я пребываю в некотором шоке, совсем не ожидала ни такой прямоты от Кольниковой, ни таких догадок и тем более уж вопросов в лоб. В любом случае, меня это не касается. Все равно скорее всего, когда у них начнутся проблемы, меня уже не будет в городе, и тогда я точно никак не смогу помочь.

Алиса (17)

В этот раз я вовремя выхожу из подъезда и сразу вижу автомобиль Скворцова. Сегодня я оделась попроще: классические бежевые брюки и белая рубашка, на ногах туфли на каблучках. Возможно, следовало подобрать что-то более нарядное и выразительное, но настроение у меня совсем другое, да и на знакомство с родителями своего настоящего парня я бы оделась также.

— Привет, — здороваюсь с ним уже внутри.

— Хорошо выглядишь, — бросает он и трогается с места.

— Спасибо, — отвечаю я.

Артём тоже в классике. Темно-синий костюм, белая рубашка и синий галстук без узоров. Выглядит хорошо, но галстук мне хочется с него снять. От него так и веет работой, а мы вроде как едем к его родителям отдыхать. Вот если бы он был с каким-нибудь интересным узором, а так... Мои руки сами тянутся к шее мужчины.

— Ты чего делаешь? — восклицает он, но не отводит глаз от дороги, мы поворачиваем на перекрестке.

— Смотри на дорогу, — строго говорю я, снимаю с него галстук и расстёгиваю пару верхних пуговиц на рубашке. Галстук аккуратно складываю и не нахожу ничего лучше, кроме как положить его в бардачок. Ещё раз окидываю Артёма анализирующим взглядом и остаюсь довольна проделанной работой.

— Так намного лучше! — резюмирую я.

Скворцов останавливается на светофоре и смотрит на себя в зеркало.

— Чем тебе не угодил мой галстук? — раздраженно произносит он, но потирает шею:

Скворцов определенно рад освободиться от такой ноши.

— От него несёт работой и твоими договорами на строительство, — безапелляционно заявляю я.

Артём переводит взгляд на меня, проверяя говорю ли я всерьез, а затем возвращается к дороге и жмет на газ.

— К тому же, мы с тобой пара, — добавляю я. — Так мы больше сочетаемся.

— Я смотрю у тебя хорошее настроение, — утверждает он. — Сегодня уже не волнуешься?

— Пока нет, — честно отвечаю.

Я на самом деле не волнуюсь, скорее меня опять охватывает предвкушение от авантюры. Прошлый приём прошел очень даже хорошо, сегодняшний, конечно, посложнее, но я спокойна. Вчера я ещё провела небольшое исследование и узнала, что его родители коренные москвичи, как и покойный дедушка. Лично я их точно не знаю, значит, мне ничего не угрожает.

Также я поискала информацию и о женихе младшей сестры Артёма. Оказалось, что его состояние в разы меньше состояния Скворцовых, и его рестораны расположены только в Москве. Мне это играло на руку. С ним мы точно никогда и нигде не пересекались. Поэтому я и пребываю в спокойствии.

— Нам нужно обговорить некоторые моменты, — напоминаю я Скворцову.

— Да, точно, — откликается Артём. — Моя мама — Любовь Константиновна, отец — Александр Петрович, сестренка — Лена.

— Запомнила, ты им что-то уже рассказывал обо мне?

— Они знают только имя. Нам нужно придумать, как мы познакомились...

— Нет, — возражаю я. — Расскажем, как на самом деле познакомились.

— Ты хочешь, чтобы мы сказали, что я тебя сбил? — удивляется он.

— Это я бросилась тебе под колеса... Ладно, неважно. Я лишь хочу сказать, что если ты хочешь, чтобы родители нам по-настоящему поверили, то нужно максимально возможно придерживаться правды или добавить хоть что-то правдивое, раз уж встречаемся мы с тобой фиктивно.

Я сама собираюсь вести себя также. С одной стороны, я прекрасно понимаю, что врать сегодня в любом случае придется, как минимум о том, что мы с Артёмом является парой, как максимум о самой себе. Но в моей жизни и так лжи и недосказанности предостаточно. Скворцову я уже врала о якобы моем парне, от которого я ушла, да и мое настоящее имя он не знает. Мне не хочется утопать в обмане ещё сильнее, глубоко внутри самой противно от этого большого скопления придуманной информации, пусть меня и вынуждают это делать обстоятельства. Поэтому я решила, что постараюсь быть с Артёмом и его родителями честной настолько, насколько это возможно.

— Хорошо, — после собственных размышлений говорит он. — Я с тобой согласен, но давай хотя бы просто ограничимся знакомством на дороге.

— Боже, нет, — прыскаю я, представив эту картину. — Ты только послушай, как это звучит! Мы с Артёмом познакомились на дороге. Он галантно согласился подвезти меня, когда я шла по трассе...

— Алиса! — произносит он возмущенно, но я вижу, что Скворцов еле сдерживает

улыбку. — Мы же решили держаться, как можно ближе к правде! Какая трасса?

— Ладно, — усмехаюсь я. — У вокзала меня подобрал, как дворняжку.

— Я смотрю, у тебя очень хорошее настроение, — бросает на меня озорной взгляд. — Тогда так. Прекрасный принц на белом коне вырвал тебя из рук безжалостного дракона, который гнался за тобой, пытаюсь вернуть себе после отвратительного ужина, который ты ему приготовила.

— Эй! — пихаю его я. — Вообще-то твой конь черный!

— Серьёзно? Тебя только это не устроило? Все остальное правда?

— Ну-у, — тяну я, — готовить я и правда не умею, поэтому если ты ожидаешь, что твоя фиктивная девушка будет накрывать потрясающий стол, когда на ужин будешь звать родителей, то скорее всего сам превратишься в безжалостного дракона.

— Да ладно, — удивляется он. — Не поверю, что все настолько плохо.

— Что-то простое я тебе, конечно, приготовить могу, но шедевры кулинарии — это точно не про меня. А ты готовишь?

— Немного, — отвечает он и резко серьёзнее. — Дед научил. У него было пару фирменных блюд.

Поддаюсь порыву и касаюсь его руки, желая поддержать.

— Читала обо мне в интернете, да? — напряженно говорит он, но руку не скидывает.

— Немного, — честно признаюсь я, хотя по его реакции уже было понятно, что с дедом что-то случилось, но я и правда читала об этом в сети.

После этого разговор сходит на нет, и до дома его родителей мы доезжаем в тишине.

Я все-таки начинаю переживать и делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Почему я так нервничаю? Это же всего лишь родители Артёма. Мы даже не по-настоящему встречаемся, не понравлюсь его родителям — ничего страшного не случится. Тем более, однажды я уже знакомилась с предками Юры. Ой нет... Зря я это вспоминаю. Его родителям я понравилась, да и они сами показались неплохими людьми. Одергиваю себя, нельзя думать об этом подлеце, иначе испорчу себе весь вечер.

— Все пройдет хорошо, — отвлекает меня от мыслей Артём. — Я уверен, ты им понравишься. Особенно маме.

— Лучше, наверное, не понравится, да? — задумчиво произношу я.

— Почему? — хмурится он.

— Я же твоя фиктивная девушка. Все равно после свадьбы твоей сестры разбежимся.

Артём наклоняет голову, привлекая моё внимание и вынуждая к нему повернуться. Опять этот внимательный скрупулёзный изучающий взгляд, пытающийся проникнуть в глубину души. Я вижу: он хочет спросить что-то личное, а я молюсь, чтобы не спрашивал, потому что не уверена, что сейчас смогу ему солгать.

К счастью, открывается входная дверь дома и оттуда выглядывает девушка моего возраста, начиная усиленно махать рукой в приветствии. Артём нехотя отрывает от меня взгляд и выходит из машины, я следую за ним, натягивая свою самую милую улыбку.

Игра продолжается.

Алиса (18)

— Тёма! Не могу поверить! — восклицает девушка и без зазрений совести во всю меня рассматривает. — У тебя правда появилась дама сердца!

— Как видишь, — Скворцов кладёт руку мне на талию и притягивает к себе. — Алиса, знакомься, это моя неутомная сестра Лена.

— Приятно познакомиться, — обращается девушка ко мне, вежливо улыбаясь, но смотрит прохладно.

— Взаимно, — кратко отвечаю я и отмечаю, что брат с сестрой внешне очень похожи.

— Пойдемте скорее! — щебечет она и ведет нас в дом. — Зина как раз накрыла на стол.

Чувствуется рука талантливого архитектора — видно, что сделано с душой. Пока мы входим, Лена начинает рассказывать о доме. Особняк спроектирован Александром Петровичем от и до, а внутренним обустройством занималась его жена и знакомый дизайнер — друг семьи. Дом был полностью закончен, когда Лене было два года, но несколько лет назад Скворцов-старший сделал две пристройки. Одна представляет собой цветочную оранжерею — это был подарок жене на годовщину их совместной жизни, — а вторая — картинная галерея.

Мне обещают показать все комнаты позже, а пока проводят в столовую ужинать, где мы встречаем родителей Артёма и Лены.

— Ты только не пугайся реакции моей мамы, — шепчет Скворцов за секунду до встречи с его родственниками. — Она просто очень хочет, чтобы я поскорее женился и подарил ей внуков.

Я, конечно, искала информацию об Артёме и его семье, но о моем с ними знакомстве подумать не успела, делала акцент на совсем другие вещи, поэтому никаких особых представлений у меня не было, но такого приема я точно не ожидала.

— Артём, привет! Здравствуй, Алиса! — чуть ли не поёт миловидная женщина, как только мы переступаем порог столовой, и подходит к нам. — Меня зовут Любовь Константиновна, я — мама этого оболтуса, но можешь обращаться ко мне по имени Люба, как тебе удобно.

Она так искренне улыбается, так искрится от счастья и сияет, что я цепенею и застываю на месте не в силах двинуться. На моем лице все ещё вежливая улыбка, но в глазах — удивление и даже ужас. Не могу сказать, что моя семья меня не любила, точнее мама очень любила и ласково относилась почти до самой своей смерти, отец — своеобразный человек и чувства всегда проявлял в своей особой манере. Но такого теплого приема и такого рвения со мной познакомиться, какой показывает мама Скворцова, я не видела никогда.

Может притворяется? Но я тут же гоню от себя эту мысль, потому что так естественно играть не могут даже актеры. Неужели, она совсем отчаялась, что её сын не женится, что готова принять любую? Конечно, выгляжу я очень хорошо, но вся одежда куплена на деньги её сына, я же зарабатываю копейки, ещё и живу в съёмной малюсенькой студии. Правда, пока она этого не знает, но как узнает, её отношение ко мне останется таким же или изменится?

Чувствую, как Артём сжимает мою талию чуть сильнее, привлекая внимание. Он вроде бы что-то ответил матери, представил меня, а я так и продолжаю стоять, не в силах вымолвить ни слова. Нужно в срочном порядке брать себя в руки. Пока я собираюсь с мыслями, к нам подходит отец Тёмы и тоже представляется, и это именно та передышка, которая мне нужна. Стараюсь немного расслабиться и, наконец, здороваюсь со Скворцовыми.

— Добрый вечер, Любовь Константиновна, Александр Петрович. Рада с вами познакомиться!

— А мы-то как рады! — подхватывает женщина и ведёт нас к столу. — Всё уже готово! Пока все рассаживаются, Артём наклоняется к моему уху и шепчет:

— Ты в порядке? Что-то болит?

Я поворачиваюсь к нему и встречаюсь глазами. Его каре-зеленый омут действует на меня как успокоительное. Не знаю, в чем дело, но я опять обретаю то заветное чувство безопасности и спокойствия. На задний план уходят все переживания и все воспоминания о собственной семье.

— Да, — еле слышно отвечаю ему я, и мои губы трогает легкая улыбка. — Все в полном порядке.

Стол накрыт чудесно. Столько еды и невероятно вкусные ароматы домашней пищи, которые я с блаженством вдыхаю, что у меня щемит сердце. Наша домработница Нина готовила отменно и накрывала такие же пышные столы с одним лишь отличием — на одну персону или изредка на две, когда отец возвращался домой раньше обычного.

— Алиса, — обращается ко мне Любовь Константиновна, — вы, кушайте, не стесняйтесь!

— Все так вкусно выглядит! — отвечаю я, и за мной начинает ухаживать Артём, предлагая то одни, то другие блюда. Вижу, как тепло за нами наблюдает его мама, а потом ловлю на себе прищуренный взгляд Лены, совсем без улыбки. Чувствую, не нравлюсь я ей совсем.

Нам с Артёмом дают время поесть, но я понимаю, что это временная передышка перед расспросами. Так и происходит, только вместо Любови Константиновны этот вопрос задает сестра моего фиктивного парня.

— Как же вы познакомились? — спрашивает она, и мне отчетливо слышны иронические нотки в её голосе.

— Понимаете...

— Мы...

Начинаем с Артёмом одновременно, а затем переглядываемся. Мужчина улыбается мне уголками губ и слегка кивает, давая добро на историю, которую предлагала я.

— Нас буквально столкнула судьба лбами, — высокопарно говорю я и слышу, как Скворцов нервно прыскает. — Точнее мой лоб и капот автомобиля Артёма. Я выскочила на пешеходный переход в последний момент, и он затормозил прямо передо мной.

— Артём! — вскрикивает взволновано его мама.

— Любовь Константиновна, не переживайте, — спешу успокоить её я. — Все было в порядке, никаких травм, никакой аварии, но ваш сын настоял на том, чтобы довести меня до дома за причиненные неудобства. Так и познакомились.

— История хороша, когда она хорошо кончается, — расслабляется женщина.

— А тебе следует быть аккуратней на дорогах, — добавляет Александр Петрович, обращаясь к сыну.

— Это был урок на всю оставшуюся жизнь, — серьёзно произносит молодой человек, чем меня удивляет. Кажется, ему до сих пор беспокойно из-за сложившейся ситуации. Касаюсь его руки, стараясь показать, что всё уже позади, что я зла на него не держу и никогда не держала, что все уже давно в полном порядке и пора двигаться дальше.

Артём обхватывает мои пальцы и очень нежно начинает поглаживать их. Я еле успеваю скрыть своё изумление от его жеста, который кажется мне слишком интимным, хотя со стороны выглядит совершенно невинно, и стараюсь изобразить на лице влюбленность.

— Несмотря на то, что обстоятельства первой встречи были не совсем приятные, я счастлив, что судьба свела нас, — я и не знала, что Артём умеет так говорить, теперь моя

пора удивляться его высокопарности.

— Я тоже, — чуть ли не шепотом произношу я.

Мы с ним встречаемся взглядами, и я не могу отвести от него глаз. Его взгляд такой чистый и открытый, что я пропадаю. Как он это делает? Откуда у него такая способность притворяться влюбленным в меня и заставлять ощущать опору в его лице?

— А чем ты занимаешься? — летит в меня новый вопрос от Лены, вытягивая из омута его глаз. Мне требуется некоторое время сообразить, что она спросила, но я быстро нахожусь с ответом.

— Я преподаю в частной художественной школе искусство, учу детей рисовать, — не без гордости в голосе отвечаю я и кидаю быстрый взгляд на Артёма, но того самого взгляда уже нет. Может, мне показалось, и на самом деле его и никогда не было?

— Прекрасная профессия! — произносит Скворцов-старший. — У меня есть скромная картинная галерея, если хотите, я вам её с удовольствием покажу.

— Не слушайте его, Алиса, — добавляет Любовь Константиновна, — у него огромная галерея. Мы всей семьей ждем, когда мой муж уже откроет частный музей, да, дорогой?

— Люба, — нежно обращается он к жене, — по сравнению с Третьяковской галереей...

— А тебе, — его снова безжалостно перебивает мама Артема, — и не надо, чтобы она была такой большой. Сколько лет ты собираешь картины, и сколько лет их собирал Третьяков! Нашел с кем сравнивать.

— Я была бы счастлива взглянуть на вашу коллекцию искусства, — говорю я, надеясь отвлечь их от спора, что удастся на ура, и оба родителя поворачиваются ко мне.

— Вот и славно, — кивает мне Александр Петрович, тепло улыбаясь. — Приезжайте с Артёмом на неделю, а лучше в конце, мне на днях должны новую работу завести.

— Пап, не уверен, что получится... — вклинивается Скворцов-младший.

— Должно получится, — отсекает отец. — Отказы не принимаются. А не можешь сам, значит, привезешь Алису, мы с ней вдвоем получим эстетическое удовольствие. Тёму никогда не вытацишь. Он всё в работе, в строительстве, в сделках, договорах, не понимает, что такое искусство.

— Просто ещё не увидел те самые картины, — спокойно отвечает молодой человек и переводит взгляд на меня. — Ты же мне покажешь свои?

— Я... — смущаюсь и не могу вымолвить ни слова. Скворцов прекрасный актёр, если бы мы не заключили сделку, я бы решила, что он и правда во мне заинтересован, что он и правда хочет увидеть моё художество.

— А какое высшее заведение ты закончила? — разрушает момент Лена и вынуждает меня перевести взгляд на неё.

— Не закончила, — честно отвечаю я. — Ушла на третьем курсе Академии им. А.Л. Штиглица.

— Ого, питерская школа, — восхищается Александр Петрович. — Похвально. Знак оттуда множество выдающихся людей. Значит, вы из Санкт-Петербурга?

— Да, — решаю опять не юлить. — Прожила там большую часть своей жизни.

— Что же вас привело в столицу?

— Питер слишком... — пытаюсь подобрать верное слово. — Депрессивный.

— Понимаю, — соглашаясь, кивает Александр Петрович.

— А почему не закончила Академию? — продолжает допытываться Лена.

— Так сложились обстоятельства, — уклончиво отвечаю я, не желая врать.

— А как же высшее образование...

— Лена, хватит, — пресекает сестру Артём, и она послушно замолкает.

В этот момент на кухню входит женщина, по-видимому, Зина — их домработница, забирает грязные тарелки и приносит десерт. Им оказывается творожный торт с апельсином? Я опять застываю, не в силах оторвать от него взгляд. Мой любимый десерт, точнее любимый десерт моей мамы, особое отношение к которому передалось мне от неё. Откуда он здесь? Почему? Это просто не может быть совпадением... Тогда что? Судьба? Конечно, в глобальном смысле это сушая мелочь и всё же.

Или... не может быть. Неужели, меня уже нашли и это какой-то изощренный способ схватить меня? Я чувствую, как внутри начинает подниматься паника, дыхание учащается. Нужно срочно включить голову. Это просто чертово совпадение. Всего лишь торт. Мало ли людей любит такое лакомство. Я вижу Скворцовых впервые в жизни, как и они меня. Если бы меня нашли, меня бы сразу забрали. Ему не нужен этот театр, ему нужен лишь результат. Здесь мне ничего не угрожает. Во всяком случае, не сейчас и не в данный момент точно.

Это помогает, я заталкиваю панику куда подальше.

Артём замечает моё состояние, приподнимает брови, спрашивая, всё ли хорошо. Я неуверенно киваю.

— Надеюсь, вы не имеет ничего против чизкейка с апельсином? — спрашивает Любовь Константиновна. — У нас он нечасто бывает, но сегодня почему-то захотелось именно его. Я знаю, что чизкейк обычно с вишневой начинкой подают, но этим рецептом поделился с нами один хороший друг семьи. Апельсин добавлен ещё и в саму творожную массу. И ещё несколько секретных ингредиентов. Обещаю, вам понравится.

— Я знаю, — еле слышно произношу я и пробую десерт. Тот самый вкус из детства, когда все было хорошо, когда я ни в чем не нуждалась, безмерно любила своих родителей и купалась в ласке мамы и подарках отца.

С кухней я не дружу, но одно блюдо все же могу приготовить вполне себе сносно по памяти — апельсиновый чизкейк мамы. Единственный рецепт, который я знаю наизусть, потому что с ней мы его готовили бесчисленное количество раз. Точнее готовила в основном она, а я наблюдала. В такие моменты мама отпускала домработницу отдыхать, а сама творила.

— Очень вкусно, — все также тихо говорю я и ловлю на себе внимательный взгляд Артёма.

Разговор продолжает течь своим руслом, общаемся на общие темы, затем Скворцовы начинают делиться семейными историями, над которыми мы много смеемся. Сама не замечаю, как полностью расслабляюсь и начинаю чувствовать себя очень уютно, особенно, когда мы перемещаемся в гостиную для продолжения беседы, и я пристраиваюсь рядом с Артёмом на диване, а он меня крепко обнимает и прижимает к себе, слегка поглаживая. Даже перестаю замечать Лену, продолжающую кидать на нас странные взгляды.

— Ой, Алиса, — спохватывается Любовь Константиновна. — Что это мы все о нас да о нас. А кем у вас работают родители? Тоже творческие люди?

Чувство спокойствия и безопасности моментально исчезает, улыбка пропадает с моего лица. Я так надеялась, что этот вопрос не прозвучит, и уже успела этому обрадоваться, так как разговор давно ушел в сторону от моей персоны. У меня, конечно, подготовлена легенда на счет родителей Алисы Шведовой, но в этом доме, в этой семье, которая принимает меня так радушно, видя впервые, лгать отпадает всякое желание. Тем не менее, всей правды я

сказать тоже не могу.

— Мама умерла, когда мне было четырнадцать, — стараюсь ровно произнести я, но выходит не очень успешно, и голос немного дрожит, — а отец... скончался около двух лет назад.

Рука Артёма, которой он поглаживал меня, замирает, а затем он крепче прижимает меня к себе.

— Нам очень жаль, — сочувственно говорит женщина. — Я не знала.

— Всё в порядке, — грустно улыбаюсь в ответ.

Разговор сходит на нет, и Артём предлагает поехать домой. Я благодарю Скворцовых за потрясающий вечер, хвалю их дом, и экскурсию по всему особняку мне обещают в следующий раз.

Любовь Константиновна даже обнимает меня на прощание и приглашает на свой юбилей в конце следующего месяца. Александр Петрович тепло улыбается, напоминает о визите своей галереи.

Пока мы идём до машины Скворцова, я смаргиваю неожиданно появившиеся слезы и прокручиваю в голове одну и ту же мысль, что именно о такой любящей и открытой семье я всегда мечтала и мечтаю до сих пор.

— Алиса, ты покорила моих близких, — объявляет Артём, трогаясь с места. — Особенно маму.

— Она у тебя чудесная, — мягко произношу я. — И мама, и семья.

— Да, это так, — также отвечает он и замолкает на пару секунд, но затем спрашивает. — Почему ты не сказал, что сирота?

В этот момент гремит гром, что даёт мне время повременить с ответом. По стеклу начинают скатываться капли воды, и я веду пальцем по дорожкам, оставляемым мокрым ночным гостем. Грозу обещали только завтра, но она решила показать свой характер и явилась сегодня. Погода будто становится приумноженным в несколько раз отражением моего настроения.

— А должна была? — отрешенно произношу я. — Ты не спрашивал.

— Что с ними случилось? — аккуратно спрашивает он.

— Это неважно, я не хочу об этом говорить, — отсекаю все его расспросы.

— Ты поэтому не закончила учебу? Раньше платил отец, а теперь недостаточно средств? Если хочешь, я могу оплатить...

— При всем моем уважении, Артём, это не твоё дело, — злюсь я, показывая полное отсутствие желания говорить на эту тему. — У нас с тобой сугубо деловые отношения. То, что я понравилась твоей семье, ничего не значит. Я умею хорошо притворяться. Давай будем придерживаться рамок нашего соглашения. Ничего сверх этого мне от тебя не нужно.

— Как скажешь, — ледяным тоном цедит он, а на меня как будто ведро холодной воды выливают, но я не обращаю на это внимание.

Так надо. Я не жалею о сказанных ему словах. Меньше всего мне нужно, чтобы Скворцов начал копать во мне или моём прошлом. Во-первых, я не настолько ему доверяю, а, во-вторых, если бы и доверяла, то точно не стала бы рассказывать ради его же безопасности. Артём, конечно, птица высокого полета, но боюсь, что этого недостаточно. Единственное, что мне пока остается — это придерживаться установленных правил.

Артём (19)

Жду, пока за Алисой захлопнется входная дверь подъезда, и лишь после уезжаю с её

двора. На трассе разгоняюсь до максимальной разрешенной скорости и лавирую между машин, пытаюсь избавиться от злости на девушку. По радио играет жесткий клубный бит, но у меня в ушах звенит её рассерженный голос.

«Сугубо деловые отношения...»

Притворялась, значит. Весь вечер так сильно притворялась. Только вот мне так совсем не показалось. Я видел, что ей было комфортно, видел, что она приглянулась моей семье, и ей они тоже понравились. Так почему же она так резко отреагировала на мой искренний посыл помочь? Гордость? Мы же и так договорились на деньги!

Корю себя за то, что вел себя с ней искренне, что был собой весь вечер и позволил себе расслабиться, потому что Алиса мне понравилась. Жениться я на ней, конечно, не собираюсь, но она первая девушка за последние несколько лет, с которой мне комфортно.

Бью рукой по рулю, от чего автомобиль немного заносит, но именно это и заставляет меня прийти в норму. Я остываю и сбрасываю скорость. Черт! Что на меня нашло?! Никогда в жизни так не гнал. Месяц назад сбил пешехода, а сейчас потерял голову на дороге.

Останавливаюсь на обочине и пытаюсь отдышаться, выходит не сразу.

Как ей только удалось так сильно меня вывести из себя?

Мне срочно нужно отвлечься. Набираю Новикова.

— Да, Тём, — он отвечает после нескольких длинных гудков, на фоне слышна громкая музыка.

— Ты в клубе что ли? — удивляюсь я. — В будний день?

— Тёмыч, я все выходные проработал, дай один вечер расслабиться, завтра буду как огурчик...

— Не против компании?

— Вот такого поворота я не ожидал, — хмыкает друг. — Семейный ужин не удался? Неужели, она ещё не залезла к тебе...

— Денис, ты переходишь все границы!

— Извини, — тут же даёт отступную он. — Приезжай. Адрес сброшу сообщением.

* * *

Через полчаса я уже сижу в вип-зоне клуба с Новиковым и стаканом виски.

— Ты один что ли?

— Пока да, но, — Дэн кивает в сторону бара, довольно ухмыляясь, — вон там видишь компанию из девушек. Рыженькая уже пару раз кидала взгляды в мою сторону. Надеюсь, уехать сегодня с ней.

— Это ты так собрался завтра на работе быть как огурчик, — скептически на него смотрю.

— Надеюсь, получить от тебя отгул хотя бы до обеда, босс.

— Твоя взяла, — поднимаю бокал, и мы чокаемся. — А ты когда последний раз в отпуске вообще был?

Дэн делает несколько глотков и ставит бокал на стол.

— В прошлом году точно не был, — задумчиво отвечает он. — И в позапрошлом, кажется, тоже...

— Чертовы трудоголики, — выпиваю виски до дна и с громким стуком возвращаю стакан на стол.

— Ты чего? — хмурится друг. — Что-то случилось?

— Шведова случилась, — бросаю я и прошу официанта повторить заказ.

— Так в сердце запала?

Я надеялся, что после знакомства с родителями я смогу разгадать девушку, но Алиса лишь сильнее меня запутывала. Сначала ото всех денег и предложений она отказывалась, но потом все же соглашалась, что с больницей, что с этой чертовой сделкой с ней. Мне казалось, Шведова взвесила все за и против и пошла на эту авантюру из-за денег, но стоило предложить ей оплатить ещё и учебу — разозлилась.

Раз она сирота и снимает квартиру, значит, родители ей явно ничего не оставили в наследство. В ней так гордость играет? Я тут же вспоминанию немаленькие счета из магазинов одежды, но я сам разрешил ей тратить собственные деньги.

Или её так разозлили мои вопросы о родителях? Почему я сам не спросил о её семье раньше? Алиса вообще ничего о ней не рассказывала. Неужели, у неё не осталось больше никаких родственников? Ни дядь, тётъ, ни бабушек, дедушек? Девушка что-то не договаривала, это было ясно. Только что именно? Ей до сих пор больно говорить о родителях или же здесь что-то другое?

— Дэн, я её не понимаю, — наконец, выдаю я, когда мне приносят новый стакан виски.

— Ты сам полез в эту авантюру с ней, — Денис поднимает свои ладони, тем самым показывая, что вообще не при делах.

— Она понравилась моей семье, — продолжаю рассказывать, — отец с мамой вообще от неё в восторге. Лена достаточно холодно отнеслась, что странно. Она акцентировала внимание на то, что Алиса не закончила университет. Никогда не думал, что для сестры высшее образование имеет какое-то особое значение.

— Может, ревнует? — предположил Дэн.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Алисе я предложил оплатить учебу, а она отказалась.

— Мало предложил, значит, — хмыкает Новиков.

— Ты всё о том же.

— Артём, не пойми меня неправильно, — уже серьёзно говорит друг, — но я не могу вот так легко поверить в бескорыстность женских мотивов. Да и, знаешь, не только женских. Я признаю, что могу быть неправ, но от этого, к сожалению, моё мнение просто так не изменится. И ты прекрасно об этом знаешь. Если хочешь, могу пробить Алису по своим каналам.

— Не стоит, Андрей уже пробил.

— Значит, все-таки был повод раз ты к нему обратился, — настаивает Новиков.

— Я же должен был хоть что-то знать о человеке, с которым заключаю сделку.

— И что выяснил?

— Ничего особенного, у меня же только её имя и фамилия, а таких девушек по всей стране немало.

— Может тогда следует выяснить больше?

Я и сама думал об этом, пока ехал в клуб, но, когда это предлагает Денис, мне больше не кажется хорошей идеей копать под Шведову. Если смотреть на ситуацию объективно, Алиса права, между нами сугубо деловые отношения. От денег за учебу она отказалась, потому что не хочет быть мне обязанной, а о родителях отказалась говорить, потому что ей до сих пор больно. Нормальное адекватное объяснение. В конце концов, она имеет полное право на приватность.

Что же тогда меня беспокоит?

— Нет, — твердо произношу я. — Ничего экстраординарного не произошло, если какие-то из её дальнейших действий покажутся мне подозрительными, я обращусь к Андрею.

— Делай, как знаешь, — произносит Дэн и делает глоток виски, кидая взгляд в сторону бара. — Тёмыч, у тебя всё?

— Боишься упустить рыженькую? — ухмыляюсь другу.

— Не то слово, — говорит Дэн, не смотря на меня. — Там и блондиночка хорошенькая. Раз тебе Алиска приглянулась, то и эта понравится. Давай обеих приведу, что скажешь?

— Нет, — допиваю второй бокал виски и поднимаюсь из-за стола. — У тебя отгул есть, а у меня нет.

— Так возьми, — не отстаёт друг. — Сам себе босс.

— У меня скоро будет достаточно отгулов, — говорю я, чем привлекаю внимание Дениса, и он поворачивается ко мне.

— Неужели, в отпуск собираешься? — недоверчиво спрашивает Новиков.

— Куда уж там, Казанцев в Сочи позвал, намекнув, что не прочь познакомиться с моей избранницей в неофициальной обстановке.

— У-у, — тянет Дэн. — Друг, это ты, конечно, попал. Могу только удачи пожелать в твоей авантюре. Надеюсь, что хотя бы с контрактом выгорит.

— Я тоже, — искренне соглашаюсь и собираюсь его покинуть, оставляя друга на рыжую красотку. Может хоть в этот раз у Дэна получится что-то серьёзное, хотя я сильно в этом сомневаюсь.

Он тоже поднимается из-за стола, жмет мне руку.

— Слушай, — напоследок спрашиваю, — у тебя же друг хороший в твоём родном городе остался, Дмитрий вроде?

— Да, Дима, — кивает он и немного хмурится. — А что?

— У него же всё хорошо в личной жизни?

— А, — на лице Дэн вновь играет улыбка, — да, верно. Они с Лизой уже около десяти лет в браке, а вместе и то больше. У них и дети есть.

— Вот они некорыстные женские мотивы. Она ведь искренне его любит.

— Слушай, таких, как Лиза, — одна на миллион. И знают они друг друга чуть ли не с пелёнок, и социальный статус у них один и тот же. Я восхищаюсь их парой, но считаю, что это скорее исключение из правил. Думаешь, Алиса такая же?

— Не знаю, — честно отвечаю.

— Время покажет, — заключает он и, махнув на прощание рукой, отправляется к бару.

* * *

Домой добираюсь на такси. Захожу в свою холостяцкую берлогу, а из головы всё не выходят друзья Новикова — Дима и Лиза. Денис однажды показывал фотографию с их свадьбы, такие счастливые молодожены. Я тогда сразу подумал, что мы с Жанной на собственной свадьбе такими же будем, жизнь позже расставила всё по своим местам, но тогда я верил, что Жанна — та самая, несмотря на скептицизм Дэна.

В моей жизни есть ещё один пример эталонного брака — союз собственных родителей. И, надеюсь, в скором времени будет ещё одна пара — Лена и Олег. Она буквально светится рядом с ним, а он в ней души не чаёт. Если что-то изменится, Олегу не жить.

Принимаю душ, ложусь в кровать и не выдерживаю, решаю все-таки устроить собственное маленькое расследование. Достаяю ноутбук и пробиваю имя Алисы среди

студентов названной ей художественной академии. И не нахожу его. Сначала листаю списки за последние три года, затем за пять лет, потом за семь... Дохлый номер, если я не нашел её здесь, дальше искать нет смысла.

Странно. Это очень странно. Как минимум она должна была быть в списках зачисленных студентов. Они находятся в публичном доступе. Если, конечно, Алиса на самом деле там училась. Соврала, чтобы впечатлить моих родителей? Тогда понятно, почему она так рьяно отказывалась от помощи в оплате учебы, раз даже не училась в высшем учебном заведении. Но могла же прямо сказать в машине, что соврала родителям, зачем продолжать лгать мне? Чтобы впечатлить меня, но какой в этом смысл?

Чертова загадка!

Хватит!

Чем Шведова меня так зацепила? Надо уже перестать о ней думать. Родителям девушка понравилась, мама со своим сводничеством и сватовством отстала. Одна из намеченных целей достигнута. Осталось дело за малым — убедить Казанцева. А затем смогу отпустить девушку на все четыре стороны, пусть делает, что ей вздумается.

Алиса (20)

Ночью, как обычно, удаётся поспать всего пару часов из-за кошмаров, поэтому просыпаюсь ни свет ни заря и решаю порисовать, чтобы успокоить отчаянно бьющееся сердце. Результатом становится портрет Артёма. У меня не было цели нарисовать именно его, как-то само собой получилось. Его голова немного повернута вбок, расстёгнута верхняя пуговка рубашки, спущен галстук, серьёзный взгляд направлен вдаль, лоб слегка нахмурен, как будто молодой человек думает о чем-то очень важном, но никак не может найти решение проблемы.

Хорошая работа, очень реалистичная, профессору Кальке бы понравилась, только он её никогда не увидит. Убираю портрет в папку и заталкиваю её куда подальше. Артём просил его нарисовать, и я могу отдать рисунок ему, но мне хочется оставить работу себе, во всяком случае пока что, пока я здесь, пока я никуда не бегу, пока я сама могу на неё смотреть. Возможно, позже подарю её Скворцову или сожгу, чтобы не оставлять никаких зацепок.

До выхода из дома на работу остается ещё полтора часа, и я решаю проверить несколько вещей в интернете. После несложных махинаций мне попадается статья желтой прессы о Скворцове и наша с ним фотография с юбилея компании Романа. Этого следовало ожидать. Радует, что моего лица там практически не видно.

«Таинственная незнакомка, которой удалось завоевать сердце неприступного холостяка. Артём Скворцов впервые за очень долгое время появился на публике с девушкой, не являющейся его родственницей. Кто такая избранница Артёма? И самый главный вопрос, которой волнует наших читательниц, — что это? Обычная интрижка? Или же нечто серьёзное? Стоит ли в ближайшее время ждать не одну, а целых две свадьбы в семье Скворцовых?..»

Статья висит в сети не первый день, а я до сих пор в порядке, меня никто не схватил, значит, ищeyки либо даже не вздумали обратить внимание на новое лицо в высшем свете общества, либо проигнорировали его, не признав в нём меня. И тот, и другой расклад меня устраивает. Пока что можно не переживать и продолжать играть девушку Артёма.

* * *

На работу прихожу раньше обычного. Наташа уже на месте, а её отца нет и сегодня не будет. Половина рабочего дня проходит без происшествий, а в обеденный перерыв к нам

заглядывает Феликс с сэндвичами и кофе.

— Девчонки, привет! — радостно восклицает он, протягивая еду нам.

Мы устраиваемся в одном из учебных кабинетов и неспешно едим. Феликс же развлекает нас своими историями из отпуска.

— Устал от веселья и рвешься на работу? — спрашивает Наташа после очередной шутки Миронова.

— Соскучился по нашей уютной школе! Готов рваться в бой!

— Похвально, — заключает девушка и откидывается на стул, завершив трапезу.

— Алиса, — обращается ко мне парень, — как тебе наша школа?

— Ты очень правильно выразился, — улыбаюсь ему я, — уютная. Меня всё устраивает, я о таком месте работы и мечтать не могла.

— Да... — Феликс продолжает ещё что-то говорить, но я отвлекаюсь на Кольникову, которая резко бледнеет и хватается за живот.

— Наташа, ты в порядке?

— Не знаю, — хмурится она. — Не уверена.

— Ты на машине? — считаю в голове время и решаю, что своим ходом мы окажемся в больнице быстрее — видела, как мы проезжали её с Артёмом на машине, и запомнила дорогу.

— Да, ключи в сумке, а что...

— Поехали в больницу, — встаю со своего места и уже бегу в приемную за сумкой девушки.

— Зачем? — слышу дрожащий голос Кольниковой. — Я потерплю, сейчас полегчает.

— Феликс веди её в машину быстро!

Миронов моментально преображается из весельчака в ответственного мужчину и не задает вопросов. Он фактически несет Наташу до автомобиля и усаживает её на заднее сидение, не обращая ни малейшего внимания на её возражения.

— Поведешь? — спрашиваю у Феликса, но вижу, как теперь бледнеет он сам.

— Я... не вожу... — сбивчиво произносит молодой человек.

— Тогда поведу я, на тебе школа, — бросаю ему и сажусь на водительское сидение.

Мы буквально летим по дорогам Москвы, меня не волнует ни то, что водительские права на Алису Шведову у меня отсутствуют, ни то, что последний раз за руль я садилась два года назад. Я знаю, что вожу хорошо, и мой организм меня не подводит, мышечная память работает безупречно.

Периодически поглядываю на Наташу.

— Ты там как?

— Нормально, — только и выдавливает из себя девушка, не перечит и не просит повернуть назад, понимает серьёзность своего состояния.

— Как мне сообщить отцу ребенка о твоём состоянии?

— Не нужно.

— Наташа, он должен быть в курсе, — настаиваю я. — Или давай я хотя бы позвоню твоим родителям.

— Нет, им нельзя...

— Послушай, это не шутки, — пытаюсь объяснить ей. — Я обещаю, что со всем тебе помогу, но кто-то из твоих близких должен быть в курсе. Особенно отец ребенка.

Она молчит и глубоко дышит.

— В избранных в моем телефоне, Филипп, — наконец, произносит она. — Позвони ему. Он отец.

— Хорошо.

До больницы доезжаем достаточно быстро. По меркам Москвы так точно.

— Наташа, дыши, — успокаиваю её, пока мы выходим из машины и заходим внутрь. — Не переживай. Всё будет в порядке, мы доехали вовремя.

Её тут же забирают врачи, а я остаюсь ждать в коридоре. Кольникова оставила мне свою сумку и телефон. Начинаю рыться в контактах, но в избранных вижу только её родителей и некого «Алекса», в итоге нахожу Филиппа через общий поиск и набираю.

— Да, Наташа, слушаю, — слышится мужской голос.

— Добрый день, это Алиса, я её коллега по работе, — быстро представляюсь.

— Где Наташа? — перебивает меня мужчина.

— Она в больнице, вы не могли бы приехать?

— Адрес, — без промедления требует он, я называю, и Филипп отключается.

Сажусь на скамейку и усмехаюсь. Пару недель назад молилась, чтобы не оказаться в больнице, и тем более в государственной, теперь же самостоятельно сюда приехала только не в качестве пациента. Свои данные оставлять не потребуется, поэтому можно не переживать.

Невольно начинаю постукивать пальцами по сидению и предаюсь воспоминаниям, как несколько лет назад точно также сидела в больнице и ждала новостей о сестре Юры. Она забеременела случайно от какого-то парня в клубе и захотела оставить ребенка. Сначала всё шло хорошо, но потом у неё начало тянуть живот, гинеколог сказала, что если несильно, то всё в рамках нормы. А потом всё резко стало плохо, мы с Юрой повезли её в больницу, но было уже поздно. Она потеряла ребенка, а у меня в ушах ещё не один день стоял её крик, когда ей сообщили о выкидыше.

У Наташи не было выбора. Я бы повезла её сюда в любом случае.

Через полчаса в больнице появляется Филипп, высокий, широкоплечий мужчина, пытающийся выяснить в регистратуре информацию о состоянии Кольниковой. Медсестра показывает ему в мою сторону, и он подходит.

— Филипп? — уточняю я на всякий случай и достаиваюсь кивка. — Меня зовут Алиса, я разговаривала с вами по телефону.

— Давай на ты, не люблю эти формальности, как она? — его обеспокоенный взгляд мечется между кабинетом позади меня и мной.

— Ей стало плохо, но крови не было, — сообщаю ему. — Поэтому, уверена, что ничего необратимого не произошло. Нам нужно просто подождать.

Филипп замедленно кивает и садится рядом со мной, какое-то время молчит, а потом дрожащим голосом неуверенно произносит:

— Мне сказали, она беременна.

— Да, — тепло ему улыбаюсь, пытаюсь подбодрить, — ты отец.

— Не могу поверить, — говорит он, и уголки его губ слегка приподнимаются. — Хоть бы всё обошлось, и с ними обоими всё было хорошо.

В этот момент к нам выходит врач и сообщает о состоянии Наташи. Все показатели в рамках нормы, никаких сильных отклонений не наблюдается, но, чтобы избежать рецидивов и удостовериться на все сто процентов, что все в порядке, он хочет понаблюдать за девушкой в течении нескольких дней, поэтому пока не выписывает.

— К ней можно? — спрашивает Филипп.

— Да, — тепло отвечает врач, — я так понимаю, вы — папа?

— Да, — кивает мужчина.

— А вы? — поворачивается ко мне врач.

— Подруга, я привезла её.

— Вы — молодец, лучше перебдеть, чем недобдеть. К пациентке можно, но ненадолго, ей бы отдохнуть и поспать.

Филипп скрывается за дверью её палаты, я решаю им не мешать и остаюсь в коридоре. Что-то не даёт мне покоя. У Наташи и отца ребенка не всё гладко. Она явно не хотела ему сообщать или же не хотела оставлять ребенка. Склоняюсь к первому. Но я четко видела радость на лице мужчины. Это же хороший знак, разве нет? Надеюсь, что у девушки всё образуется, и они найдут компромисс.

Поднимаюсь со скамейки и хочу постучать в палату, как слышу шаги позади себя и оборачиваюсь. Ко мне чуть ли не бегом направляется Артём Скворцов, собственной персоной. Что он здесь делает?

— Алиса, ты в порядке? — он берет меня за плечи и внимательно осматривает, как тогда, после аварии, с тем же обеспокоенным взглядом.

— Конечно, — хмурюсь я. — А ты что здесь делаешь?

— Что я здесь делаю? Ты сейчас серьезно?! Звоню тебе, а отвечает какой-то паренёк и говорит, что ты в больнице. Я сразу помчался сюда.

Я изумлённо смотрю на него. Артём за меня искренне переживает. Конечно, он волновался за меня и после столкновения на пешеходном переходе, но я все равно списывала это на то, что он боялся юридической ответственности, чувствовал свою вину. Сейчас же я четко вижу, что мужчине важна именно я без каких-либо условностей, и меня это поражает.

Последний раз так за меня переживал человек, который меня спас два года назад. Он не должен был мне помогать, не обязан был что-либо для меня делать, но сделал — спрятал меня, достал поддельные паспорта и помог сбежать. Теперь я обязана ему по гроб жизни.

— Я в порядке, — медленно произношу и объясняю. — Моя коллега беременна, я её сюда привезла, а телефон на работе забыла. Видимо, Феликс не так выразился.

Артём несколько секунд не отводит от меня взгляда, а затем, прикрыв глаза, расслабленно выдыхает, убирает от меня руки и издаёт смешок.

— Я уже себе кучу всего придумал, — тихо бормочет он, но я разбираю.

— Ты переживал за меня? — спрашиваю я, всё ещё не до конца веря.

— Конечно, переживал, — его глаза распахиваются, и я снова вижу невероятный оттенок радужки его глаз. — А кто будет продолжать играть мою девушку на публике?

Его фраза несколько меня не трогает и не портит настроение, потому что теперь я точно знаю, что видела его искреннее беспокойство, и это греет душу. Но я вступаю в его игру.

— Не переживай, — улыбаюсь Тёме. — Твоя фиктивная девушка в полном порядке и готова вернуться в строй.

— Да? — скептически уточняет он и приподнимает бровь. — А кто же этот Феликс?

— Просто коллега по работе, — поясняю я. — Фиктивный парень у меня только один. Ты же не ревнуешь, правда?

— Конечно, нет, — быстро произносит он, но я ему не верю и внутренне радуюсь такому вниманию, но через секунду с моего лица пропадает улыбка, я вспоминаю, кто я,

зачем я здесь и почему мне нельзя с ним сблизиться. Артём замечает изменение моего настроения, но ничего спросить не успевает. Меня спасает Филипп, выходящий из палаты Кольниковой.

— Алиса, тебя зовёт Наташа, — обращается ко мне Филипп, и я быстро ретируюсь к девушке, не представляя друг другу мужчин — пусть сами знакомятся.

В палате слышно только пиликанье приборов, и от этого мне становится жутковато. Не представляю, как эти звуки терпит подруга, но судя по её сонным глазам, ей и правда нет дела до какой-то там звенящей аппаратуры. Девушка уже совсем не бледная, щеки слегка румяные, но она лежит под капельницей.

— Врач сказал, что хочет прокапать мне витамины, — объясняет Кольникова, замечая мой вопросительный взгляд, и на её лице появляется немного измученная улыбка.

Я подхожу к кровати и сажусь рядом на стул.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально, только спать хочется, — говорит Наташа, а затем касается моей руки. — Алиса, спасибо тебе! Врач, конечно, сказал, что все показатели в норме, но они же не зря хотят понаблюдать за мной несколько дней, значит, проблема есть...

— Нет, — уверяю девушку, стремясь пресечь её волнения, которые могут привести к усугублению ситуации, — никакой проблемы нет. Это исключительно меры предосторожности.

— В любом случае, если бы не ты... — говорит Наташа, а я слышу, как приборы начинают пикать чаще.

— Перестань, чего ты так переживаешь? — перебиваю её. — Зато папе ребенка сообщили, да? Не знаю, как он вёл себя здесь, но при мне обрадовался.

Переключение внимания работает, и приборы возвращаются к тому периодическому пиликанию, которое было изначально.

— Да, — кивает Наташа, и на её лице появляется слабая улыбка, — обрадовался.

— Это плохо? — аккуратно уточняю, уловив нотки грусти в словах девушки.

— Нет, конечно, просто... всё сложно. Но ты права, отец ребенка должен знать, а я не знаю, решила бы ему сообщить сама.

— Я уверена, — твёрдо говорю я, — ты бы приняла правильное решение.

— Наверное, — неоднозначно тянет она. — В любом случае, главное, чтобы с плодом всё было в порядке.

— Всё будет хорошо, — предпринимаю ещё одну попытку успокоить Наташу.

— Да, — соглашается девушка, но как-то не очень уверена.

— Ты, главное, набирайся сил, договорились?

— Договорились, — покорно соглашается она.

— Отдыхай, — поднимаюсь со стула, — если тебе что-то понадобится, ты всегда можешь ко мне обратиться, ты же знаешь об этом, верно?

— Алиса, — отвечает вопросом на вопрос, — почему ты так обо мне заботишься?

— Так поступил бы каждый, — отмахиваюсь я.

— Неправда, — стоит она на своём и выдвигает собственное предположение. — У тебя был выкидыш, да?

Кольникова смотрит на меня с искренним сочувствием в глазах. Я не хотела ей говорить — лишние нервы, но у меня язык не поворачивается соврать, неважно, что история произошла не со мной. Наташа и так всё поняла. Мои поступки сегодня говорили сами за

себя.

— У знакомой был, — тихо произношу. — Когда мы приехали, было уже поздно.

Оставляю Наташе сумку, телефон, ключи от машины и покидаю палату.

Алиса (21)

В коридоре вижу только Артёма, он предупреждает мой вопрос.

— Муж твоей подруги ушел ещё раз всё обсудить с врачом, — поясняет он. — Как она?

— Всё в рамках нормы, — киваю и нахожу глазами настенные часы. — Кажется, провести занятия сегодня я уже не успею, но нужно забрать мобильный.

— Я тебя подвезу, — предлагает Скворцов.

— Не нужно. Я сама доберусь. Мне недалеко, школа рядом с квартирой, которую я снимаю.

— Тем более, довезу, — настаивает мужчина. — Я все равно на сегодня закончил, с остальным обещал разобраться Дэн. Идём.

Я сдаюсь, называю ему адрес школы и следую за Артёмом. Честно говоря, спорить с ним нет никакого желания, да и я бы не отказалась от поездки в комфорте, а не на общественном транспорте. После всех сегодняшних переживаний хочется уединения и тишины, которые я однозначно могу получить в его автомобиле, сам Скворцов не в счет.

Располагаюсь спереди и чуть ли не со стоном наслаждения устраиваюсь в кресле — особенно ощутима разница после неудобных скамеек больницы. Артём включает легкую спокойную музыку и трогается с места. Прикрываю глаза, расслабляюсь и понимаю, что меня отпускает. Оказывается, все это время дико раскалывалась голова, а я не обращала на это внимание, пока боль не исчезла.

— А зачем ты звонил? — спрашиваю, вспомнив, что Артём спонтанно появился в больнице. — Намечается новый выход в свет, где требуется твоя вторая половинка?

— Да, но и кое-что ещё, — отвечает он уклончиво и замолкает на пару секунд. — На следующей неделе мы летим в Сочи договариваться с Казанцевым.

— На выходных? — уточняю.

— Нет, на всю неделю. Полетим либо в воскресенье, либо в понедельник утром.

— Но я не могу. У меня же работа, занятия с детьми...

— Пусть Феликс тебя заменит, — имя коллеги Артём буквально выплевывает, что я игнорирую, потому что этот детский сад меня сейчас не волнует.

— Он сейчас в отпуске...

— Алиса, у нас с тобой был уговор, поэтому ты полетишь, — безапелляционно произносит мужчина, я не нахожу, чем ему возразить, потому что он прав.

Отворачиваюсь к окну и вспоминаю, что Феликс сам предлагал меня подменить, к тому же, на следующей неделе государственный праздник, к которому прилагается ещё один выходной, значит по факту я буду отсутствовать только три дня. Можно попробовать договориться с руководством.

— Ты можешь вообще не работать, — прерывает мои размышления Артём. — Я в состоянии обеспечить свою девушку.

— Фиктивную, — поправляю я.

— В данном вопросе это не имеет значение. Так вот я оплачу все твои траты, твою квартиру...

— Нет, Артём, — возражаю. — Я не согласна. Я хочу сохранить свою работу.

— Найдешь потом другую. В конце концов я тебе помогу...

— Нет! Ты меня не слышишь! Мне важно моё рабочее место. Ты в курсе, что у меня незаконченное образование. — Артём бросает на меня странный взгляд, но мне всё равно. — Знаешь, какой первый вопрос задают мне на каждом собеседовании? Что вы закончили? Им плевать, имеется ли у тебя талант или нет, плевать, что ты можешь быть самоучкой, шикарно рисовать и быть истинным творцом, важно лишь наличие у тебя нужной «корочки», а если её нет, то ты просто не доходишь до этапа, где нужно продемонстрировать свои работы.

Я на мгновение останавливаюсь, чтобы набрать воздуха, и сразу продолжаю, не давая возможности ему вставить и слова.

— Знаешь, кем я работала до этого? Уборщицей в театре, официанткой в забегаловке, баристой в кофейне, затем опять официанткой, только уже в ночном клубе, потом горничной в мотеле и опять официанткой, но уже в кафе. И это ещё не весь список. Кольников — первый, кто обратил внимание на моё творчество и дал шанс, поэтому нет, я не намерена бросать работу. И если тебя это не устраивает, то лучше прекратить какие-либо наши с тобой отношения.

Замолкаю, но не слышу ответной реплики Скворцова, он сосредоточенно смотрит на дорогу, но видно, что думает о другом, взвешивает все «за» и «против», а автомобилем управляет на автомате. Это даёт мне время успокоиться, и я начинаю испытывать стыд за тираду в его сторону. Он же не виноват, что у меня проблемы с поиском нравящейся мне работы.

— Извини, — уже тише произношу. — Я не должна была повышать голос и вываливать всё на тебя. Ты вообще не причём.

— Алиса, — вымученно говорит он, — я тебя не понимаю. Совсем не понимаю. То тебе не нужны деньги, то нужны, то тебе нужно полное высшее образование, то не нужно, но при этом возникают проблемы с работой... А ты вообще училась в Академии им. А.Л. Штиглица? Потому что, знаешь, в списках поступивших я тебя не нашёл.

Тело прошибает холодный пот. Я скрываюсь и вру не первый год, но даже не подумала о том, что Скворцов может начать копать глубже и пробивать меня по месту учебы, хотя это логично, и очевидно, что он будет меня проверять, ему же нужно быть в курсе того, кто рядом с ним. О чем я только думала? Нужно срочно что-то придумать, а работу над ошибками своего поведения проведу позже.

— Я... была вольным слушателем, — наконец, выдаю я и молюсь, чтобы он поверил.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

— Я ничего не хочу, — огрызаюсь я, потому что у меня нет другого ответа. — Ты спросил, я ответила. Поверишь ты этому или нет — не моя забота.

Артём делает глубокий вдох и медленно выпускает воздух через нос, а затем поворачивается ко мне и смотрит в глаза, не заботясь о движении на дороге. Я бросаю быстрый взгляд в окно и понимаю, что мы уже припарковались у места моей работы, из-за своих переживаний я и не заметила, как мы подъехали.

— Ладно, допустим, — говорит он, привлекая моё внимание, но его тон буквально кричит о недоверии. — А что насчет всего остального? Я же предлагал тебе заплатить за твоё обучение, почему ты отказалась?

— Потому что я не буду тратить ещё больше твоих денег, — лепечу я, но уверенность куда-то исчезает из моего голоса.

— Ты сказала, что у нас с тобой сугубо деловые отношения. Сейчас я считаю, что то,

какие услуги ты мне предоставишь вплоть до свадьбы сестры, стоят намного больше, чем я хотел предложить тебе изначально, поэтому я думаю, что предложить оплатить тебе учебу вполне себе приемлемо. И я всё ещё готов это сделать.

В его словах присутствует логика, и мне нечего возразить, но я не могу ему позволить оплатить обучение ни под каким предлогом. О какой учебе через три месяца может идти речь, если я не очень-то уверена в завтрашнем дне? Да, к тому же, скорее всего именно в художественных ВУЗах меня будут искать в первую очередь, там лучше не мелькать даже просто в заявлениях абитуриентов.

Не знаю, что ему ответить, поэтому решаю постараться сказать правду, насколько это возможно.

— Тём, — обращение вырывается само по себе, и Скворцов этому удивляется, судя по взметнувшимся вверх бровям, но быстро возвращает их на место, — не пойми меня неправильно, но я не могу загадывать так наперед. У меня нет тех денег, которые есть у тебя, у меня нет родственников, которые могли бы мне помочь, у меня нет даже собственной жилой площади. К сожалению, порой я даже не уверена в завтрашнем дне.

— Я благодарна тебе за предложение, — продолжаю, — но в данный момент я точно не готова его принять. Возможно, позже, когда всё устаканится, когда у меня будет стабильный заработок и крыша над головой, я смогу пойти учиться, но не сейчас, не в данный момент. Даже если ты мне дашь эти деньги, я с высокой долей вероятности не потрачу их на оплату обучения в университете. Возможно, в конце лета всё изменится, и я буду готова, но не сегодня.

Я опять не даю ему возможность ответить и говорю то, что должна была сказать с самого начала, а не выливать на него мои проблемы с работой.

— Артём, я понимаю важность той сделки, поэтому постараюсь договориться с руководством, но увольняться точно не буду, — произношу и выхожу из машины, оставляя молодого человека одного.

Мне везёт, и Феликс оказывается ещё в здании школы. Он замечает моё подавленное состояние и подбегает.

— Что с Наташей? Всё плохо?

— Нет, — натягиваю на себя дежурную улыбку. — Всё в порядке, но она задержится в больнице на пару дней.

— Слава богу, — выдыхает он и протягивает мне телефон.

— Спасибо, я совсем про него забыла, — благодарю я.

— А с тобой всё в порядке? — хмурится Миронов.

— Да, просто вымоталась, — отвечаю я и перехожу к делу. — Слушай, Феликс, помнишь, ты мне говорил, что, если мне понадобится уйти в отпуск, я могу к тебе обратиться?

— Да, вообще без проблем, — отзывается он.

— Мне нужно будет уехать на всю следующую неделю, а я только устроилась...

— Я тебя понял, — перебивает парень. — Считай, мы с тобой договорились. Думаю, Семен Владимирович не будет против, он всегда идёт навстречу.

— Просто, видишь, и Наташу госпитализировали...

— Слушай, на следующей неделе, если мне не изменяет память, праздничные дни. Три дня один я точно справлюсь, тем более, думаю, какие-то ученики с родителями отдыхать уедут. Так каждый год происходит. Правда, у нас мастер-класс намечается, но думаю, что

проблем не возникнет. Ты только поговори завтра с Кольниковым и скажи, что со мной уже договорилась.

— Хорошо, спасибо, Феликс.

Мы прощаемся, и я выхожу на улицу. Скворцов всё ещё здесь, сидит в автомобиле и задумчиво смотрит в окно, меня замечает, только когда я открываю дверь и сажусь на прежнее место.

— По поводу моего отсутствия на следующей недели я договорилась, — сообщаю ему. — Феликс подменит, осталось только с начальством договориться, но его сегодня нет, поэтому поговорю с Семеном Владимировичем завтра.

— Что у тебя случилось, Алиса? — спрашивает Артём, и я теряюсь, встречаясь с ним взглядом. Он будто смотрит глубоко в душу, видит меня насквозь и сразу поймет, если я совру.

— Ты чего-то боишься? — продолжает допытываться он. — После смерти твоего отца прошло два года, и ты хорошо справляешься. Ты нашла себе работу и квартиру, обрела некоторую стабильность. Судя по тому, что коллега идёт тебе навстречу тебя увольнять не собираются, а даже если и уволят, судя по твоему послужному списку, ты не потеряешься и найдешь, как заработать. Почему же ты не уверена в завтрашнем дне?

— Я... — начинаю я, но не могу вымолвить ни слова.

Артём так на меня смотрит, что я уже почти готова обо всём ему рассказать, но не могу. Конкретно в данный момент меня останавливает только то, что я так давно не говорила об этом вслух, я просто не могу поделиться.

— Это как-то связано со смертью твоих родителей? — предпринимает ещё одну попытку он, и я решаю этим воспользоваться.

— Я не хочу об этом говорить, — надеюсь, мой голос звучит грубо и отталкивающе, но не уверена, потому что сегодня мои актерские способности дают сбой.

— Если тебе требуется психологическая помощь, я готов...

— Нет, мне ничего не требуется. Давай закроем тему.

— Алиса...

— Нет, если будешь настаивать, то я уйду и не буду ни в чем участвовать, — иду в ва-банк и хватаюсь за дверную ручку, демонстрируя свои серьёзные намерения.

— Ладно, — бросает он и трогается с места, не давая мне выйти. — Просто знай, что ты можешь мне довериться и всё рассказать. Тебе самой станет легче.

— Я знаю, Тём, — тихо произношу я и решаю надавить на его порядочность и человечность. — Но это слишком личное, и если ты уважаешь меня как человека и понимаешь значение права на неприкосновенность частной жизни, а также значение личной и семейной тайны, то я очень прошу тебя не пробивать меня и не пытаться что-то выведать обо мне за спиной. Когда я буду готова, я сама тебе обо всём расскажу, но не сейчас.

— Хорошо, — выдаёт Скворцов спустя некоторое время, и я позволяю себе расслабленно выдохнуть. Надеюсь, он и правда больше не будет под меня копать.

Через пару минут мы подъезжаем к моему дому. Я вспоминаю, что мы не всё успели обсудить.

— Ты говорил о двух вещах. Одной была поездка в Сочи, а что второе?

— В субботу Олег, жених сестры и мой будущий зять, открывает свой ресторан. Мы с тобой приглашены и должны там быть.

— Без проблем, — киваю я. — Какие-то пожелания насчет дресс-кода?

— Нет, просто вечерний наряд.

— Поняла, — открываю дверь и выхожу из машины. — Тогда до встречи.

— До встречи, Алиса, — Артём произносит это каким-то особенным тоном, и я на секунду застываю, порываясь обернуться, но пересиливаю себя и хлопаю дверцей. Я и так на сегодня достаточно разоткровенничалась, и если посмотрю в бездонные глаза Скворцова, то могу влегкую выложить ему всё на блюдечке, несмотря ни на что.

В который раз задаю себе вопрос. На что я подписалась? Зачем мне всё это? Сейчас мы видимся часто, но наши встречи длятся всего пару часов, и Артём всё равно сумел вывести меня на откровенность. Что же будет в Сочи?

Почему именно на него у меня такая реакция? Почему именно ему так сложно лгать? Почему хочется сказать правду и попросить о помощи? Надо срочно освежить в памяти, чем мольба о помощи может обернуться, и продумать вещи, о которых ещё придётся ему солгать.

Алиса (22)

Договориться насчет Сочи с Кольниковым получается без проблем, особенно после того, как он узнает, что именно я повезла Наташу в больницу. Она сама обо всём ему рассказала. Семен Владимирович проникся ко мне ещё большей симпатией и пламенно поблагодарил за проявленную заботу о его дочери.

Наташу через день выписывают, не обнаружив никаких отклонений, советуют поменьше переживать, а при малейших беспокойствах обращаться в больницу. Она клянётся отцу, что будет соблюдать все рекомендации, и выходит на работу. Её теперь каждый вечер из школы забирает Филипп, но девушка этому не особо радуется. Всю пятницу ходит очень задумчивая. На мои расспросы ничего не отвечает, говоря, что всё в порядке.

Феликс объявляется в пятницу вечером, спрашивает о самочувствии Наташи и сообщает Кольникову уже лично, что готов меня подменить на следующей неделе. В итоге получается, что мы с ним выходим с работы вместе, а Наташа остается дожидаться Филиппа. Оказывается, мы с Мироновым живём в одной стороне, поэтому идём вместе.

— Вот, оказывается, как судьба повернулась, — присвистывает Феликс, когда мы выходим на аллею.

— Ты о чём? — спрашиваю я.

— О Наташе и Филиппе, — произносит молодой человек и сморщивается. — Они пару месяцев назад разбежались. Нат сказала, что с концами, но, как видишь, теперь, видимо, будут вместе.

— Это плохо? — спрашиваю я, не совсем понимая тон Феликса.

— Честно, не знаю, да и сплетничать особо не хочу, но, думаю, ты и сама заметила её отношение к нему. Хочу просто, чтобы она счастлива была, но не уверен, что она обретет это счастье с ним, хотя всё может быть.

— Ребенку он обрадовался, — вставляю я.

— Да? Значит, всё у них образуется, — заключает он. — В общем, не будем сплетничать, а будем держать кулачки за счастье Нат.

— А ты давно работаешь в школе? — меняю я тему.

— Да уже более двух лет, — чуть погодя отвечает Феликс. — Я ещё раньше по выходным преподавал курсы по рисованию для взрослых в одном образовательном центре, но весной уволился.

— А почему?

— В центре сменилось руководство, не сошлись во взглядах, — объясняет он. — Теперь

вот думаю: искать ещё одну работу в подобном месте или попробовать что-то другое. Может устроить свою выставку. Ах, мечты-мечты!

— Уверена, они станут реальностью, — подбадриваю его я, прекрасно понимая, как сложно выбиться и засветиться художнику. Людей, которые называют себя уникальными творцами, великое множество, а по-настоящему стоящие работы попадаются редко, поэтому только упорства, труда и таланта мало, нужна ещё и удача.

— Спасибо на добром слове, — отзывается он. — Алиса, как ты смотришь на то, чтобы вместе поужинать?

— Ой, Феликс, — не ожидала я от него предложения сходить на свидание. — У меня есть молодой человек.

— Тот Артём, который звонил тебе на телефон?

— Да, — подтверждаю я. — Это он.

— И вот так всегда, представляешь?! — наигранно восклицает он. — Знакомишься с потрясающей девушкой, а она уже занята. Где же мне найти ещё одну такую?

— Тебе не такая нужна, — улыбаюсь я и слегка ударяю его в плечо, — а та самая, которая твоя.

— А ты, оказывается, романтик!

— Если только чуть-чуть, — подмигиваю ему.

— Тогда, Алиса Андреевна, позвольте пригласить вас на исключительно дружеский ужин? — спрашивает он, и я начинаю всерьёз обдумывать его предложение.

Мне нравится Феликс, хоть и знаю я его всего ничего. Он веселый, легкий на подъём оптимист, да к тому же ещё и художник. Нам всегда найдётся, о чем поболтать. И всё-таки сблизиться с кем-то не входит в мои планы, иначе будет очень сложно прощаться, а мне и так уже достаточно Артёма, с которым я нарушаю все свои табу.

— Вынуждена ответить отказом, Феликс, — аккуратно отвечаю я. — Не уверена, что это будет красиво по отношению к моему молодому человеку.

— Тогда предлагаю как-нибудь собраться всем вместе, — находит решение парень. — Нат с Филиппом, ты с Артёмом и я. Обещаю, что придумаю для вас что-нибудь бомбическое! Как ты, наверное, заметила, тусоваться я люблю и хорошо умею это делать.

— Возможно, как-нибудь потом, — уклончиво отвечаю я, не желая развивать тему.

— Я понял, — тянет он, кидая на меня прищуренный взгляд. — Позову тяжелую артиллерию, заряджусь поддержкой Наташи и будем вместе тебя соблазнять!

— Попробуйте, — усмехаюсь я и замечаю, что мы уже дошли до моего дома. — Мне сюда.

— Так, а куда ты всё-таки уезжаешь? — напоследок спрашивает Феликс, о подробностях поездки я никому так и не обмолвилась.

— Едем с Артёмом в Сочи, — отвечаю я, не видя ничего опасного в правде для Миронова.

— О! — восклицает он. — Вы должны там отменно отдохнуть! Обязательно поднимитесь в горы, там такая красота летом... Сказка!

— Мы едем не совсем отдыхать, — объясняю я. — У Тёмы командировка, и я нужна ему там в качестве моральной поддержки. Но да, мы решили попробовать совместить хорошее с полезным.

— Похвально, — Феликс хлопает в ладоши, одобряя.

— Надеюсь, это достаточная причина, чтобы попросить отгул.

— Конечно, Алиса! Лето на то и лето, чтобы совмещать хорошее с полезным, — поддерживает меня парень.

— Хорошо сказано, — показываю Миронову кулачок с поднятым большим пальцем вверх — «класс».

— А то! В общем хорошего тебе вечера, Алиса, и отменной поездки, — салютует мне Феликс. — До встречи.

— Спасибо, — благодарю парня, затем прощаюсь и отправляюсь домой.

* * *

На открытии ресторана мне хочется выглядеть эффектно, выбрать что-нибудь необычное и интересное, не изменяя своим традициям, и выделиться.

Надеваю купленное на деньги Скворцова темно-красное платье из бархата, подчеркивающее талию и грудь, длиной чуть ниже колен, с вырезом на ноге. Верх платья ассиметричен: с одной стороны рукав реглан, с другой — открытое плечо. Добавляю в образ черные туфли на шпильке и черный клатч.

Но образ неполный.

Залезаю в свой тайник и нахожу единственную вещь от мамы, которую я смогла взять. Это широкое золотое кольцо-обруч. Примеряю его на себя и понимаю, что оно — то самое.

На выход в высший свет я надевала его только один раз, в тот самый последний раз, после которого я прежняя исчезла. Мама кольцо не носила ни разу, но показывала его мне. Она говорила, что это подарок, но от кого не призналась до самой смерти. Я знала только, что отец ей его не дарил.

Сейчас оно идеально дополняет мой образ. Можно было бы надеть ещё золотые серьги, но у меня их нет. Я их продала, когда потребовались деньги, а кольцо продать не смогла.

Укладываю волосы, макияжем слегка подчеркиваю глаза и крашу губы помадой в тон платья. Собой остаюсь невероятно довольна, и знаю, что буду блистать.

В этот раз за мной приезжает водитель Артёма — Михаил. Скворцов предупредил, что задерживается на работе и встретит меня на месте.

Мы едем по вечерней Москве, а я думаю о предстоящем вечере и волнуюсь, не зная почему. Даже руки, лежащие на коленях, дрожат. Я сжимаю их в кулаки, но это не помогает. Почему я переживаю? Притворяться с Артёмом мне уже не впервой, все непонятные вещи мы с ним обговорили в прошлый раз, и он вроде даже согласился не лезть в мою жизнь без разрешения.

Чтобы успокоить ещё и скачущее сердце, решаю проверить, все ли в порядке с макияжем, достаю маленькое зеркальце из клатча, но стоит мне бросить в него взгляд, как замираю. Сейчас я так похожа на маму.

Я хорошо помню её в домашнем образе, когда ей взбрело в голову приготовить что-то самой, в итоге муку можно было обнаружить и на её носе, и на моем, даже если я не участвовала в кулинарных творениях, или когда, проснувшись рано утром в пижаме, она спускалась к белому роялю и играла что-то своё, чем будила меня, но вместо того, чтобы жаловаться, я садилась рядом с ней и просила научить меня.

Но ещё я также помню её в платьях и нарядах невероятной красоты, когда она сопровождала отца на светских мероприятиях. В отличие от меня (двухлетней давности) мама почти не пользовалась косметикой, единственное, что она себе иногда позволяла — это красную помаду, которая безумно ей шла.

И сейчас в зеркале я видела её, а не себя.

Мои глаза наполняются влагой, и я перестаю что-либо видеть перед собой, мир расплывается, поэтому начинаю судорожно моргать, чтобы не испортить макияж и не предстать перед Артёмом с красными опухшими глазами.

— Вы в порядке? — раздаётся обеспокоенный голос водителя, и автомобиль начинает притормаживать. — Мне остановить машину?

— Нет-нет, — нахожу в сумке салфетку и аккуратно промокаю глаза, чтобы ничего не испортить. — Всё в порядке. Просто вспомнила кое-что грустное.

Делаю несколько глубоких вдохов и успокаиваюсь окончательно, но предчувствие никуда не девается, поэтому решаю на время о нём забыть. Если что-то пойдет не по плану, я всегда смогу сбежать, в крайнем случае сброшу шпильки и сделаю это босиком. Я не могу себе позволить попасться.

Алиса (23)

Выхожу из машины и замечаю Артёма у входа. Он разговаривает с кем-то по телефону и не смотрит в мою сторону, зато мне прекрасно видно его. Мужчина одет в темно-синий костюм тройку, белую рубашку и темно-красный галстук оттенка моего платья. Ещё одно совпадение?

Скворцов замечает меня, лишь когда я практически подхожу к нему вплотную. Он замолкает на полуслове и изумленно на меня смотрит. Его взгляд блуждает по моей фигуре, останавливаясь на груди и стройных ногах, а затем возвращается к лицу. Я остаюсь довольна произведенным эффектом и расплываюсь в уверенной улыбке.

— Я перезвоню, — говорит он в трубку, убирает телефон в карман и открывает рот, чтобы сказать что-то ещё, но не может больше вымолвить ни слова.

— Приму твою реакцию за комплимент, — кокетливо отзываюсь я и иду внутрь ресторана, уверенная, что Скворцов следует за мной.

— Приятного вечера, — желает швейцар, открывая передо мной двери.

Артём догоняет меня и кладёт руку на мою талию.

— Ты превзошла все мои ожидания, — тихо с хрипотцой в голосе говорит мужчина мне на ухо, по моей коже от его шепота бегут мурашки. Выпадаю из реальности от ощущения его близости, передвигаю ноги по инерции — Скворцов уверенно меня направляет.

Алиса, соберись, тебе нельзя расслабляться, особенно в таком месте.

— На то и был расчет, — теперь уже я шепчу мужчине на ухо, и чувствую, как он замедляет шаг, сжимает мою талию чуть сильнее и прижимает к себе. Кажется, не на одну меня действует наша близость. Поворачиваюсь к Артёму, мы встречаемся с ним взглядами, и я тону в омуте его глаз, от которых не могу оторваться, и меня опять пробирает до мурашек. Он ведь раньше на меня так не смотрел.

Повлиял мой внешний вид? Но я и в прошлый раз выглядела потрясающе. Только тогда был комбинезон спокойного зеленого оттенка, а сейчас хоть и не яркий, но все равно вызывающий темно-красный цвет.

— Артём! Как я рад тебя видеть! — восторженный мужской голос отвлекает нас от созерцания друг друга. Я тут же отшатываюсь от Скворцова, который продолжает держать меня за талию, но хватку слегка ослабляет и между нами появляется необходимое мне пространство, чтобы прийти в себя.

— Олег, — Артём протягивает подошедшему мужчине правую руку, и они обмениваются рукопожатиями, — хочу представить тебе мою девушку, Алису. Алиса, это Олег Лесков — владелец ресторана и мой будущий зять.

— Приятно познакомиться, — учтиво здороваюсь я и слегка киваю головой в знак знакомства.

— Взаимно, Алиса, — улыбается Олег и начинает озираться по сторонам. — Лена где-то здесь ходит, отошла поздороваться со своей подругой. Сейчас могу предложить вам шампанское, а чуть позже нас ожидает вкуснейший ужин от моего нового шеф-повара и живая музыка. Прощу меня извинить, пойду поздороваюсь ещё с парой человек.

Лесков покидает нас, я провожаю его взглядом. Очень солидный вежливый мужчина примерно возраста Скворцова, его глаза так и искрятся дружелюбием и добротой, что очень подкупает.

— Мне кажется, он хороший человек, — комментирую я.

— Да, — подтверждает Тёма. — С друзьями он настоящий добряк.

— А с врагами?

— А с врагами он не церемонится, — серьёзно отвечает Скворцов. — Я пробивал Олега по своим каналам, когда он только начал общаться с Леной. Мне посоветовали с ним не ссориться, он может идти на уступки и компромиссы, но только если они оправданы, если же нет или кто-то покушается на его территорию, то он будет отстаивать своё невзирая ни на что.

— Думаю, Лена под надёжной защитой, — произношу я, видя, как сестра Артёма подходит к жениху, а он собственнически её обнимает.

Мы проходим вглубь зала, я обращаю внимание на интерьер, и мне очень нравится то, что я вижу. Скучной классикой и не пахнет — таких ресторанов огромное количество в любом мегаполисе. Здесь же зал стилизован под лес, очень много зелени, периодически встречаются цветы, столы и стулья сделаны из темного дерева, а свет как будто исходит от светлячков-светильников.

— Это потрясающе, — замороженно произношу я.

— Ты ещё не была в других его ресторанах, — говорит Артём и берет с подноса, проходящего официанта, два бокала шампанского, один из которых протягивает мне.

— Спасибо, — принимаю напиток. — У каждого из них свои собственный стиль?

— Да, — подтверждает Скворцов и делает глоток из своего бокала. — Я сам был лишь в нескольких. Один выполнен в стиле ледяного города, очень самобытно, как будто оказываешься на Антарктиде. Там интересное барное меню и эффектная подача алкогольных напитков. Другой — в стиле подземелья. При этом это не просто пещеры со сталактитами, это ещё и красивейшее подземное озеро, роль которого выполняет пруд.

— Ты меня заинтриговал. Теперь я хочу побывать в каждом ресторане Олега.

— Я свожу тебя. Мне самому интересно посмотреть на остальные творения Лескова. Я спрашивал у него, откуда столько идей. Олег сказал, что у него очень сильная команда и крутой дизайнер, которая училась за границей, побывала чуть ли не во всех странах мира, и теперь работает на него.

— И с ней хочу встретиться, — начинаю тщательно всматриваться в лица гостей.

— Не получится, — к нам подходит Лена, чмокает брата в щеку, а мне слегка кивает. — Стефани редко посещает такие мероприятия и сегодня отсутствует.

— Жалко, — разочарованно бросаю я. — Лена, у твоего жениха удивительный ресторан.

— Спасибо, Алиса, я передам ему твою похвалу, — холодно-вежливо говорит она и осматривает меня с головы до ног. Я не остаюсь в долгу и одариваю её таким же

оценивающим взглядом. На девушке желтое платье в пол на бретельках с разрезом на ноге и серебристые шпильки, волосы убраны в замысловатую прическу, а на шее сверкает кольцо из бриллиантов. Эффектно, но в отличие от моего образа скорее целомудренно-невинно.

— Прекрасно выглядишь, — делает ей комплимент Артём и поднимает бокал в одобрении.

— Спасибо, братец, — на лице Лены появляется искренняя улыбка. — Ты тоже ничего.

— Спасибо и на этом, — усмехается он.

— Наслаждайтесь вечером, — желает нам девушка, кидая добрый взгляд на брата и ледяной на меня. Её враждебное отношение рождает во мне такое же, ничего не могу с собой поделаться, но продолжаю ей вежливо улыбаться — хорошо, что отец учил меня держать лицо, независимо от истинных отношений с людьми.

Лена делает шаг в сторону, но через секунду возвращается.

— Тём! Чуть не забыла! — восклицает воодушевленная девушка, обращаясь к брату. — Представляешь, Лобовский обещал заглянуть сегодня!

— Он вернулся в Россию? — удивляется Скворцов.

— Не знаю, — пожимает плечами Лена. — Но он ответил на приглашение, написал, что постарается прийти.

— Если он и правда в Москве, надеюсь, что заедет к нам в гости. Родители будут рады.

— Уверена, он наберет им на днях, — бросает девушка и уходит.

Пока они разговаривают, я роюсь в памяти в поисках озвученной фамилии, но мне на ум ничего не приходит. Я не знаю никого, кого бы так звали.

— А кто такой Лобовский? — задаю вопрос Артёму.

— Хороший друг семьи, — отвечает он и расплывается в теплой улыбке, предаваясь воспоминаниям. — Я вас ещё представлю. Вениамин живёт за границей, редко приезжает на родину. Но даже если он не появится сегодня, то мамин юбилей и свадьбу Лены точно не пропустит. Он крестный моей сестры.

Спросить что-либо ещё я не успеваю, так как гостей приглашают к столу. Мы располагаемся за одним столиком с Олегом и Леной. Помимо них с нами садятся знакомые Олега и подруга Скворцовой — Анна Морозова. Я чувствую её изучающе-презрительный взгляд, но меня смутить не так просто — посылаю ей такую же холодную вежливую улыбку, которой недавно улыбалась Лене, и она отворачивается.

Во время ужина Олег выступает с микрофоном. Он говорит пару слов о своей компании в целом, а затем презентует ресторан, рассказывает о его концепции и идеи, называет имена, участвовавших в его создании людей, в том числе звучит и имя той самой Стефани, которую упоминал Артём. Странно, что я никогда о ней ничего не слышала, хотя дизайнерами я особо и не интересовалась, поэтому, видимо, это всё-таки неудивительно, что её имя мне совершенно не знакомо.

Ужин получается изумительным. Шеф-повар постарался на славу. Я искренне хвалю его за столом и передаю все свои восторги Олегу и насчет еды, и насчет ресторана в целом. Впрочем, это делают все.

Когда приносят десерт, начинает играть живая музыка, создавая потрясающую атмосферу. Олег предлагает гостям потанцевать и сам приглашает Лену. Она с радостью соглашается, и они выходят на танцпол. Я наблюдаю за ними и невольно начинаю улыбаться уголками рта. Прекрасно вижу, как они подходят друг другу. Олег с Леной танцуют и не замечают никого вокруг. Каждое их движение пропитано лаской и любовью.

Моё настроение резко портится, но не из-за танцующей пары, а из-за нахлынувших воспоминаний. Мы с Юрой танцевали так множество раз, каждый раз к нам подходили и делали комплименты о том, как хорошо мы смотримся вместе, о том, как в танце прослеживается наша любовь друг другу. Но сейчас я задаю себе вопрос, был ли хоть один наш с Юрой танец похож на дуэт Олега и Лены?

Мне нужна минутка наедине с собой, чтобы прогнать ненужные воспоминания и прийти в себя, поэтому я встаю из-за стола и скрываюсь в уборной. Захожу в одну из кабинок, делаю свои дела, но не успеваю выйти. В дамскую комнату заходят Лена с подругой.

— Она очень красивая, — расстроено говорит Аня. — А какое потрясающее у неё платье! Я мерила похожее, но мне не подошло. Не на мою фигуру. И колье... Ты видела её колье?!

— Уверена, что всё, что на ней надето куплено на деньги моего братца, — цедит Лена.

— Да какая разница! Главное, что выглядит она шикарно. Со мной ни в какое сравнение не идёт.

Ой-ой... Кажется, Морозова влюблена в Артёма, а он её в упор не замечает. Скворцов не проявлял к ней никакого внимания во время ужина. Пару раз отвечал на её вопросы, но его тон был ровным, ни намёка на флирт. Правда, за столом молодой человек со мной тоже не заигрывал. Да, он периодически касался моей руки, обнимал за плечи и ухаживал, но общался в основном с мужской половиной стола.

— Нет, Ань, ты не права, — настаивает на своём Скворцова. — Что-то мне не даёт покоя. Не верю я в их историю любви. Что-то здесь не так. Откуда она вообще взялась? У этой Алисы ни образования толком нет, ни денег, ни семьи. Я ума не приложу, где они встретились.

— А брат тебе не рассказывал?

— Они оба рассказали нам с родителями, но...

— Ты всё равно не веришь?

— Звучит, конечно, складно, но слишком притянута за уши, на мой взгляд, — объясняет Лена, а затем они обе замолкают на какое-то время, слышен шум воды. Когда он стихает, разговор продолжается.

— Может ты просто ревнуешь? — робко интересуется Аня.

— Ревную? — голос Лены звучит оскорбленно. — Ты сейчас серьёзно?! Знаешь, что? Я Дэну звонила, он сказал, что Алиса ему тоже не нравится, но сердцу не прикажешь.

— Вот видишь! Значит, есть у них чувства.

— Не знаю, Ань, — бросает Скворцова, и они выходят из уборной.

Выжидаю ещё пару минут и выхожу из своего укрытия. С этими подозрениями Лены нужно что-то решать. Да и зачем вообще Денис полез? Да, я ему не нравлюсь, но он же прекрасно знает, что у нас с Артёмом сделка. Мог бы и подыграть.

Чёрт, что же делать? Как убедить девушку в обратном и избавиться от всех её подозрений?

Алиса (24)

Когда я возвращаюсь к столу, замечаю, что многие стулья пустые: Олег отсутствует, Лены с Аней тоже нет, как и нескольких друзей Лескова. Артём переговаривается с одним из знакомых Олега, когда я сажусь рядом с ним. Он отвлекается от разговора и поворачивается ко мне, спрашивая, как дела. Я наклоняюсь к мужчине и еле слышно шепчу

ему на ухо:

— Тём, у нас проблемы. Я случайно подслушала разговор твоей сестры с подругой. Лена совсем не верит в искренность наших с тобой чувств.

— Черт, — тихо ругается он.

— Ещё она звонила Дэну, и он... — продолжаю я. — В общем он сказал, что я ему не нравлюсь, это тоже возымело свой эффект. Нужно что-то делать, если ты хочешь убедить и её в подлинности наших отношений.

Артём какое-то время молчит и обдумывает сложившуюся ситуацию, я откидываюсь на спинку стула и делаю несколько глотков воды, а затем чувствую его ладонь на своей руке и поднимаю на него взгляд.

Скворцов озорно на меня смотрит, улыбается и подмигивает.

— Тогда пойдём и докажем, насколько наши с тобой отношения настоящие, — произносит Артём и тянет меня за руку, заставляя подняться.

— Что ты делаешь? — шиплю на него я, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— Веду на танцпол свою девушку, — и именно это он и делает.

Мы оказываемся в центре зала. Начинает играть медленная музыка. Кто-то покидает выделенную для танцев площадку, а кто-то также, как и мы с Артёмом, выходит для медленного танца.

Молодой человек кладёт руки мне на талию, резковато прижимает меня к себе и начинает слегка двигаться из стороны в сторону в такт музыки. По моему телу летит табун мурашек от такой близости к мужчине.

— Что ты... — шепчу я дрожащим голосом. — Нам не обязательно так близко...

Куда делось всё моё самообладание, которому меня учил отец?

— Обязательно, — безапелляционно говорит Скворцов, и я сдаюсь, кладу свои руки ему на плечи, а он, почувствовав моё покорение, прижимает меня чуточку ближе. У меня захватывает дух, и я крепче сжимаю свои руки, цепляясь за ткань его пиджака.

— Я так задохнусь, — бормочу я.

— Я не позволю, — наклоняется Артём и шепчет мне на ухо.

Пытаюсь успокоить отчаянно бьющееся сердце и донести до себя мысль, что так нужно и это необходимо. Со мной не происходило ничего подобного, моё тело никогда и ни на кого так не реагировало. Мне и страшно, хочется убежать от мужчины как можно дальше, и в то же время меня не покидает ощущение правильности происходящего, от чего хочется, наоборот, ещё ближе к нему прижаться и никогда не отпустить.

— Хей, — Артём замечает моё состояние, — расслабься. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Только пугает меня совсем не это, я ему верю, меня пугает реакция собственного тела. Но слова мужчины помогают. Постепенно дыхание успокаивается и сердце сбавляет свой ритм до приемлемого темпа. Я ослабляю хватку и начинаю двигаться в такт музыки вместе с ним, до этого меня двигал он сам как куклу.

Спустя какое-то время я, наконец, напоминаю себе, что это шоу в первую очередь для его недоверчивой сестры, поэтому смелею, плавно перемещаю руки на его шею, а свою голову кладу ему на плечо. Чувствую, как его руки начинают слегка поглаживать меня по спине, вызывая новый табун мурашек по всему телу.

Музыка подходит к концу, и я начинаю нехотя отстраняться от Артёма, но он не даёт мне сделать и шага. Поднимаю на него нахмуренный взгляд, и снова вижу ураган в его

глазах, только в разы темнее, чем ранее. Мужчина плавно ведёт своей рукой по моей спине, руке, шее и, наконец, касается щеки, а затем, не спрашивая разрешения, наклоняется и накрывает мои губы своими.

В первое мгновение я цепенею не в силах пошевелиться, но Артём углубляет поцелуй, и я не сопротивляюсь и отвечаю мужчине. Его губы такие горячие страстные и желанные, что я позволяю ему делать всё, что заблагорассудится, уже даже не оправдывая это необходимостью. Я тону в нашей близости, оставаясь на поверхности только благодаря удерживающим меня его рукам.

Он отрывается от меня, лишь когда воздуха становится катастрофически мало, и это спускает нас на землю и возвращает в реальность. Наши лбы соприкасаются. Мы продолжаем стоять, прижимаясь друг к другу, не в силах пошевелиться из-за дефицита кислорода, и тяжело дышим.

Немного придя в норму, я начинаю обращать внимание на окружающих и практически сразу замечаю Лену, потому что она изумленно смотрит прямо на нас.

— Кажется, — рвано шепчу я, — наше шоу удалось.

— Ты о чем? — также рвано спрашивает Артём, я чувствую вздымания его грудной клетки.

— Не буду просить тебя оборачиваться, но Лена удивленно смотрит на нас. Судя по всему, она поверила.

Какое-то время мы ещё стоит в такой позе. Музыка уже сменилась более энергичной песней, и люди вокруг продолжают танцевать.

— Как думаешь, — спрашиваю я, — мы уже можем ехать домой?

— Вполне, — уже нормальным голосом отвечает Артём, затем берет меня за руку и ведёт к нашему столику. — Я отлучусь на минутку, а затем наберу Мишу и можем ехать. Он должен ждать неподалеку.

— Хорошо, — беру со стола свой клатч. — Тогда я подожду тебя у выхода, а то здесь слишком душно.

Он кивает мне, давая понять, что услышал, и скрывается в стороне уборных.

Кратко прощаюсь с людьми за нашим столиком, Лены и Олега уже не вижу и решаю, что ничего страшного не произойдет, если не переброшусь с ними прощальными словами. Мне кажется, наш с Артёмом страстный поцелуй и так говорил сам за себя. И он мне понравился, очень понравился, так понравился, что я бы не раз его повторила. И кажется, он тоже.

Господи, что же мы натворили?!

Неожиданно я в кого-то врезаюсь и роняю свой клатч. Бормочу извинения и наклоняюсь за ним, а когда поднимаю голову, встречаюсь лицом к лицу с мужчиной. Ему лет пятьдесят, не меньше, седина в волосах выдаёт возраст. Он мне незнаком, но его синие глаза так пронзительно смотрят на меня, что мне становится немного не по себе от такого внимания.

— Фиона? — произносит мужчина, и меня пробирает дрожь, а глаза распахиваются в ужасе.

Нет, нет, нет... Мне точно послышалось. Этого просто не может быть.

Я рывком поднимаюсь на ноги, вырывая свой клатч из его рук. Оказывается, мы подняли его вместе, он держал его с одной стороны, я — с другой. У меня кружится голова из-за резкого подъёма и услышанного имени, перед глазами мелькают черные точки.

— Вы меня с кем-то перепутали, — еле произношу я.

— Перепутал? — переспрашивает мужчина, не отрывает от меня зачарованного взгляда и не отходит в сторону. Я пытаюсь сделать шаг, но он преграждает мне путь.

— Конечно, ты не можешь ей быть, но ты так на неё похожа, — тихо произносит он. — Ты, наверное, её дочь, дочь Фионы...

— Мою мать зовут Ирина, — резко перебиваю я незнакомого мужчину, не давая ему возможности произнести фамилию, называя первое имя, пришедшее на ум.

Он продолжает смотреть на меня, но начинает хмуриться.

— Вы обознались, — грубо бросаю я, обхожу мужчину и несусь к выходу, молясь чтобы он не пошел за мной. Пулей вылетаю из ресторана, самостоятельно открываю дверь, потому что швейцар делает это слишком медленно, отхожу в сторону и прижимаюсь к стене ресторана, абсолютно не заботясь о платье.

В ушах гул, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, меня всю трясет. В голове только одно — надо бежать. Меня узнали, остались считанные часы до того, как меня найдут. Надо обрывать все связи и делать ноги.

Отталкиваюсь от стены и хочу сделать шаг, как чувствую, что меня кто-то хватает за запястье. Поворачиваюсь и в ужасе смотрю на того самого мужчину.

— Прошу, не бойся меня, — умоляет он, читая меня как открытую книгу, и, подтверждая свои намерения, убирает руку с моего запястья, предоставляя возможность для побега. — Я не хотел тебя напугать. Я и правда обознался.

Голос мужчины звучит так искренне, что я застываю и продолжаю его слушать.

— Ты так сильно похожа на неё, — произносит мужчина и грустно улыбается, в его синих глазах я вижу такую печаль, что меня сама пробирает это чувство, и становится жаль этого человека. — Прошу прощение, если мои действия тебя напугали. В мои намерения это ни в коем случае не входило.

Меня всё ещё трясет, но бежать уже не хочется, во всяком случае не от этого мужчины. Он не похож ни на одну ищейку, которая встречалась на моём пути. Кажется, что он сам испугался за меня и теперь ему стыдно, что его действия стали причиной моего страха. Интуиция молчит, не сигнализирует о необходимости незамедлительного побега, и я продолжаю стоять на месте, доверяя чувствам.

— Ничего страшного, — выдавливаю из себя. — Со всеми бывает.

Возможно, он не причинит мне вреда, но нужно всё равно от него избавиться и молиться, чтобы мы больше не пересеклись.

— Все в порядке, — настойчивее говорю ему я, видя, что мужчина не реагирует. — Можете возвращаться в зал, а я уже собираюсь домой. Приятного вечера.

Мужчина ещё смотрит на меня некоторое время, потом кивает и всё-таки скрывается за дверьми ресторана. Я остаюсь у стены и пытаюсь понять, что, черт возьми, только что произошло, и что мне теперь со всем этим делать?

Кто такой этот таинственный незнакомец? Я никогда его не встречала, никогда не видела его у нас в доме или с моими родителями, ни вживую, ни на фотографиях, но он знает имя моей мамы, знает, как она выглядела, он явно был с ней знаком, но на похоронах его точно не было, я бы запомнила.

Хорошо, что он мне поверил и отвязался. Это же хороший знак, разве нет? Если бы всё было иначе, мужчина бы уже схватил меня и вёз к человеку, от которого я сбежала.

Дыхание понемногу приходит в норму, дрожь постепенно уходит.

Я всё ещё здесь, у ресторана Олега Лескова, всё ещё на свободе. Пока что мне ничего не угрожает.

Повторяю это как мантру и успокаиваюсь окончательно. Как ни странно, то предчувствие, которое преследовало меня с утра, исчезло, и я как будто бы сделала первый свободный вдох за день. Оно было связано с этим незнакомцем?

Мои размышления прерывает выходящий из ресторана Артём.

— Ты почему здесь, а не внутри? — кидается он ко мне с расспросами. — Я тебя обыскался! Думал, ты будешь ждать у входа внутри. Прохладно же уже на улице.

Молодой человек снимает с себя пиджак и накидывает мне на плечи. На улице правда прохладно? Я и не заметила. Температура воздуха волновала меня в последнюю очередь.

— Мне стало душно, — говорю первое, что пришло в голову. — И я вышла на улицу.

— Полегчало? — уточняет он, хмуро всматриваясь в моё лицо, кажется, он тоже сейчас видит меня насквозь.

— Немного, но я хотела бы поехать домой.

— Пойдём, Миша как раз подъехал, — уступает мне Артём, и мы садимся в машину.

Я всё никак не могу выкинуть из головы того незнакомца и корю себя за то, что не спросила его имя. Возможно, оно бы мне дало больше информации, я бы поняла, откуда он знает маму, и оценила бы необходимость собственного побега, имея больший объём информации.

— Алиса, — зовёт меня Скворцов, я к нему поворачиваюсь и замечаю, что он поднял перегородку, разделяющую нас с водителем, теперь Михаил нас не слышит и не видит, — по поводу нашего с тобой танца...

На меня как будто выливают ведро горячей воды. Незнакомцу удалось вытеснить все мысли об Артёме и нашем с ним поцелуе.

Молодой человек внимательно на меня смотрит и следит за моей реакцией на его слова.

— Сработало? — задаю самый нейтральный вопрос из возможных.

— На все сто процентов, — кивает он. — Лена меня поймала перед уходом, сказала, что мы неплохо смотримся вместе.

— Конечно, — натянуто ухмыляюсь я, — моё платье и твой галстук одного оттенка.

— И не только это, Алиса, — серьёзно произносит он, а я понимаю, что заходить дальше не следует, что те правила, которые я озвучила в самом начале необходимо продолжать соблюдать. Как минимум, ситуация с незнакомцем мне об этом очень хорошо напомнила. Как начать строить хоть что-то, когда я могу сбежать и исчезнуть в любую минуту, а не сбежав, могу подвергнуть опасности всех вокруг? А то, что мне начинает нравиться Артём, и то, что целуется он потрясающе, сейчас не имеет никакого значения.

— Я рада, что твоя уловка сработала, — стараюсь говорить деловым тоном, а истинные чувства прячу как можно глубже. — Только надеюсь, что впредь ты будешь предупреждать, прежде чем целовать меня.

— И это всё, что ты скажешь?

— А что ещё я могу сказать? — делаю небольшую паузу, отвожу от него взгляд и продолжаю. — Да, я прекрасно провела сегодня время и получила удовольствие от вечера. Ты довольно неплохо целуешься.

— Неплохо целуюсь? — хмыкнув, переспрашивает он. — Ты сейчас серьёзно?

— Артём, у нас с тобой как были исключительно деловые отношения, — последние два слова фразы я особенно выделяю. — Так они и остались. Поцелуй ничего не изменил. Или я

что-то не так поняла?

Возвращаю взгляд к его глазам и вижу в них лютый холод, от которого мне становится самой не по себе.

— Ты все правильно поняла, — холодно говорит он, надевая на себя маску безразличия. — Исключительно деловые отношения.

Не знаю, что именно двигает меня в тот момент, но я решаю идти до конца. Снимаю с себя его пиджак и отдаю.

— А это лишнее, мы уже не на публике и о своей фиктивной девушке проявлять заботу необязательно.

— Понял тебя, коллега, — он бросает пиджак себе на колени. — Не забудь, что в понедельник утром у нас с тобой вылет в Сочи. Хоть мы и летим на частном самолете, и никакие контроли проходить не потребуется, но я прошу тебя не опаздывать.

— Будет сделано, босс, — покорно отвечаю и отворачиваюсь к окну, а у самой так погано на душе. Тёма ведь совсем не заслуживает такого отношения с моей стороны, но так будет лучше для его же собственной безопасности. Возможно, когда-нибудь он поймет, возможно, даже я сама ему обо всём расскажу, но это произойдёт только тогда, когда я буду уверена, что моя ставка перебьёт ставку моего преследователя, а пока что такое даже не маячит на горизонте.

Часть 3. Игра без правил. Алиса (25)

Воскресенье я посвящаю сборам. Примерно понимая, что из-за себя будет представлять поездка в Сочи, без зазрений совести отправляюсь в торговый центр и опустошаю данную мне карточку Скворцова на кругленькую сумму денег: покупаю два легких летних платья, брючный костюм на случай деловой встречи с Казанцевым, ещё одно вечернее платье и купальник. Выбираю лучшее — дорогие хорошие бренды. Артём так и не звонит, поэтому решаю, что все траты в рамках разумного.

Укладываю вещи в новенький чемодан, из своих художественных принадлежностей беру только компактный альбом и карандаши — на случай, если меня внезапно посетит вдохновение. Недолго размышляя, беру с собой и часть предметов из тайника, а часть оставляю. Для них делаю потайное место и в новом чемодане. Так мне будет спокойней.

В понедельник утром за мной заезжает Михаил и провожает вплоть до взлетной полосы. Да, иметь частный самолет очень удобно. Это был мой далеко не первый опыт. Раньше я иногда летала на таких. Но последние два с половиной года ни разу не ступала на борт даже коммерческого самолета, и, честно говоря, соскучилась по полётам. Наблюдать за процессом взлёта, вылавливать облака необычной формы, любоваться ночным городом сверху — именно то, за что я так люблю летать.

Артёма нахожу внутри салона самолета, работающего за ноутбуком и параллельно разговаривающего по телефону. Бортпроводница проводит меня вглубь и предлагает выбрать любое место.

Скворцов слегка кивает мне, здороваясь, указывает на место перед собой и продолжает разговаривать по телефону. Я сажусь напротив него, пристегиваюсь и слежу в иллюминатор за тем, как самолёт готовят к взлету.

Сейчас внешне выгляжу спокойно, но мне потребовалось время, чтобы его достичь. Когда я вернулась домой после субботнего вечера, на меня накатила паника, и я начала ещё раз тщательно обдумывать всё, что произошло в ресторане Лескова, взвешивала все «за» и «против», думала о том, стоит ли бежать здесь и сейчас.

Всю ночь я ждала, что за мной придут, но никто так и не явился, тогда я позволила себе расслабиться и решила, что поездка с Артёмом в Сочи как никогда кстати. Даже если за мной и придут, я буду на пути в другой город на частном самолете, информацию о пассажирах которого найти не так просто.

Артём прощается с кем-то по телефону, отключается, и я встречаюсь с прохладой его глаз. Ауч. Хотя, собственно, чего я ожидала? Сама же сказала, что между нами сугубо деловые отношения, теперь встречаюсь с прямыми последствиями своих слов.

— Готова? — спрашивает вежливо-равнодушно, а я внутренне съёживаюсь от его интонации и взгляда. Кажется, полёт предстоит не из самых приятных.

Киваю Артёму и отворачиваюсь к иллюминатору, надеясь как можно меньше с ним пересекаться, но это пустые надежды. Сначала нам лететь около двух часов, а потом целую неделю проводить вместе и стараться изо всех сил изображать влюбленную парочку.

— Сегодня вечером мы идём в гости к Казанцевым, — сообщает Скворцов, когда мы набираем нужную высоту, и табло «пристегните ремни» гаснет. — По прилету я еду к нему в офис обговаривать все детали, тебя водитель отвезёт в коттедж, где мы будем жить.

— Я думала, мы остановимся в отеле, — хмурюсь я.

— Нет, — качает головой Артём. — У меня есть дом в горах. Мы семьей всегда там останавливаемся, когда летаем в Сочи.

— Там, наверное, потрясающий вид, — улыбаюсь я, представляю красоту гор.

— Это точно, — произносит он, и я впервые за сегодня слышу в его голосе теплые нотки.

Бортпроводница предлагает нам напитки и еду. Я сегодня ещё ничего не ела, и теперь у меня глаза разбегаются от предоставленного выбора. Решаю ни в чем себе не отказывать и заказываю кофе, салат, сэндвич и десерт. Полноценный плотный завтрак — самое то. Скорее всего всё не съем, но попробую точно.

Артём просит только кофе, но я его перебиваю и прошу принести ещё и омлет. Девушка исчезает исполнять заказ. Молодой человек бросает в меня недовольный взгляд.

— Кофе — это не еда, — по-умному говорю я. — Ты носился надо мной как нянька, следил, чтобы я нормально питалась, когда мне следовало соблюдать постельный режим, а сам завтракаешь непонятно чем.

Артём ничего не отвечает, но, когда нам приносят завтрак, принимается за еду вместе со мной, и от его омлета ничего не остается. Я же радуюсь своей маленькой ничего не значащей победе, как ребенок.

— Ты мне немного рассказывал о Казанцеве, — начинаю я, тоже закончив с завтраком. — Но, честно говоря, я не очень понимаю, почему всё так сложно с получением разрешения на строительство. Почему вообще ему так важна семейность?

Я успела, и сама поискать информацию о Казанцеве после того, как Артём объявил мне о поездке в Сочи. Посмотрела его фотографии, успокоилась, увидев, что мне он незнаком, в прошлом мы с ним не пересекались. Интернет также сообщал, что Казанцев владеет компанией, напрямую строительством не занимающейся, но оказывающей какие-то сопроводительные услуги, какие именно я толком не поняла.

— Просто Марк Юрьевич такой человек, — отвечает Скворцов, морщась. Видно, что он не хочет говорить на эту тему.

— Какой? — не отстаю я. — Раз уж ты втянул меня в эту авантюру, то я должна иметь представление о Казанцеве, которого мы летим убеждать в реальности наших отношений.

Артём какое-то время молчит. Бортпроводница успевает забрать грязную посуду и опять оставить нас наедине.

— У него есть на то личные причины, — наконец, произносит Скворцов.

— Федерального масштаба? — недоверчиво уточняю я. — Я не очень понимаю, то есть чтобы построить что-то для детей требуется разрешение этого человека?

— Всё примерно так, как ты и сказала, — подтверждает он, поражая меня.

— Но почему? — раньше я никогда такими вещами не интересовалась, но мне как-то представлялось, что всё проще.

— Я тебе расскажу, но всё сказанное мною сейчас останется строго между нами, — решает Скворцов. — Марк Юрьевич не любит об этом говорить.

— Хорошо, без проблем, — быстро соглашаюсь я.

— Казанцев сейчас примерно ровесник моего отца, может чуть младше, — начинает рассказ Артём. — Лет двадцать назад он отправил свою дочь в детский лагерь. Погода тогда сильно разбушевалась, поднялся страшный ураган. Никто не ожидал подобного. Здание лагеря обрушилось. Не выжил никто.

— О господи, — перед глазами возникает ужасающая картина трагедии, и я кое-что вспоминаю. — Ты говоришь о «Зелёном воробье»?

— О нём, — Артём бросает на меня немного удивленный взгляд. — Не думал, что ты слышала о случившемся.

— Я слышала, — когда проходила практику и учила детей рисовать, один из педагогов рассказал об этой трагедии, у него там погиб кто-то из дальних знакомых.

— У Казанцева уже тогда было много связей с правительством, — продолжает Скворцов. — У него тоже была строительная компания, но специализировалась она исключительно на госзаказах. Марк Юрьевич поднял всех своих знакомых и провел собственное расследование случившегося. Оказалось, что сама постройка была выполнена с огромным количеством ошибок и недочетов. Чудом было уже то, что она так долго простояла.

— Он поднял огромный скандал среди высших чинов, на многих у него были компроматы. Как ты понимаешь, человек потерявший собственного ребенка не остановится ни перед чем. Голов полетело огромное количество, десятки сели в тюрьму по его наводке. Тогда ещё как раз бандитское время было. А потом он, чтобы избежать подобных трагедий, решил просто взять ответственность за детские лагерные постройки на себя. После того, какую расправу Казанцев устроил правительству, чиновники не имели ничего против, и предоставили ему право выдавать разрешения на строительство.

— Сейчас его большая компания федерального уровня — что-то вроде госкорпорации — занимается сопровождением строительства детских комплексов, а также проверкой уже построенных зданий. Когда Казанцев даёт компании «зелёный свет», то перед ней открываются все двери, в том числе и международные.

— Значит, ты хочешь выйти на международный уровень и увеличить прибыль? — уточняю я.

— Пока что я хочу повысить уровень своей компании внутри страны, потому что за последний год появилось много конкурентов, — приоткрывает завесу своих планов Артём. — И, возможно, через пару лет задумаюсь о мировом уровне.

На мой взгляд, это всё равно большие и амбициозные планы. Несмотря на будущую авантюру и возможный проигрыш Скворцова, я всё равно уверена, что он добьётся своего, не

таким, так иным способом. По тому сколько он работает, как он работает, видно, что он гордится своим делом и любит его.

— Уверена, что у тебя всё получится, — озвучиваю свои мысли вслух и ловлю немного потеплевший взгляд Артёма. — А у Казанцева ещё есть дети?

— Да, три сына. Одному сейчас лет 16, другой на пару лет старше тебя, а старший — примерно мой ровесник. У старшего есть жена и двое детей, если они ещё третьего не родили.

— Ого, какая большая семья, — удивляюсь я и даже немного завидую.

— Честно говоря, — задумчиво добавляет Артём. — Даже не знаю, что будет вечером, увидимся ли мы со всеми или только с Марком Юрьевичем и его женой. Постараюсь узнать у него при встрече.

— Ощущение будто мы едем знакомиться с ещё одними родителями и их семьей, только непонятно с чьей стороны, потому что понравится должны оба.

— Ты преувеличиваешь, — усмехается Артём.

— Нет, ну правда, — стою на своём я. — Если мы придём к ним вечером и там будет вся семья... Неужели, он каждого человека, который хочет получить разрешение на строительство, так проверяет? Их же наверняка очень много.

— На самом деле, не каждого, — Скворцов слегка морщится. — Я немного особый случай.

— И почему же? — изумляюсь я.

Скворцов молчит, но я не отвожу от него взгляда, ожидая ответа.

— Мой дед с отцом Марка Юрьевича где-то вместе пересекались и что-то не поделили лет сто назад, — наконец, говорит он. — И у Казанцева ко мне изначально предвзятое отношение. Мы, конечно, виделись пару раз и вполне себе мирно общались, но что-то его всегда останавливает при обсуждении со мной деловых отношений. А с Салтыковым из ресторана мы нормально общаемся. Он хороший друг Казанцева. Но и это не позволило мне добиться разрешения от Казанцева. Да я, видимо, и сам своим холостяцким образом жизни подливаю масла в огонь.

— Как же всё сложно, — ворчливо произношу я.

— Уж, как есть, — пожимает он плечами.

Загорается табло «пристегните ремни», и самолет начинает снижение, а я всё думаю о Казанцеве. Судя по рассказу Артёма, он человек с моральными принципами. Если всё, что я о нём сейчас услышала правда, то он птица очень высокого полёта со всеми своими связями, намного выше Скворцова, а именно такой человек мне и нужен.

Может быть, Казанцев сможет мне помочь? Хорошо бы понять, что у него за связи с государственным структурами, сыграет ли мне это на руку или выстрелит против.

Алиса (26)

Раньше я очень любила Сочи. Мы частенько с родителями прилетали сюда. Отец занимался чем-то связанным с работой, а мы с мамой искали себе всяческие развлечения и от души отдыхали.

Я не могу сказать, что сейчас мои теплые чувства в отношении Сочи исчезли, но они претерпели значительные изменения. Мама умерла здесь, поэтому теперь этот город навеивает одновременно и светлые воспоминания из детства, и мысли о её чудовищной смерти.

Как же давно я не была на её могиле. Она похоронена в Санкт-Петербурге. Отец настоял

на транспортировке тела в северную столицу, её родной город. Если всё закончится... или даже когда всё закончится, я обязательно её навещу и принесу букет белых роз, которые папа никогда ей не дарил, но некий незнакомец принёс на её могилу два года назад, и мне тогда показалось, что те цветы подходят ей как никогда.

Смаргиваю слезы — сейчас не время плакать; выхожу из такси навстречу дому Скворцова.

Коттедж оказывается потрясающим: два этажа, две ваннные комнаты, кухня, гостиная, несколько спален, большая веранда с изумительным видом на горы и бассейн с подогревом. Я определенно должна в нём искупаться.

Артём сказал, что его спальня первая на втором этаже, поэтому я выбираю самую дальнюю комнату от неё. Надеюсь, стены помогут скрыть от мужчины мои кошмары, иначе возникнут новые вопросы, на которые я не смогу ответить.

Оставшееся время до ужина у Казанцевых посвящаю тому, что осматриваю владения Тёмы, наслаждаюсь видом из окна, немного рисую, заказываю еду, обедаю и привожу себя в порядок. Между тем пробиваю детей Казанцева, просматриваю их фотографии. Братья очень даже симпатичны, и мне, слаба богу, незнакомы. Супер! Можно не переживать, разве что попробовать выглядеть менее похоже на маму, на всякий случай, но боюсь с этим будет тяжело.

Ладно, будь, что будет. Если Марк Юрьевич такой человек, как о нём рассказывал Артём, значит, у меня есть шанс, что совсем скоро всё закончится.

Скворцов приезжает в пять, сообщает, что нужно быть готовыми через час, и скрывается у себя.

В этот раз я выбираю легкий летний сарафан желтого цвета и бежевые босоножки без каблука. Подкрашиваю ресницы, наношу пастельного оттенка помаду и скрываю круги под глазами (мои вечные спутники) консилером. Всё максимально просто и неброско, но симпатично.

— Как прошла встреча с Казанцевым днём? — интересуюсь, когда Артём спускается в гостиную. В этот раз он тоже одет просто: бежевые брюки и голубая футболка поло.

— Мы обговорили все самые важные моменты, — задумчиво произносит Скворцов. — Осталось пару деталей, и всё готово.

— Это же хорошо, разве нет? — спрашиваю, видя замешательство Тёмы.

— Да, но это странно. Очень долгое время он был против, а теперь вдруг так легко соглашается. Мне кажется, что я что-то упускаю. Или в последний момент он опять мне откажет — такого варианта развития событий я тоже не исключаю.

— Не переживай, — дарю ему свою теплую улыбку, — я постараюсь его убедить, что ты и твоя компания для него самый лучший вариант.

Ловлю на себе странный взгляд Скворцова и решаю быстро сменить тему.

— Такси уже подъехало?

Уловка работает. К тому же, хоть Тёма и ведет себя со мной немного отстраненно, но мне, кажется, удалось вернуть себе немного его дружеского расположения, или же это просто тренировка перед ужином.

Во дворе стоит белый кабриолет с закрытым верхом.

— Не люблю такси, — бросает Артём, как бы между прочим, — если обстоятельства позволяют, всегда беру что-то в аренду.

Мы садимся внутрь, и я как замороженная рассматриваю автомобиль — обалденная

машина. Нахожу кнопку, которая открывает вверх и нажимаю, впускаю теплый вечерний воздух в духоту.

— Не боишься испортить прическу? — спрашивает Артём, выезжая на дорогу.

— Гони быстрее, — командуя я.

Молодой человек выполняет мое приказное пожелание. Я поднимаю руки вверх, чтобы почувствовать ветер и запах свободы, хоть и ненастоящей для меня, но я ни за что не променяю это ощущение на что-то другое.

Пейзаж постоянно меняется. То горы с их потрясающими зелеными склонами и вершинами, выходящими в облака, то как будто бы бескрайнее синее-синее море, манящее своей гладью. Когда я в последний раз видела такую красоту?

Через сорок минут мы оказываемся на месте, Артём тормозит у большого особняка, по размеру больше похожего на дом Скворцовых в Москве. Я поворачиваюсь к молодому человеку и замечаю, что он волнуется.

— Тём? — зову его и касаюсь его руки. — Всё в порядке?

— Да, конечно, — тут же отзывается Скворцов совершенно нормально, теперь мне кажется, что его волнения и не было совсем, так быстро мужчина скрыл его. — Просто, мне кажется, что что-то здесь не так.

— Что тебя напрягает? — аккуратно спрашиваю.

— Как-то слишком просто по итогу всё получается.

— Просто ли? Ты правда так думаешь? Во-первых, ты нашел себе девушку, во-вторых, я так понимаю, тот Салтыков провёл потрясающую рекламу тебя перед Казанцевым, а в-третьих, ты приехал из Москвы в Сочи с готовым проектом и представил ему. Это колоссальная работа. Ему только что и осталось, так это подписать разрешение на строительство. Не принижай свои старания.

— Будем надеяться, что ты права, — задумчиво тянет Артём.

— Тогда пойдём и проверим это? — подталкиваю его я.

Нас встречают Казанцев собственной персоной с женой, Людмилой Петровной. Он кажется мне весьма приветливым мужчиной ближе к шестидесяти лет, седина и морщины выдают его возраст, но выглядит он очень хорошо и, кажется, что проживёт ещё не один десяток лет. Жена немного моложе него, но вместе они смотрятся шикарно. Она такая же открытая и дружелюбная.

Дома оказываются также жена старшего сына — беременная Ольга с детьми, мальчиком Женей и девочкой Кирой — погодки, им по шесть и пять лет, а все сыновья Казанцева отсутствуют. Марк Юрьевич говорит, что старшие, Богдан и Макар, должны скоро подъехать, а у младшего сейчас неделя выпускных экзаменов в школе, поэтому он не появится.

В начале ужина чувствуется некоторое напряжение, висящее в воздухе, но впоследствии оно практически сглаживается. Людмила Петровна с Олей пытается максимально его разрядить. Мы обсуждаем общие вещи, затем нас с Артёмом расспрашивают о наших отношениях, как познакомились и прочие вещи. Выдаём то же самое, что озвучивали его родителям.

Задаю вопросы о доме, о Сочи, об Оле и Богдане, также помогая женщинам разрядить обстановку. Мне кажется, у нас прекрасно получается. Только вот Артём все равно напряжен, и как я не пытаюсь его расслабить, ни словами, ни жестами, ничего не получается. Надеюсь только, что это не выглядит как холодность в мою сторону, мы же как

никак должны предстать влюбленной парочкой.

Я всё больше и больше проникаюсь симпатией к Казанцеву. Он рассказывает различные истории из своей жизни, и все они подтверждают то, что Марк Юрьевич — очень принципиальный человек с моральными принципами. Конечно, случившееся двадцатилетней давности мы не обсуждаем, но по поведению мужчины, видно, что он именно такой, как его описал мне Артём. Возможно, с помощью Казанцева у меня будет шанс выбраться из ямы, в которой я нахожусь. Надо только побольше о нём узнать.

Через час к нам присоединяются Богдан и Макар. Богдан рассказывает о своей компании, он также занимается строительством, но отдельно от отца. Макар работает юристом и тоже немного рассказывает о своей работе и достижениях. В ответ я делюсь о том, чем сама занимаюсь.

Всё идёт хорошо, пока я не начинаю ловить на себе заинтересованные взгляды Макара. Сначала я списываю их на то, что я новый человек, и ему искренне любопытно, затем решаю, что я ему понравилась и, если бы не Скворцов, Макар бы более открыто выразил свой интерес и пригласил бы меня куда-нибудь, но, когда это уже переходит все границы и превращается в моветон, я поворачиваюсь к нему чуть ли не всем корпусом и возмущенно смотрю ему в глаза.

Взгляд Макара тут же превращается в извиняющийся.

— Алиса, — примирительным тоном говорит он, привлекая к себе всеобщее внимание, все замолкают, — прощу прощение за столь настойчивый взгляд. Просто, мне кажется, что я тебя где-то уже видел. Мы с тобой нигде раньше не встречались?

Я застываю.

Я должна была подумать об этом сразу же, как только заметила его настойчивые взгляды, но слишком сильно расслабилась, и мысль о том, что он может меня знать, не пришла мне на ум!

Чувствую на себе удивленный взгляд Артёма, но не рискую к нему повернуться, боясь выдать ему своё волнение и панику.

— Не думаю, — честно отвечаю я. — Тебя, Макар, я вижу впервые. Возможно, ты меня с кем-то перепутал?

— Ты, говорила, что ты художник, — продолжает мужчина. — О тебе случайно нигде статью не публиковали с твоей фотографией?

Меня пробирает дрожь. Статью обо мне, как о художнике, естественно, не публиковали, но вот мои аккаунты в социальных сетях имели место быть, а там раньше фотографий было навалом, пока я всё не удалила. Неужели, он там мог меня увидеть? У нас есть общие знакомые? Господи, наверняка, есть... Почему я об этом не подумала? Потому что посчитала, что сейчас я выгляжу совсем иначе и меня не узнать... Что же делать?

— Не публиковали, — вежливо отвечаю Макару и пытаюсь расслабленно улыбаться. — Но мне часто говорят, что я похожа на какую-то актрису. Прости, имя сейчас не вспомню.

Разговор уходит в другое русло, и я выдыхаю.

Но, как оказывается, сделала я это слишком рано, потому что дальше всё становится намного хуже...

— Кстати, пап, — подаёт голос Богдан, — мне на днях звонил Звягинцев.

Меня как будто током прошибает, но я держу себя в руках и изо всех сил стараюсь внешне не подавать вида, что меня как-то касается эта фамилия.

Богдан же не может говорить о том самом Звягинцеве, правда? Только не здесь, не

сейчас, не Казанцевы, только не тогда, когда я уже начала думать о том, чтобы обратиться к ним за помощью.

Пусть он будет просто однофамильцем...

— Пригласил нас всех на свадьбу к племяннице, — продолжает Богдан.

В следующую секунду я слышу звук разбивающегося стекла: Макар роняет бокал с вином прямо на пол, но сам не обращает на этого никакого внимания. Его потерянный взгляд направлен прямо перед собой. Ещё через мгновение мужчина приходит в себя, извиняется за разбитую посуду и зовёт помощницу, которая тут же всё прибирает и скрывается в доме.

— Алёна выходит замуж? — переспрашивает Макар, возобновляя разговор.

— Да! — как ни в чём не бывало говорит Богдан. — Борис Сергеевич пригласил нас всех на торжество. Оно состоится в середине октября.

Тогда пусть он будет просто полным тёзкой...

— Ещё бы он нас не пригласил! — хмыкает Марк Юрьевич. — Свадьба племянницы сенатора должна пройти по высшему разряду, собрав максимальное количество гостей.

Это он.

Это точно он.

Ошибки быть не может.

Меня начинает трясти.

Звягинцев Борис Сергеевич — сенатор Совета Федерации и по совместительству дядя моего бывшего парня. А раз он знаком с Казанцевым, значит, Марку Юрьевичу ничего не стоит сообщить обо мне, если только ситуация не ещё хуже, и они не работают вместе...

Но он меня не узнал!

Мне повезло, что мы с Казанцевым ни разу не виделись раньше и он верит, что я Алиса Шведова, иначе он бы меня уже сдал.

А Макар? Мог ли меня узнать Макар теперь? Он точно видел меня на фотографиях, но пока не вспомнил на каких именно, надеюсь и не вспомнит. Судя по тому, как Макар отреагировал на слова о свадьбе Алёны, скорее всего он с ней знаком, а, значит, мог видеть меня на фото с ней или с Юрой. Мне остается лишь надеяться, что Макар не решит проверить их, досидеть до конца ужина, и молиться, чтобы мы больше не встретились.

— Это же чудесная новость! — восклицает Людмила Петровна. — Передал наши поздравления?

— Конечно, — отзывается Богдан.

— А племянник Звягинцева что? — спрашивает Марк Юрьевич. — Он же вроде собирался жениться.

— Юра? — вспоминает старший сын. — Кажется, года два назад или около того собирался, но что-то не срослось.

Всё верно, Богдан, не срослось. Только боюсь, «не срослось» — слишком мягко сказано.

Алиса (27)

— А ты, Макар, когда порадуешь нас с отцом новостью о своей свадьбе? — меняет тему Людмила Петровна. — Мы хотим ещё внуков, так, дорогой?

Как только разговор о Звягинцевых заканчивается, я прошу прощение и скрываюсь в дамской комнате. Мне нужно успокоиться.

В зеркале сталкиваюсь с девушкой, которая появилась чуть больше двух лет назад с глазами, наполненными первобытным страхом за собственную жизнь и глубоким

отчаянием.

Дыши, Алиса, дыши.

Ты не была узнана.

Играй свою роль до конца.

Ты — Алиса Шведова. Ты — не та, о которой думает Макар, ты совсем другая, вы просто немного похожи. Если он будет настаивать, будешь стоять на своём и не дашь ему ни шанса убедиться в обратном. И вообще, Макар уже тебе поверил, прямо сейчас тебе не о чем переживать.

То, что Казанцевы знакомы со Звягинцевыми, — это ещё ничего не значит.

Постепенно паника отступает, но безысходность накрывает с новой силой.

Нельзя было ни на что надеяться. Только на саму себя. Больше я не повторю эту ошибку. Доиграю с Артёмом в его игры и скроюсь в новом городе, а весь этот спектакль буду считать лишь неудачной попыткой спрятаться по-другому.

Выхожу из комнаты и сталкиваюсь с Марком Юрьевичем.

— У тебя всё в порядке? — спрашивает он, а я быстро прогоняю весь страх и ужас из глаз, надевая маску обычной девушки на ужине у коллег её парня, и вежливо улыбаюсь.

— Да, конечно, просто душновато стало, — отвечаю, объясняя свою первую реакцию на Казанцева.

— Пойдем на веранду, там станет лучше, — не дожидаясь моего ответа, мужчина разворачивается и уходит, и я следую за ним, не успевая возразить, решая, что под именем Алисы Шведовой мне ничего не грозит.

Мы оказываемся на небольшом балкончике. Меня обдувает прохладным ветерком, и, правда, становится легче. Отсюда тоже открывается очень красивый вид на горы, как и из дома Скворцова, но уже темно, и не всё удастся рассмотреть.

— Спасибо, — тихо благодарю я. — Мне и правда это было нужно.

— Как тебе у нас? — спрашивает Марк Юрьевич нейтрально, а пока я отвечаю общими фразами, достаёт сигарету и закуривает.

— Всё очень вкусно, и семья у вас большая и дружная, — вежливо произношу я. — Вид отсюда красивый открывается.

— Да, это ты ещё его днём не видела, — говорит Казанцев и замолкает.

Я чувствую себя не очень уютно, абсолютно не понимая, что я здесь с ним делаю, поэтому хочу вернуться в дом.

— Марк Юрьевич, спасибо за свежий воздух, но я, наверное, пойду к Тёме.

— Алиса, — он выбрасывает недокуренную сигарету, резко поворачивается ко мне всем корпусом и внимательно смотрит мне в глаза, — я же могу рассчитывать на твою честность?

Я неуверенно киваю, не понимая, что ему от меня нужно. Если бы он догадался, кто я на самом деле обратился бы ко мне моим настоящим именем, ведь так? Поэтому ему что-то нужно от меня, как от девушки Скворцова.

— У вас ведь с Артёмом какая-то договорённость, не так ли?

— О чём вы? — хмурюсь я.

— У вас ведь нет никаких отношений, не так ли? — произносит Казанцев, а моё сердце пропускает удар. — Вы явно притворяетесь. Ты его подруга и согласилась на эту авантюру. Или он тебе что-то пообещал. Денег? Власти? Услугу?

Вместо того, чтобы опять начать паниковать, я внутренне окончательно расслабляюсь, потому что последствия нашего с Артёмом разоблачения не идут ни в какое сравнение с

последствиями того, что будет, если Казанцевы сообщат Звягинцевым моё настоящее имя.

— Да как вы смеете! — возмущенно восклицаю я, разозлившись, и я знаю, что играю прекрасно, потому что моя злость настоящая, только направлена она не на Казанцева, а на безысходность собственной сложившейся ситуации. — Я люблю Артёма, ясно вам?

Вижу, как Казанцев оторопел от всплеска моих эмоций. Он явно рассчитывал на совсем другую реакцию.

— Алиса, — не сдаётся он, — давай на чистоту. Артём раньше встречался с дочерью депутата, а насколько я понимаю, ты намного ниже его по статусу, судя по тому, что я услышал за столом. Я никогда в жизни не поверю, что Скворцов выбрал безродную дворняжку. Прошу прощения за прямоту.

Я теряю дар речи от прозвучавших слов и уверенного тона, которым они сказаны. Казанцев и правда верит в то, что говорит.

— Оскорбления в мою сторону я ещё могу стерпеть, — отвечаю я, когда голос ко мне возвращается. — Мне всё равно, что вы там обо мне думаете, но вот говорить такое об Артёме вы не имеете права. Я знаю, что он любит меня и ему всё равно на мой социальный статус и размер счета в банке.

— Ага, конечно, — иронично бросает Марк Юрьевич, а я поражаюсь, как я не могла заметить раньше его отношения к Артёму. Казанцев — прекрасный актёр.

— Дайте пройти, я не хочу больше здесь оставаться, — произношу твёрдым высокомерным тоном, давая мужчине понять, что моё мнение о нём оставляет желать лучшего.

— Неужели, — задумчиво говорит Марк Юрьевич и внимательно смотрит на меня, не отступая, — он и тебя обвёл вокруг пальца? Ты, правда, веришь, что он любит тебя, бедняжка.

— Я знаю это, — уверенно говорю я, не отводя взгляда от его глаз.

У такого отношения к человеку точно есть какая-то причина. Не может же Казанцев так думать на пустом месте. Любопытство берет вверх.

— Почему вы об Артёме такого мнения? — задаю ему вопрос.

— Да потому что дед его был таким, — недовольно цедит Марк Юрьевич и делает шаг назад, открывая мне путь к отступлению. — Вечно лез по головам, был готов на всё ради своей компании, иногда даже шёл нечестным путём, чтобы добиться своего.

— К сожалению, ничего вам сказать не могу, так как лично с дедушкой Тёмы я не знакома, но...

— А там и знакомиться нечего, — перебивает меня Казанцев. — Яблоко от яблони недалеко падает.

Ауч. Яблоко от яблони, значит? На душе становится очень горько, больно и противно одновременно. И думаю я не об Артёме, а думаю я о себе. Если руководствоваться этой пословицей, то я либо должна покончить с собой, либо...

Резко пресекаю все мысли, потому что Казанцев в корни не прав. Если он и правда так считает, то я не завидую ни его семье, ни его окружению.

— Зачем вы нас с Артёмом вообще позвали? — бесцветно спрашиваю.

— А это не очевидно? — смотрит на меня сверху вниз.

— Такой безродной дворняжке, как мне, нет, не очевидно, — возвращаю ему его же обращение ко мне.

— Всё очень просто, Алиса. Надеюсь, обличить вас со Скворцовым при всей своей

семье, чтобы они видели, на что он готов пойти ради сделки, как и его дед, и чтобы мои дети тоже никогда не работали с ним. Поэтому давай я тебе просто заплачу ту сумму, которую он обещал тебе или на которую ты рассчитывала, и мы вместе обличим его перед моей семьей.

— Нам с вами говорить не о чем, — произношу с презрением в голосе. — Не переживайте, я поговорю с Артёмом. После пересказа нашего с вами разговора, Марк Юрьевич, он сам никогда в жизни не захочет иметь с вами никаких дел.

Разворачиваюсь и бегом лечу в столовую, где чуть ли не сталкиваюсь с Артёмом.

— О, вот и ты, а я уже начал переживать, куда ты пропала, — говорит он, а потом замечает моё взвинченное состояние. — Алиса, что случилось?

Семья Казанцевых всё ещё в сборе, за исключением Ольги. Видимо, она ушла проведать детей.

Что ж, Марк Юрьевич, как вы со мной, так и я с вами поступлю. А я ещё надеялась просить у вас помощи...

— Тёма, прости меня, — произношу я, чем очень его удивляю.

В его глазах спектр эмоций. Главное, чтобы он не решил, что нас раскусили, а продолжил играть влюбленного Ромео. Надо объяснить ему, что происходит, насколько это возможно в одной комнате с кучей лишних ушей. Хотя ведь можно всё обернуть в свою пользу...

— Мы с тобой поссорились сегодня утром и не успели поговорить, — продолжаю я уже громче, чтобы нас слышали все. — Прости меня, я должна была сказать раньше. Я была не права.

— Конечно, Алис, — подыгрывает мне Скворцов, сообразив. — Я тебя прощаю, всё нормально.

— Нет, Тёма, не нормально, — гну своё я, на ходу придумывая подробности нашей воображаемой ссоры. — Я не должна была так на тебя кричать и очень сожалею о сказанных мной словах. Ты ведь хотел, как лучше, а я восприняла всё в штыки. Тём, ты же знаешь, что я люблю тебя, правда?

— Я тоже тебя люблю, — еле успевает произнести он, потому что я накрываю его губы своими и вываливаю все накопившиеся за последние пару часов эмоции.

Страстно целую, цепляюсь одной рукой за его шею, а другой касаюсь его щеки. Артём ни на шаг не отстаёт и с тем же рвением отвечает мне на поцелуй, как будто это не я только что яростно спорила с Казанцевым, а он. Мужчина крепко держит меня за талию одной рукой, а другой ведет вверх по спине и прижимает к себе всё сильнее.

И я растворяюсь в нём полностью, все переживания отходят на второй план. Я забываю об испытанной панике насчет Звягинцевых, забываю о возможном разоблачении, забываю о том, что вообще-то мы в комнате не одни...

Отвлекает нас чьё-то усиленное покашливание, и мы отрываемся друг друга.

В столовую вошел Казанцев-старший, и кашляет именно он.

— Простите, — говорю я, но обращаюсь не к Марк Юрьевичу, а к его жене и сыновьям, которые ухмыляясь на нас поглядывают — кажется, шоу мы устроили знатное. — Сор из избы не выносят, но Тёма немного прохладно себя вёл во время ужина, что я уже успела известить себя из-за этой ссоры.

— Ничего страшного, Алиса, — тепло улыбается мне Людмила Петровна, — все мы тебя прекрасно понимаем.

— Правда? — недоверчиво произношу я. — Потому что Марк Юрьевич был очень

учтив, заметив нашу холодность с Артёмом по отношению друг к другу за ужином, и указал мне на то, что Тёма меня не любит, потому что я безродная дворянка.

— Что? — поворачиваюсь на потрясенный голос Артёма — в его глазах полыхает ярость.

— Это, правда, дорогой? — вскакивает с места Людмила Петровна.

Казанцев бросает на меня недовольный взгляд, и именно это и выдаёт его.

— Марк Юрьевич, — зло выплевывает Артём каждое слово, обращаясь к мужчине, — оскорбляя мою женщину, вы оскорбляете и меня. Я вас предупреждаю, если услышу ещё хоть одно обидное слово в сторону Алисы, я за себя не ручаюсь и не посмотрю на ваш почтенный возраст.

— Ты смеешь мне угрожать, щенок? — закипает Казанцев.

— Марк, замолчи! — неожиданно прикрикивает на него жена. — Оставь свою ненависть в отношении деда Артёма при себе! Я ведь и правда поверила, что ты зарубил топор войны и хочешь наладить отношения со Скворцовыми, а ты...

— Люда...

— Нет, Марк, не надо, — осекает его она и поворачивается к нам с Артёмом. — Приношу свои извинения за поведение моего мужа.

— Спасибо, Людмила Петровна, ваши извинения я принимаю, но всё равно не хочу здесь больше находиться, — говорю ей и обращаюсь к Тёме. — Поехали домой.

— Конечно, — тут же отзывается он, а затем поворачивается к Казанцеву и зло бросает ему. — Надеюсь, уже и так понятно, что от вас мне никаких разрешений не нужно, Марк Юрьевич, и никаких деловых отношений вести с вами я не буду.

Артём берёт меня за руку, и на такой ноте мы покидаем дом Казанцевых. А как же хорошо всё начиналось...

Выезжаем на трассу, и теперь уже я нажимаю на кнопку, чтобы закрыть вверх автомобиля, потому что воздух на улице прохладный.

— Ты же знаешь, что мне совершенно не важен какой-то там социальный статус и количество денег у тебя? — неожиданно произносит Артём.

— Что? — удивляюсь я. — Конечно, знаю. Мне и самой это совершенно не важно.

Даже когда у меня была куча денег и отец мне ни в чем не отказывал, мне и правда было плевать на их количество у людей, с которыми я общалась.

Незадолго до своего побега, я начала ближе общаться с одним парнем, очень бедным парнем из неблагополучного района. Меня никогда не волновал его социальный статус, мы не выбираем, в каких семьях родиться, у всех разные стартовые условия. Но меня волновало то, что у него не было выхода.

До определенного возраста дети из неблагополучных семей вынуждены жить в ужасных условиях, выбраться они могут, лишь когда вырастут и смогут заработать на это достаточно денег. И то выбирают далеко не все, а только те, у кого сильная воля, или кому просто повезло.

Ирония в том, что именно тот мой друг без гроша в кармане спас меня, подвергая собственную жизнь колоссальной опасности, и не задавая лишних вопросов, а Казанцев с огромным состоянием повесил на меня кучу штампов и оскорбил, ничего обо мне не зная.

Где же здесь применима поговорка о яблоне и яблоке, Марк Юрьевич?

Алиса (28)

— Тём, а поехали к морю, пожалуйста? — неожиданно для самой себя прошу.

— Прямо сейчас? — удивляется он. — В одиннадцать вечера?

— А почему нет? Я так давно не видела моря. К тому же, хочется смыть с себя сегодняшний ужин...

Скворцов разворачивается, и мы едем в сторону воды.

— Что он тебе сказал? — спрашивает Артём. — Как вообще так получилось, что вы оказались наедине? Он же пошёл курить.

— Поймал меня у ванной комнаты, — объясняю я. — Мне вообще кажется, что он меня поджидал.

Пересказываю молодому человеку весь наш разговор с Казанцевым от и до, а он слушает, не перебивая.

— Старый хрен, — выругивается Артём и добавляет ещё несколько нецензурных слов, когда я заканчиваю рассказ.

— Слушай, такая ненависть не могла появиться на пустом месте это точно, — размышляю я. — Мне кажется, я просто попала под раздачу.

— Ты попала под раздачу? — восклицает молодой человек. — Ты сейчас серьёзно?! Он перешел на личности. Если у Марка Юрьевича и есть проблемы с моим дедом, то он должен был разбираться с ним, в крайнем случае со мной, но никак не оскорблять тебя!

Артём так рьяно меня защищает, хотя на самом деле вообще не должен. От этого он поднимается ещё выше в моих глазах, и я смотрю на него с благодарностью, хоть он и не видит, так как занят дорогой.

— Ты точно не знаешь, за что Казанцев мог так ненавидеть твоего деда? — уточняю я.

— Понятия не имею, Алис, — бессильно произносит Скворцов. — Да, возможно, мой дед иногда и шёл по головам, но я не думаю, что это прямо было за рамками закона или морали. Не знаю... Он никогда ничего не рассказывал о Казанцеве. Может быть, отец что-то знает, позвоню ему завтра.

Мы замолкаем и думаем каждый о своем, а потом ко мне приходит осознание того, что основная цель нашей с Артёмом сделки провалена.

— Слушай, — аккуратно начинаю я, — а раз Казанцева не нужно больше ни в чем убеждать, значит, мы можем возвращаться в Москву и расходиться, как в море корабли?

Артём морщится от сказанных мною слов.

— Уже так хочется от меня сбежать?

— Что? Нет, конечно, просто...

— Проехали, можешь не продолжать, — перебивает он, не желая слушать мои оправдания. — Наше с тобой соглашение действует до свадьбы моей сестры, которая в начале августа, а значит, ты будешь продолжать играть мою девушку месяц с небольшим.

Вместо досады, в груди растекается теплое чувство, потому что глубоко внутри я хочу провести с Артёмом как можно больше времени, потому что он мне нравится. Он за меня сегодня заступился перед Казанцевым. Он мог просто ему пригрозить, но решил разорвать с ним все отношения. И неважно, что мы со Скворцовым притворяемся, всё равно приятно.

Машина тормозит на светофоре.

Заметив, что я молчу, молодой человек поворачивается ко мне и, видя мою искреннюю улыбку, сам приподнимает уголки губ. Кажется, мы оба не хотим, чтобы наше совместное времяпрепровождение заканчивалось, несмотря на то, сколько я ему всего наговорила и сколько я от него отгораживалась.

— Значит, море? — тихо-тихо спрашивает он.

— Море, — также тихо отвечаю я, и в следующий миг Скворцов даёт по газам.

Включаю музыку, делаю её на полную громкость и начинаю подпевать. Лимит моих нервов на сегодня исчерпан, мне хочется обо всём забыть и просто наслаждаться жизнью здесь и сейчас, невзирая ни на какие последствия.

Артём (29)

Смотрю на Алису и вижу, как она преобразилась. Девушка как будто бы превратилась в другого человека. Я веду машину, а она громко подпевает певцу и пританцовывает.

Никакой настороженности, которая обычно никогда не пропадает из её взгляда. Никакой напряженности в её движениях, как будто бы с её плеч был снят огромный груз и оставлен там, у Казанцевых дома.

Я так на неё засматриваюсь, что пару раз нарушаю правила дорожного движения, но меня это совсем не волнует. Девушка заражает своей энергией, я сдаюсь и начинаю подпевать вместе с ней.

Через некоторое время мы приезжаем на место назначения. Это новая набережная, находящаяся немного вдали от города, поэтому освещения тут мало, только от фонарей, установленных вдоль ограждения, но именно этим она и привлекает посетителей — своей интимной атмосферой с приглушенным теплым светом.

— Ух ты! — восклицает Алиса, когда мы выходим на набережную. — Я и не знала, что здесь есть такое место. Его недавно построили, не так ли?

— Да, ты права, — подтверждаю я. — Около года назад закончили работы.

— Ты его слышишь? — восторженно шепчет девушка, чуть склонившись ко мне.

— Что слышу? — шепчу ей.

— Море!

И правда звук морского прибоя завораживает.

Девушка берет меня за руку и тянет к изящно сделанному ограждению.

Видя её такой живой, я совершенно забываю обо всех недомолвках между нами, обо всех вопросах, которые мне хотелось бы ей задать, обо всём, о чем она говорить не хочет, забываю и о том, что именно Алиса настаивает на сугубо деловых отношениях.

То, что происходит между нами сейчас, точно нельзя назвать сугубо деловыми отношениями, и, кажется, здесь и сейчас нас обоих это устраивает. Возможно, завтра мы к ним вернёмся, но и подумаем об этом тоже завтра.

Мы так долго гуляем по набережной, что через какое-то время остаемся на ней одни.

Разговариваем обо всём и ни о чем. Алиса рассказывает о своей работе, о том, почему она выбрала именно творческую профессию, о том, как много для неё значит — творить. Я в ответ делюсь своим профессиональным путём, рассказываю и о дедушке, и том, как Денис к нам попал, и о том, как мы с ним сработались. Затем перепрыгиваю на детство, и каждый из нас делится историями из того беззаботного времени.

Время пролетает незаметно, наши разговоры всё не замолкают, потому что находятся всё новые и новые темы для беседы. И я понимаю, что мне с Алисой очень легко. Она понимает меня с полуслова, как и я её.

В какой-то момент девушка останавливается у спуска в воду, отпускает мою руку и спускается вниз.

— Алиса! Ты куда? Вода же холодная!

— Мне всё равно! — кричит она, уже разуваясь на последней ступеньке, затем подхватывает свои босоножки и бежит к воде. Откуда только в ней столько энергии?

Спускаюсь за ней, точно также разуваясь и беря классические туфли в руки, не забыв немного подвернуть штаны. Песок холодный, но я не останавливаюсь и ищу глазами девушку. Нахожу её у воды, куда добираются только самые длинные волны.

Она слегка дрожит.

— Алиса, — подхожу ближе и обнимаю её сзади, надеясь согреть своим теплом, пиджака я с собой не взял, — ты же замерзла! Пойдём в машину.

— Оно такое безмятежное, — произносит она, игнорируя мои слова, но позволяя обнять себя. — Что бы ни произошло, море продолжает жить своим темпом, волны продолжают набегать и убегать.

Не знаю, что на это ответить, поэтому лишь прижимаю Алису к себе сильнее. Она не отталкивает и, откидываясь назад, кладёт свою голову мне на грудь, продолжая задумчиво наблюдать за морской гладью.

— Тём, — произносит девушка очень теплым, но осторожным тоном, будто боится или сказать лишнего, или обжечься, — спасибо тебе.

— За что? — шепотом спрашиваю я, недоумеваю.

— За многое, — отвечает она так, будто обязана мне своей жизнью.

— Алис, тебе не за что меня благодарить...

— Нет, есть за что, — стоит на своём. — Спасибо за то, что вступился за меня у Казанцевых. Спасибо за то, что даешь возможность пожить такой жизнью. Спасибо за то, что привёз сюда.

— Это же пустяки, — отмахиваюсь я. — Тем более, мы же заключили сделку.

— И всё равно, для меня это не пустые жесты, — в голосе Алисы слышатся нотки чрезмерной тоски и обреченности, будто мои поступки для неё значат очень многое, будто она знает, что никогда ничего такого с ней больше не произойдёт и не произошло бы, если бы не я.

Я не продолжаю спор с ней. Если девушке так легче, пусть она так считает. Раз Алиса благодарит меня за такие мелочи, то и я должен.

— Спасибо тебе, что вытащила меня сюда, — наклоняюсь и шепчу ей на ушко. — На самом деле, если бы не вся эта авантюра, я бы точно не скоро просто стоял бы так на берегу и слушал звуки моря.

Так мы и стоим, чувствуя ногами ледяную воду периодически набегающих волн. Я крепко обнимаю Алису, даря ей своё тепло, а она сильнее ко мне прижимается, его принимая и согреваясь. Меня охватывает чувство правильности происходящего, все именно так, как и должно быть. Именно Алиса должна находиться в моих объятиях. Именно её я должен защищать, согревать и оберегать.

Мы стоим так очень долго, пока в какой-то момент девушка не поворачивается ко мне лицом. Её глаза так чувственно блестят, в их зелено-серой радуге видны не просто облака, а грозные тучи с пробивающимися маленькими еле заметными лучиками солнца. Я не могу отвести глаз, как загнипнотизированный продолжаю погружаться в её бурю, а затем и уношусь вместе с ней. Кажется, что молнии её непогоды бьют током меня. Сердце стучит всё быстрее, а тело горит.

Алиса приподнимается на носочках, я опускаю голову, собираясь поцеловать девушку, нахожу её приоткрытые губы...

Вдруг Алиса отскакивает от меня, как ужаленная и начинает кричать, хватаясь за ступню и судорожно её ощупывая.

— Что случилось? — взволнованно спрашиваю я, подбегая ближе.

— Не знаю, — всхлипывает Алиса, а её глаза блестят от влаги, — меня что-то коснулось. Что-то ужасное, слизкое и противное.

Достаю телефон, включаю фонарик и свечу им ей на ногу, проверяя наличие повреждений, но ничего не нахожу. Затем свечу фонариком на место, где мы только что стояли, и вскоре нахожу причину переживаний девушки.

— Это водоросль, — говорю я, усмехаясь.

— Что? — не понимает Алиса и подходит ближе ко мне.

— Тебя коснулась мерзкая водоросль, — посмеиваясь, повторяю и подсвечиваю фонариком нужное место, чтобы девушка увидела.

— О господи, — щеки Алисы тут же становятся пунцового оттенка, что мне прекрасно видно с помощью света фонарика, — мне так стыдно. Я испугалась обычной водоросли.

Момент был безвозвратно упущен. Если бы не принесенное волной растение, мы бы точно поцеловались. Только было ли это правильно, учитывая, что Алиса до сегодняшнего дня упорно меня отталкивала, а сейчас вдруг решила подпустить ближе?

— Поехали домой, водорослефоб, — обращаюсь к своей спутнице, тепло улыбаясь ей, затем беру её за руку и веду к выходу с набережной.

— Не думаю, что такое слово существует, — отвечает Алиса, покорно двигаясь со мной.

— Теперь существует, — бросаю на девушку озорной взгляд. — Специально для тебя придумали.

Садимся в машину, и я сразу включаю печку. Хоть и лето на дворе, но ночи ещё очень прохладные, а мы не просто гуляли и стояли на улице, мы промочили ноги в холодной воде. К тому же, в отличие от меня Алиса вообще одета в короткое летнее платье. Надеюсь, никто из нас не заболеет.

— Сильно замерзла? — спрашиваю, видя, как она подминает под себя ноги.

— Только ноги чуть-чуть, — говорит девушка. — Остальное ты согрел.

Я не придумываю ничего лучше, кроме как снять с себя футболку и протянуть ей.

— Заверни в неё ноги, должны быстро согреться, — подсказываю девушке и замечаю, как она пялится на меня. — Алиса! Заверни ноги в мою футболку, а потом уже будешь рассматривать кубики на моём животе.

Второй раз за день я вижу, как Алиса густо краснеет. Смущаясь, она выполняет мой приказ и отворачивается к окну. Я завожу автомобиль и трогаюсь с места. Включаю спокойную музыку, ехать нам минимум полчаса, может, хоть Алиса вздремнет, раз уж полночи мы гуляли.

— Завтра мы летим домой, раз с Казанцевым дело выгорело? — неожиданно спрашивает девушка, когда я уже был уверен, что она спит.

— Нет, — уверенно отвечаю я и чувствую её нахмуренный взгляд на себе.

— Нет? — переспрашивает Шведова.

— Слушай, на этой недели государственный праздник, дополнительные выходные... — начинаю объяснять свою мысль, надеясь на её согласие. — Ты же договорилась на работе по поводу своего отсутствия?

— Да, но... — пытается вставить слово Алиса, но я ей не позволяю.

Я хочу провести с ней больше времени и попытаться растопить её холодность, убедить её в том, что от меня ей отгораживаться точно не нужно. Наша сегодняшняя прогулка показала мне, что я ей нравлюсь также, как она нравится мне. Значит, останавливает её от

сближения со мной что-то другое, и я намерен преодолеть это препятствие.

— Предлагаю остаться в Сочи ещё на некоторое время, — продолжаю свою мысль. — Я не помню, когда я последний раз был в отпуске. А в отпуске мне определенно нужна компания. Составишь?

— Ты хочешь, чтобы я составила тебе компанию? — снова недоверчиво переспрашивает Шведова.

— Да, Алиса, — немного раздражаюсь я, — перестань переспрашивать и не ищи отговорок. Да, я хочу, чтобы ты составила мне компанию на время моего отпуска. Я сегодня с тобой прекрасно провёл время.

— Я тоже, — тихо отзывается девушка, удивляя меня своими словами: не думал, что рискнет признаться, когда обычно с рвением отгораживается от меня. — Я тоже прекрасно провела с тобой время.

— Это значит да? — аккуратно спрашиваю.

— Да, это значит да, — я слышу столько теплоты в её голосе и радуюсь этой небольшой победе.

— Тогда у меня для тебя ещё одна новость, — решаю вскрыть все карты сразу. — Здесь в Сочи у меня живёт очень хороший друг. Мы с ним последний раз виделись год назад на его свадьбе. Он узнал, что я здесь и позвал нас завтра в гости. Ты не против съездить?

— Как фиктивная пара? — настороженно интересуется она.

— Нет, Илье можно доверять. Я могу представить тебя своей подругой или хорошей знакомой, согласна?

— А кто он такой? — отвечает вопросом на вопрос. — Твой друг, имею в виду. Также какой-то богатый бизнесмен-миллионер?

— Что? При чем здесь это? — хмурюсь я, а потом до меня доходит, откуда у неё такие мысли. — Алиса, он совсем не похож на Казанцева. Какого ты обо мне мнения, если считаешь, что в моем окружении есть такие люди?

— Я так не считаю, — быстро произносит она. — Просто интересно.

— Ну раз интересно, — не верю ей, но уступаю. — У него рекламное агентство «Дроздов-юнити». Он хорошо зарабатывает, но не миллионер. Такой ответ тебя устроит? Теперь согласна съездить к нему?

Алиса некоторое время молчит, размышляя над моим предложением.

— Если мы проведём завтрашний день так же хорошо, как сегодняшней вечер на набережной с тобой, то я согласна.

Алиса (30)

Сегодняшней ночью я сплю без сновидений. Сказывается и усталость, и то, что мы вернулись домой, когда уже начинало светать. Меняхватило только на горячий душ, а затем я моментально отрубилась и проспала крепким сном около пяти часов.

Просыпаюсь от лучей солнца, слепящих глаза, вчера совсем не подумала, что нужно закрыть шторы. Прекрасно понимаю, что больше не усну, поэтому спускаюсь на кухню и делаю себе ту вещь, которую точно не испорчу, — кофе.

Во всём доме стоит тишина. Артём явно ещё спит. Видимо, он и правда взял выходной или выключил телефон, иначе не сомневаюсь, его бы одолевали рабочими звонками.

По кухне разносится аромат кофе, который я с наслаждением вдыхаю. С чашечкой бодрящего напитка располагаюсь на диванчике на веранде и рисую открывшийся передо мной пейзаж. За временем не слежу совершенно, предаваясь творческому процессу.

— Вот ты где, — бодрый голос Артёма от неожиданности меня пугает, и я еле успеваю поймать выпавший из руки карандаш.

Он подходит ближе и садится рядом, ставя свою чашку кофе на столик рядом с моей.

— Прости, не хотел тебя напугать, — произносит Скворцов, заметив мою реакцию.

— Доброе утро, Артём, — здороваюсь я.

— Скорее уже день, — произносит он, глядя в телефон. — Давненько я так поздно не просыпался.

— После таких ночных гуляний организму нужен отдых, — отзываюсь я с легкой улыбкой на лице.

— Правда, почему-то только моему... — задумчиво тянет Артём, отвлекаясь от телефона и внимательно рассматривая нарисованную мной работу. — Судя по тому, что ты успела нарисовать, бодрствуешь ты давно.

— Хотела запечатлеть красоту горной природы.

— И тебе, безусловно, это удалось, можно посмотреть? — протягиваю ему рисунок и внимательно слежу за реакцией. Скворцов долго рассматривает моё творчество, а затем сравнивает его с оригинальным живым пейзажем.

— Алиса, я, конечно, не специалист в искусстве, но, по-моему, у тебя настоящий талант, — молодой человек поворачивается ко мне, и я явно вижу восхищение в его глазах.

— Спасибо, — смущенно благодарю я, забирая работу, — мне очень приятно слышать такие вещи.

— А ты не думала заниматься коммерческой продажей своих картин? Я бы мог спросить у отца, наверняка, у него есть на примете люди, готовые заплатить деньги за твои работы.

— Спасибо, Артём, за предложение, но я не продаю свои картины.

— Тогда, может быть, устроим выставку? — не сдаётся он, всё ещё находясь под впечатлением.

— Нет, — немного резковато произношу я, при иных обстоятельствах я бы приняла его предложение, не раздумывая, но не сейчас. — Они только для личного пользования.

Артём задумчиво на меня смотрит, и я опять чувствую его пронзительность, будто мужчина видит меня насквозь. Он собирается что-то сказать, но меня спасает его зазвонивший телефон.

— Я должен ответить, — говорит он, встает и отходит в сторону для разговора.

Возвращаюсь на кухню с двумя уже пустыми чашками кофе, мою их, думая о том, как здесь спокойно и безмятежно, о том, как мы вчера гуляли с Артёмом, о том, как мы с ним чуть не поцеловались. Я прекрасно отдавала отчёт в своих действиях, я хотела этого, и мужчина тоже этого хотел.

Выключаю воду, убираю чашки на место, но продолжаю стоять у раковины, опираясь руками о столешницу.

Если у нас с Артёмом будут настоящие отношения, это значит он будет иметь право лезть мне в душу, задавать вопросы о моём прошлом, а я должна буду честно отвечать, иначе это всё будет то же притворство.

А я не могу.

Я просто не могу.

Я так давно обо всём молчу. Последний раз, когда я рассказывала правду, всё закончилось очень плачевно, от меня не осталось и живого места. Если я признаюсь во всём

Скворцову и если он мне поверит, то захочет во всем разобраться и решить вопрос. И это будет правильно. Это будет тем, чего я хочу в итоге добиться.

Вопрос лишь в том, достаточно ли у Артёма ресурсов?

На мой взгляд, нет.

Определенно точно недостаточно.

И тогда всё это закончится также плачевно и трагически. Скворцова легко могут убить, а меня... Не знаю, что сделают со мной, но судя по тому, в каком состоянии я была в прошлый раз, меня тоже убьют.

Вот и получается замкнутый круг.

Масло в огонь подливает ещё и моя бесконечная паранойя. Я в каждом ищущем предателя, у каждого стараюсь найти какие-то связи с моей прошлой жизнью и боюсь обратной стороны этой связи. Хотя пора бы думать иначе: я уже два раза встречалась с людьми из прошлого и пока ничего страшного не произошло.

Возможно, если бы я была немного смелее, если бы мне хватило сил рискнуть ещё раз...

Но мне страшно, и в первую очередь страшно за жизни окружающих меня людей, а я уверена, что достанется всем, кто хоть как-то мне помогал.

Из раздумий меня вытаскивает голос Артёма:

— Алиса, звонил Богдан Казанцев.

До меня не сразу доходит, о ком говорит молодой человек.

— Что? — поворачиваюсь к Скворцову. — Зачем?

— Он извинился за поведение отца, сказал, что в последнее время тот стал более нервным. Богдан говорит, что ему глубоко наплевать на доисторические конфликты между нашими семьями. Он готов предоставить моей компании всё, что нужно, и в этом случае, если я соглашусь на сотрудничество, все дела со мной будет вести он, а не Марк Юрьевич, которому давно пора на пенсию. Да-да, он именно так и выразился.

— И что ты ответил?

— Сказал, что подумаю, а Богдан в ответ предложил встретиться завтра. Он хочет выразить нам лично свои извинения и ещё раз озвучить своё предложение.

— Мне кажется, — аккуратно начинаю я, — что всё складывается как нельзя лучше.

— Честно говоря, думаю ты права, — задумчиво произносит он. — Но теперь меня гложет чувство вины за устроенный нами спектакль.

— А мне кажется, мы уже почти и не играем, — выдаю я, не думая, и только после ко мне приходит осознание, что я только что сказала. Черт. Решила же держать дистанцию, но Сочи плохо на меня влияет — я забываю обо всём.

— В любом случае, не думаю, что ты должен винить себя, — быстро сворачиваю тему я, не глядя на Артёма. — Нам ведь пора собираться к твоему другу? Представишь меня просто своей знакомой, хорошо?

Поднимаю глаза на мужчину и встречаюсь с его задумчивым взглядом. Надеюсь, он не придумает себе ничего лишнего.

— Хорошо, — отвечает он немного погодя. — Да, нам и правда следует уже собираться. Захвати купальник.

Алиса (31)

Не успевает Артём убрать руку со звонка, как из дома вылетают два маленьких метеора пяти-шести лет.

— Мотя, отдай! — кричит маленькая белокурая девочка в желтеньком платьице,

останавливаясь, чтобы отдышаться.

— А ты догони сначала, малявка, — отвечает такой же белокурый мальчуган в голубых шортах и белой футболке с какой-то игрушкой в руках.

— Я не малявка! — вспыхивает она. — У нас день рождения в один день!

— Ну и что! — стоит на своём мальчик. — Я старше, значит могу называть тебя малявкой!

— Всего на пару минут! — злится девочка.

— Злата, Матвей! — на пороге появляется молодая худенькая девушка с тем же самым цветом волос, что и у детей. — Перестаньте! У нас гости, а вы ведёте себя, как не знаю кто! Дядю Тёму никто не будет встречать? Здороваться вы с ним тоже не будете?

Дети синхронно поднимают головы вверх и обращают внимание на нас с Артёмом.

— Привет, дядя Тёма! — хором здороваются они, и Матвей убегает в дом с игрушкой, не дожидаясь ответа, а Злата пулей летит за ним.

— Вы уж простите их, — оправдывается девушка, пропуская нас внутрь. — Илья, Артём пришёл. Не один!

В прихожей появляется высокий мужчина тоже со светлыми волосами, и на моем лице появляется улыбка от похожести друг на друга всего семейства. Правда, его оттенок волос в несколько раз темнее.

Пока мы добирались до места назначения, Артём рассказал, как они с Ильей познакомились. Дроздов старше него на несколько лет. Илья учился на последнем курсе и работал на одну престижную фирму. Когда компании Скворцова понадобились маркетинговые услуги, фирма направила именно Дроздова. Артёму тогда было лет двадцать, но он уже работал в компании деда, совмещая и работу, и учебу. Так и познакомились.

Впоследствии Скворцовы ещё пару раз обращались к Илье за услугами, пока он не уехал за границу. Тёма продолжал поддерживать с ним дружескую связь, и когда Дроздов вернулся в Россию и открыл уже здесь собственную компанию, наладил с ним и рабочий контакт, который поддерживает до сих пор, если в нём возникает необходимость.

— Лия и Илья Дроздовы — мои хорошие друзья, — представляет нас Артём. — А это моя знакомая — Алиса.

— О, Тёмыч, одобряем, — весело произносит Илья, пожимая другу руку. — Пополняешь наши ряды златовласок?

— Илья, я не поняла, — наигранно возмущается Лия. — Тебе своих златовласок что ли недостаточно?

— Дорогая, вас мне хватает сполна, — отвечает мужчина и нежно целует её в губы. — Разве что можно и о третьем подумать, раз уж я пропустил рождение двойняшек...

— Нет, вы это слышали? — обращается девушка уже к нам. — Последнее время он любой разговор сводит к этому.

Неожиданно из глубины дома слышится звук разбивающего стекла. Мы с Артёмом напрягаемся, а Дроздовы стоят как ни в чем не бывало.

— Вот и представь, — говорит Лия мужу, — что будет третий такой же всё время что-то разбивающий ураганчик. Ты готов к этому?

— Я так готов, что прямо сейчас пойду и сам посмотрю, что они разбили в этот раз и приберу, — с теплотой в голове отзывается Илья.

— Ну-ну, — хмыкает Лия и поворачивается к нам. — Алиса, приятно с тобой познакомиться. Можно же на «ты», правда? Тёма, рада, что сумел заглянуть к нам. Вы пока

разувайтесь, проходите в гостиную, а мы с Ильей посмотрим, что там учудили наши дети.

Время у Дроздовых проходит волшебно. Я словно попадаю в собственную несбыточную мечту. Каждый раз, наблюдая, как нежно Лия и Илья разговаривают между собой, как тепло они общаются с детьми, я умиляюсь и завидую им белой завистью.

Злата и Матвей оказываются теми ещё вихрями хаоса, успевая разбить не одну деталь декора за сегодняшний день. Лия каждый раз отчитывает детей, а Илья изо всех сил скрывает свою добрую улыбку, но ему плохо это удастся, что не остается незамеченным для двойняшек, и они принимаются за старое — крушат дальше.

Супруги живут недалеко от моря, поэтому мы отправляемся туда и проводим у воды большую часть дня. Дети быстро ко мне привыкают, и Злата, услышав, что я художница, просит меня научить её рисовать на пляжном песке. Я соглашаюсь. Вскоре к нам присоединяется и Матвей. Совместными усилиями мы создаем множество красивых узоров на песке, а у их родителей тем временем появляется время отдохнуть от активных детей и поболтать с Артёмом.

Тёма прислушался к моим словам утром на кухне и ведёт себя со мной, как с хорошей знакомой, не позволяя себе лишнего, за что я ему искренне благодарна, но периодически мы то и дело случайно друг друга касаемся, тепло смотрим друг на друга и улыбаемся.

Ни Лия, ни Илья не уточняют конкретный статус наших с ним отношений. Все вместе мы болтаем как хорошие знакомые или друзья, которые встретились впервые за долгое время. Мне с ними очень комфортно.

Я наблюдаю за Артёмом, когда они с Ильей берут детей и принимаются резвиться с ними в воде, пока мы с Лией загораем на пляже. Тёма сначала бросает то Злату, то Матвея в воду, потом они все вчетвером принимаются играть в догонялки, затем Илья катает на своей спине сына, а Тёма — Злату, заливисто смеющуюся при каждом его резком погружении в воду и выныривании.

А у меня в голове проскальзывает мысль о том, что Артём будет прекрасным отцом.

Вчетвером они вдруг перестают резвиться, подплывают друг к другу, образуют маленький кружок и о чем-то шепчутся.

— Это не к добру, — говорит Лия, внимательно следя за мужем с Артёмом и детьми.

Вчетвером они прибегают к нам, сначала просто обрызгивают водой, а потом Илья закидывает на себя Лию, Артём — меня, и мужчины тащат нас в воду под восторженные возгласы Златы и Матвея. В итоге на волнах бесимся уже всей компанией, как малые дети, и много смеёмся.

После пляжа возвращаемся домой. Мужчины уходят делать мясо на мангале, я нарезаю салаты на кухне. Лия купает, переодевает детей и оставляет их на попечение игрушек, после чего присоединяется ко мне, неся в руках бутылочку вина.

— Составишь мне компанию? — я киваю, и она разливает алкоголь по бокалам.

— Лия, у вас чудесная семья! — выражаю ей свои восторги, пригубивая вино.

— У тебя будет такая же, — уверенно говорит мне девушка.

Мои брови взлетают вверх в удивлении от её тона. Лия замечает мою реакцию и смеётся.

— Да брось, — произносит она, успокоившись, но продолжая хитро улыбаться. — Я же прекрасно вижу, как вы смотрите друг на друга. И да, я видела фотки с мероприятий, где ты сопровождала Тёму. В сети о нём и его таинственной незнакомкой уже висит пару статей.

— Мы не вместе, — отрицаю я, припоминания слова Тёмы, что перед Дроздовыми можно не притворяться и что им можно доверять. — Просто знакомые, а на мероприятиях

он попросил составить ему компанию. У нас что-то вроде сделки.

— Просто знакомые? — скептически повторяет она.

В ответ я пожимаю плечами и делаю глоток из бокала, не зная, что ещё сказать.

— Алиса, послушай, ты первая за очень долгое время, с кем Артём появился на публике, кого позвал к нам. Ты правда считаешь, что вы просто знакомые? Может быть, началось у вас всё именно так, но сейчас вы явно испытываете друг к другу намного больше чувств.

— Тебе кажется, — качаю головой. — Даже если ты права, у нас всё равно лишь договорённость на время, после чего мы разойдёмся каждый своей дорогой.

— Почему ты так категорична? — хмурится Лия. — Тёма уже что-то успел наговорить или натворить? Или ты не веришь, что у вас что-то может получиться?

— Нет, Артём ведёт себя как джентльмен со мной, просто я знаю, что ничего не получится.

— И почему же, Алиса? Твоё сердце занято кем-то другим?

— Нет, никем оно не занято.

— Тогда что? — продолжает допрос девушка. — Тебя держит прошлое? Или какие-то иные обстоятельства?

— Лия, — произношу угрожающе, — давай не будем говорить об этом. При всём моем уважении к тебе, это наше с Артёмом дело.

— Значит, я угадала, груз прошлого, — заключает Дроздова.

Бросаю на неё предостерегающий взгляд.

— Ладно, тогда кое-что расскажу тебе я, — переключается она. — Несколько лет назад Артём встречался с девушкой, сделал ей предложение, она согласилась. У них всё складывалось как нельзя лучше. А накануне свадьбы она заявила, что изменила ему и теперь выходит замуж за другого. Оказалось, Тёминых денег ей было недостаточно, ей нужен был ещё и соответствующий статус мужа, сама она дочь депутата. Девица решила, что статус Артёма ниже статуса политика, и через пару месяцев вышла замуж за депутата, обладающего огромным кошельком и безграничной властью.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь?

— Я хочу, чтобы ты понимала, почему он изначально предложил тебе подобие сделки, а не настоящие отношения. Тогда с Жанной Артём сильно обжёгся и не хочет обжигаться ещё раз. Но сейчас вам ведь хорошо вместе, разве я не права?

— Всё намного сложнее, чем кажется, — уклончиво отвечаю я.

— Разве? — она внимательно смотрит мне в глаза, уверенная в обратном. — Тогда я расскажу тебе ещё кое-что — нашу с Ильей историю любви. Я ведь младшая сестра его лучшего друга, у нас с ним разница десять лет. Я, ещё будучи подростком, влюбилась в Илью, призналась ему в своих чувствах, а он на следующий день женился на другой. Через пару лет мы пересеклись ещё раз, только Илья меня жестоко оттолкнул, потому что у него всё ещё была жена, а я всё ещё была на десять лет младше и сестрой его лучшего друга. Он не видел для нас совместного будущего.

— Но как же вы тогда сошлись? — у меня не складывается картинка их отношений.

— А я не оставила ему выбора, — хитро улыбается она. — Родила двойняшек.

— Илья упомянул, что не застал их рождения.

— Всё верно, — грустнеет она, а в её словах чувствуется вина. — Он узнал о них спустя несколько лет, о чем я жалею до сих пор. Сказала бы я раньше, мы бы и счастье обрели раньше, но судьба распорядилась иначе.

— Но ведь сейчас вы вместе и это самое главное, разве не так?

— Ты права, — соглашается Лия. — Но мораль истории в другом — в том, чтобы не упустить своё счастье, цепляясь за уже ничего не значащее прошлое, и удержать его, несмотря ни на что.

— Я не хочу, чтобы другие жалели также, как жалею я, — продолжает она, прервавшись, чтобы сделать глоток вина. — Хочу, чтобы наши с Ильей ошибки послужили кому-то уроком. Нам ведь с ним нужно было просто сесть и поговорить на чистоту. Поэтому, Алиса, не упускай своё счастье. Поверь мне, если чувствуешь, что это то самое, то вам двоим будет всё нипочем.

История Дроздовых производит на меня впечатление. Становится понятно, что они с Ильей прошли через многое, но в итоге обрели своё счастье друг с другом.

Применима ли их история к моей собственной? Можно ли сравнить их сложности с нашими?

Всё опять упирается в доверие, риск и мою паранойю.

Весь остаток вечера я размышляю над сказанными Лией словами и практически не отвожу глаз от Артёма. Такой живой, такой искренний и такой... родной? С каждым его словом и с каждым его жестом я всё больше нахожу подтверждения словам Дроздовой, всё больше убеждаюсь в том, что испытываю к нему не просто симпатию и он не просто мне нравится.

Я сделала ровно то, что заставила Артёма поклясться не делать.

Я влюбилась.

Артём (32)

День, проведённый с семьей Ильи, дарит мне настоящее удовольствие. У него прекрасная жена и чудесные дети. Очень рад за них, рад, что в итоге у них всё сложилось, потому что, конечно, препятствий они сами себе наворотили кучу. Но хорошо то, что хорошо кончается.

Я целенаправленно не пью алкоголь у Ильи, знаю, что мы с Алисой можем остаться, но не уверен, что это уместно по отношению к ней, поэтому даже не обговариваю этот момент с девушкой, а сразу отвечаю другу отказом. Он не настаивает, лишь загадочно улыбается и желает удачи в завоевании сердца девушки, ответить ему я ничего не успеваю, так как к нам подходят девушки.

Весь день рядом с Алисой я держу дистанцию, как она и просила, но все равно периодически бросаю на неё взгляд и слежу за девушкой, пока она не видит. А когда вижу её в купальнике, в который раз ловлю себя на мысли о том, какая же она красивая.

Алиса идеально вписывается в нашу компанию. Я знаю, что она работает с детьми, учит их рисовать, но впервые наблюдаю её взаимодействие с малышнёй вживую. Она как будто с ними на одной только детям понятной волне, и это, честно говоря, восхищает. Как некстати вспоминаю бывшую, которая к детям всегда была равнодушна.

Во время ужина девушка выглядит задумчивой, редко что-либо вставляет в разговор, я постоянно ловлю её туманный взгляд на себе. Устала и хочет отправиться домой? На самом деле, учитывая, что легли спать мы под утро, а Алиса встала намного раньше меня, хорошо бы и, правда, вернуться домой не поздно. Предлагаю поехать в коттедж, и она не возражает.

В машине Алиса не включает музыка и сидит совсем тихо, не завязывая разговор. Меня это настораживает, одно из двух она точно должна была сделать, как всегда, делала до этого.

— Всё в порядке? — уточняю я.

— Да, конечно, — сразу отзывается она. — Просто задумалась.

— О чём?

— Лия рассказала немного о своих отношениях с Ильей и... — Алиса резко осекается, но мне этого становится достаточно, чтобы всё понять.

— Она проболталась, да? — озвучиваю свою догадку вслух. — Рассказала о моей неудавшейся свадьбе?

— Да, преподнесла в общих чертах, — немного виновато произносит девушка.

— Ничего страшного, — легко отвечаю. — Это, в общем-то, не тайна за семью печатями, да и не один год прошел с тех пор. В желтой прессе даже кто-то докопался до полной истории и опубликовал статью, правда, Жанна её быстро выкупила, чтобы не портить себе репутацию. Ты что-то конкретное хотела спросить?

Девушка какое-то время молчит, обдумывая свой вопрос.

— Ты сильно её любил? — чувствую на себе взгляд Алисы.

— Да, — честно отвечаю. — Она была моей первой любовью, и, как я думал, станет последней, но, увы, судьба распорядилась иначе.

— Но это же хорошо? — немного неуверенно говорит девушка.

— Что именно? — хмыкаю я. — Получить такой удар в спину прямо перед свадьбой?

— Я не это имела в виду, — серьёзно произносит Алиса. — Хорошо, что ты узнал её истинное лицо, пока не стало слишком поздно. Могло же всё сложиться иначе. Вы бы поженились, прожили в браке n-ное количество лет, родили детей, а потом она изменила бы тебе и бросила ради более высокого статуса и ещё большего количества денег. Это было бы лучше?

— В этом ты, безусловно, права, — соглашаюсь с Алисой. — Но, когда она вывалила всё на меня и честно призналась, что выходит за другого не из-за любви, а из-за статуса, я всё задавал себе вопрос: как я мог раньше не заметить её истинное лицо и влюбиться?

— Я до сих пор задаю этот вопрос себе, — тихо произносит девушка, но я всё равно слышу и напрягаюсь. Что же у неё произошло в прошлом? Она поэтому не позволяет себе ни с кем сблизиться? Боится наступить на те же грабли?

— Тебе тоже изменили и предали? — аккуратно интересуюсь я, надеясь на откровение, но понимая, что она может как обычно сослаться на «сугубо деловые отношения» и уйти от ответа.

— У меня тоже был жених, — удивляет меня Алиса своим ответом. — Два года назад. Во всяком случае, всё шло к свадьбе. Он сделал мне завуалированное предложение и пообещал более романтическое чуть позже.

Девушка замолкает. Позволяю себе отвлечься от дороги и взглянуть на неё. У Алисы такое горькое страдальческое выражение лица, от чего у меня сжимается сердце. Кто так поступил с ней? Кто причинил ей столько боли? Кто оставил такой неизгладимый отпечаток в её душе?

Чувствую, как во мне поднимается ярость на этого человека.

— Он не изменил мне в том смысле, как изменила тебе Жанна, — продолжает Алиса. — Просто один его поступок перечеркнул всё, что было между нами. Я не должна была о нём узнать, но так случилось, что узнала. И в один миг мой мир перевернулся с ног на голову, когда я осознала, какой мерзкий человек всё это время находился рядом со мной.

— Ты любила его?

— Сейчас уже не знаю, — уклончиво отвечает она. — Но даже если и любила, то точно

не его самого, а его образ, сформировавшийся в моей голове.

— Это же тоже хорошо? — зеркалю её же фразу. — Вы не зашли далеко, и ты не слишком поздно узнала правду.

— Хорошо искать во всех ситуациях плюсы, не так ли? — грустно усмехается девушка. — Только боюсь в моей ситуации, «слишком поздно» всё-таки наступило,

Я хмурюсь и порываюсь спросить, что она под этим подразумевает, но не успеваю.

— Но я здесь, рядом с тобой, поэтому в каком-то смысле ты всё-таки прав, — добавляет Алиса, тянется к гарнитуре и включает музыку, давая понять, что не намерена продолжать разговор.

Артём (33)

Размышляя над услышанным от девушки, пропускаю нужный поворот, и приходится ехать по другой дороге. Получится чуточку дольше, но зато немного сменим пейзаж, хотя не уверен, что Алиса сможет им насладиться после нашего с ней разговора.

— Останови, — неожиданно говорит она.

— Что? — не понимаю я.

— Останови машину, — твёрдо повторяет.

— Здесь нельзя останавливаться, — протестую я, вспомнив увиденный пару секунд назад дорожный знак. — Тебе плохо?

— Артём, просто останови машину! — выкрикивает она, и я подчиняюсь.

Не успеваю полностью остановиться, как Алиса выскакивает из автомобиля и бежит к обрыву. Меня охватывает тревога за жизнь девушки. Что она задумала? Не прыгать же собралась?!

— Ты что делаешь?! — быстро отстегиваюсь сам и, не глуша двигатель, со всех ног лечу к ней. Благо встречных машин нет и ни её, ни меня никто не сбивает.

Алиса застывает у самого края обрыва и смотрит вниз. Подбегаю к ней, хватаю за руку и тяну на себя, подальше от пропасти, девушка подчиняется, делает пару шагов назад, но не больше, и не отводит взгляда от бездны.

— Ты с ума сошла?! — кричу за неё, а у самого сердце колотится как сумасшедшее, стремясь выскочить наружу. — А если бы ты сорвалась? Тебе жить надоело?!

Девушка никак не реагирует, тогда подхожу ближе и разворачиваю её к себе, чтобы привлечь внимание, но и это не помогает. Касаюсь подбородка Алисы и приподнимаю, чтобы заставить её саму посмотреть на меня.

Алиса плачет, на щеках виднеются влажные дорожки от слёз, а в глазах блестит влага.

— Ты чего? — глухо спрашиваю и прижимаю девушку к груди. — Тише-тише, не плачь.

Поглаживаю её по голове, успокаивая, а она всё продолжает беззвучно плакать, содрогаясь всем телом и еле слышно всхлипывая.

Пытаюсь понять причину её слёз, осматриваю территорию, на которой мы стоим, и узнаю в ней заброшенную смотровую площадку. Мы приезжали сюда, когда моя сестра ещё в школе училась, но впоследствии власти оборудовали более навороченную местность в паре километров езды отсюда, туристы стали приезжать туда, а здесь остановку запретили из-за менее безопасных условий. Ходили слухи, что на этом месте даже несколько человек погибли, упав в пропасть.

Алиса ведь выбрала это место неслучайно?

Постепенно девушка успокаивается и выбирается из моих объятий, вытирая лицо от слёз.

— Извини, я испачкала твою футболку, — хрипло говорит Алиса.

— Да черт с ней, с футболкой, — отмахиваюсь я. — Ты как? В норме?

Она неоднозначно пожимает плечами.

— Прости, я не должна была... — начинает оправдываться девушка. — Как-то само получилось.

— Не смей извиняться, — перебиваю её я. — Всем нам нужен выход эмоций. Всё нормально. Ты не должна держать всё в себе.

— Угу, — кивает она и, повернувшись к обрыву, делает маленький шаг к пропасти.

— А вот этого делать не стоит, — опять хватаю Алису за руку.

— Я не собираюсь прыгать, не переживай, — бесцветно бросает она.

— Тогда что ты делаешь?

Алиса опускается на землю и садиться прямо в платье на камни, а затем тянет меня за руку вниз, и я располагаюсь рядом.

— Артём, ты как-то уже спрашивал меня о том, как умерли мои родители, — начинает она. — Так вот моя мама умерла здесь.

Я замираю от её слов, не ожидав услышать ещё одно откровение за вечер.

— В Сочи?

— Прямо здесь, Артём, — девушка указывает рукой вниз. — Она сорвалась на этой смотровой площадке и камнем упала вниз.

— Алиса, — произношу я и сжимаю её руку, выражая свою поддержку, показывая, что я рядом и готов выслушать, — мне очень жаль.

— Мне тоже, — глухо отзывается она.

— Несчастный случай? — рискую уточнить я.

— Официально — да.

— А на самом деле?

— Никто не знает. Когда это произошло, я была дома. Следователь намекал на самоубийство, но моя мама не была к такому склонна. Ничего, ни одна вещь, ни одна деталь не указывала на её суицидальные наклонности.

— Что же заставило следователя выдвинуть такую версию?

— Она оставила мне письмо, в котором говорит, как сильно меня любит.

— Предсмертная записка?

— Так посчитал следователь.

— А что думаешь ты?

Девушка долго молчит.

— Я не знаю, — наконец, произносит она, явно не договаривая, и поднимается на ноги.

— Ты думаешь, что её убили? — высказываю предположение.

— Я не знаю, — повторяет Алиса и идёт к машине.

Узнавая о девушке всё больше и больше, у меня появляется всё больше и больше вопросов к ней. Ещё в самом начале нашего знакомства было понятно, что у неё огромное количество тайн, но только сейчас я начинаю чувствовать их непомерный объём.

Хочется просто взять и спросить обо всём напрямую, а если она не ответит добровольно, то заставить всё рассказать во что бы то ни стало. Если же и это не поможет, то обратиться к Андрею за помощью, чтобы он пробил Алису от и до.

Но внутри что-то подсказывает, что такие мои действия отпугнут девушку. После них она может просто взять и исчезнуть, и почему-то я не сомневаюсь, что у неё получится это

идеально — так, что даже Андрей со всеми своими связями не сможет её отыскать.

Что же мне делать? Надавить и постараться выведать все секреты или довериться интуиции и ждать, пока Алиса захочет рассказать обо всё сама?

— Хочешь я займусь делом твоей мамы? — предлагаю ей я, когда мы отъезжаем от места трагедии.

— Нет, не хочу, — тут же отказывается девушка. — Это было давно, я не хочу ворошить прошлое. Раз следователь так решил, значит так и есть.

И я выбираю интуицию, решив не давить, а добиться её доверия.

* * *

Резко просыпаюсь и открываю глаза. Что это было? Я точно слышал крик. Это было во сне или наяву? Прислушиваюсь, но меня встречает пустая тишина. Видимо, всё-таки приснилось.

Переворачиваюсь на другой бок, закрываю глаза и, когда уже почти проваливаюсь в сон, опять слышу вскрик.

Женский.

Алиса?

Встаю с кровати и бегу в её спальню.

Одеяло валяется на полу. Алиса лежит на самом краю кровати, свернувшись в позе эмбриона и закрывая голову руками, как будто девушку избивают со всех сторон, а она стремится защитить хотя бы её.

— Не надо, пожалуйста, — еле шепчет она и стонет. — Отпустите...

Сажусь на краешек кровати и склоняюсь над девушкой. Господи, да она вся в поту! Что за ужасы ей снятся?

— Алиса, — касаюсь плеча девушки и немного терблю. — Это всего лишь сон. Просыпайся!

Она тут же открывает глаза, резко садится и отползает как можно дальше от меня, будто маленький зверёк, загнанный в угол сильным хищником. Встречаюсь с её взглядом и вижу только ужас.

— Это был просто сон, — мягко произношу я и медленно подвигаюсь к ней. — Это я, Артём. Тебе ничего не угрожает.

К девушке приходит осознание происходящего, ужас из её взгляда пропадает, но его место занимает безграничная усталость. Я аккуратно её обнимаю и прижимаю к себе. Чувствую, как бешено колотится её сердце и не думая тормозить. Тогда я начинаю гладить Алису по спине.

— Ты в безопасности, — шепчу на ушко девушке. — Здесь, со мной, ты в безопасности.

Через какое-то время сердцебиение Алисы приходит в норму, дыхание успокаивается, и она отстраняется от меня, образуя между нами дистанцию.

— Я разбудила тебя? — спрашивает девушка, я в ответ киваю. — Прости, я не хотела, мне приснился кошмар.

Мне вспоминается день нашей встречи и слова, сказанные врачом после осмотра Алисы: «на лицо признаки сильного переутомления, недосыпа и стресса». Не эти ли кошмары послужили причиной того состояния девушки? Или они сами являются последствием чего-то ужасного?

— И часто тебе снятся такие сны?

— Нет, — отвечает Алиса слишком поспешно. — Наверное, это навеяно мыслями о

маме.

Опять не договаривает. Может быть, сегодня её кошмары и правда навеяны воспоминаниями о матери, но о том, что снятся они нечасто, Алиса врёт.

— Ты пробовала как-то с ними бороться? — перехожу сразу к делу, если она пока не хочет честно о них рассказывать — пусть не рассказывает, но предложить возможное решение я обязан.

— Нет, — качает головой.

— Если хочешь, я могу поискать специалиста для тебя, который поможет с ними справиться.

— Я... — начинает говорить, и я вижу, что девушка сразу хочет отказаться, но в последний момент меняет своё решение, и я радуюсь ещё одной маленькой победе по завоевыванию её доверия. — Спасибо, Артём, я подумаю об этом.

Поднимаю с пола одеяло и кладу его рядом с Алисой, затем внимательно осматриваю её с ног до головы и, удостоверившись, что девушка уже в порядке, встаю с кровати.

— Тогда я пойду, а ты постарайся ещё поспать, — произношу я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — потерянно отвечает она, слегка кивая.

Смотрю на девушку ещё несколько секунд, а затем всё-таки иду к выходу из комнаты, но у самой двери неожиданно слышу её тихую мольбу.

— Тём, а ты можешь поспать здесь, со мной, пожалуйста? — робко просит.

Я застываю на месте, думая, не послышалось ли мне, оборачиваюсь и ловлю на себе её пытливый взгляд. Значит, не послышалось.

— Да, хорошо, — киваю я, соглашаясь.

Возвращаюсь к кровати, ложусь рядом с девушкой и накрываю одеялом нас обоих. Алиса поворачивается ко мне спиной, отодвигаясь к краю. Недолго думая, я обнимаю её одной рукой и притягиваю к себе, девушка не протестует.

— Спи, Алиса, ты в безопасности, — шепчу ей на ушко. Дожидаюсь её размеренного дыхания и только после этого позволяю себе уснуть с мыслью о том, что всё именно так, как и должно быть.

* * *

Утром не сразу понимаю, где нахожусь, а потом воспоминанию произошедшее ночью, поворачиваю голову и утыкаюсь лицом в спящую девушку. Такую Алису перед собой я вижу чуть ли не впервые — расслабленную, беззащитную, хрупкую. Сейчас нет того барьера, который она постоянно выстраивает между нами. Сейчас она совершенно беззащитна и открыта.

Протягиваю руку и, еле касаясь её кожи пальцами, нежно веду по лицу девушки. Она не шевелится и продолжает предаваться царству морфея. Хочется любоваться её спокойствием вечно. Хочется всю её зацеловать, оставить себе и никому не отдавать.

Довожу пальцем до её скулы и останавливаюсь, замечая большие круги под её глазами. Это всё ещё последствия нашей ночной прогулки или у неё постоянные проблемы со сном? Почему я раньше их не замечал?

Убираю руку и сжимаю её в кулак, чтобы не позволить сейчас себе лишнего. Нужно дать ей выспаться, пусть отдыхает и набирается сил, ей явно это необходимо после ночи, полной кошмаров. Тихонько поднимаюсь с кровати, закрываю шторами окна, чтобы утреннее солнце не мешало девушке спать, идвигаюсь к выходу из комнаты. Уже в дверях оборачиваюсь и задерживаю на ней взгляд.

Кажется, я сделал именно то, что поклялся ей не делать.

Я влюбился.

Алиса (34)

Просыпаюсь и не понимаю, сколько сейчас времени. В комнате темно. Всё ещё ночь? Но почему я тогда чувствую себя такой отдохнувшей и посвежевшей? Шторы закрыты, но сквозь них немного пробивается солнечный свет. Нахожу телефон и смотрю время. Ого! Сейчас полдень! Как же я проспала так долго и без кошмаров?

Поворачиваюсь к другой половине кровати и чувствую знакомый терпкий мужской запах. Его запах. Аромат безопасности... Касаюсь рукой всё ещё мятой от его головы подушки.

Так это был не сон? Артём и правда приходил ко мне ночью, и я попросила его остаться со мной? Он лёг рядом и крепко обнял меня, а я всё это ему позволила и совершенно спокойно уснула, не опасаясь моих уже ставших давно привычными ночных гостей — кошмаров?

Что же я натворила?

Но я так хорошо и спокойно спала, совершенно без снов, что мой организм уже всячески оправдывает собственное поведение. Мне нужен был здоровый сон и полноценный отдых.

* * *

Артёма нахожу на кухне. Он сосредоточенно работает за компьютером за столом с большой чашкой ароматного кофе.

— Привет, — робко здороваюсь я, привлекая его внимание.

— Доброе утро, соня, выспалась? — Тёма тут же поднимает голову и лучезарно мне улыбается.

— Кажется, да, — смущенно отвечаю я, не ожидая такого теплого приёма.

— Я взял на себя смелость и заказал тебе завтрак на свой выбор, — продолжает Скворцов как ни в чем не бывало. — Ты же не имеешь ничего против кофе и сырников? Можно заказать что-то другое, но доставка займёт время, а...

— Я люблю сырники, — перебиваю его я. — Спасибо, Артём.

— Тогда присаживайся, завтракай, а мне нужно немного поработать, — с такими словами он освобождает стол для меня и уходит в гостиную.

Когда я уже заканчиваю с едой и допиваю кофе, Артём возвращается и садится напротив меня. Напрягаюсь, понятия не имею, чего от него сейчас ожидать. Наверняка, он попытается расспросить меня ещё раз о моих кошмарах, а я не смогу ему ничего ответить.

Но мужчина никак не комментирует произошедшее ночью, и я ему благодарна за это.

— Через полтора часа нас ждёт Богдан в ресторане, — сообщает он.

— Ты согласился на сотрудничество с ним?

— Да, — кивает Артём. — Я дозвонился отцу, тот сказал, что между моим дедом и семьей Казанцева и правда был какой-то конфликт много лет назад. Дед не признавал свою вину, но я знаю, что он никогда не признавал свою вину ни в чём, поэтому я думаю, самым правильным решением будет оставить всё позади и наладить связи с Богданом.

— Мудрое решение, — произношу я, а про себя добавляю «хотелось бы и мне всё оставить в прошлом».

— Составишь мне компанию и послушаешь его извинения?

— Да, конечно, — соглашаюсь я, не раздумывая.

— Ты не обязана, если не хочешь...

— Нет, мы заварили эту кашу вместе, значит и играть продолжим вместе.

* * *

Всю дорогу, пока мы едем к месту встречи с Богданом, Артём отвечает на различные рабочие звонки, и даже у ресторана, остановившись и припарковавшись, Скворцов продолжает разговор и не торопится выходить. Я же уже устала от обрывков его рабочей речи и вылезая на улицу, чтобы понежиться на солнышке.

И это его отпуск? Теперь мне абсолютно понятно, почему его называют трудоголиком. Даже в заслуженные выходные Скворцов вынужден решать какие-то рабочие вопросы и моменты.

Слышу хлопок двери.

— И это ты называешь отдыхом? — скептически бросаю я.

— Не спрашивай, — вымученно говорит он. — Это я всего лишь решил утром немного разгрести почту, а затянулось надолго... Написал сообщение Дэну, что на сегодня я уже не при делах. Добавил, что продолжаю переговоры с Казанцевым, тем более что так и есть. Надеюсь, больше ничего моего вмешательство не потребует.

Артём окидывает взглядом мой образ ещё раз. Первый раз он рассматривал меня ещё дома, как только увидел, но не успел ничего сказать, так как у него зазвонил телефон.

На мне одет брючный костюм светло-серого цвет. Раз у нас что-то вроде деловой встречи, решила, что это будет идеальным вариантом. Хоть в нём и немного жарковато, это не проблема, в ресторане должен быть кондиционер.

— Это ведь то, на что ты потратила мои деньги за день до отлета? — спрашивает он, на что я, улыбнувшись, киваю. — Я рад, что оставил тебе карту. Прекрасно выглядишь.

— Спасибо, ты тоже ничего, — на Скворцове черный классический костюм — не очень правильный выбор для жаркой летней погоды, но мы ведь и не собираемся жариться на Сочинском солнце. — Тратить чужие деньги — то ещё удовольствие.

— Обращайся, — подмигивает мне молодой человек и уже привычно берёт меня за руку.

В ресторан мы заходим вместе. Нас проводят к столику у окна, где уже ожидает Богдан. При виде нас он встаёт с места, обменивается рукопожатием со Скворцовым, со мной вежливо здоровается — я отвечаю ему тем же. Тёма отодвигает для меня стул, и мы все вместе присаживаемся.

— Рад, что вы пришли, — говорит Богдан и сразу переходит к делу, протягивая Артёму папку с бумагами. — Здесь всё, что нужно, заверено и подписано мной по доверенности отца.

Скворцов принимает документы и принимается за их изучение.

— Алиса, — обращается Казанцев уже ко мне, — приношу свои глубочайшие извинения за поведение моего отца. Ему нет оправдания, но надеюсь, вы их примете.

— Уже приняла, — улыбаюсь мужчине, — ещё когда их озвучила Людмила Петровна.

— Мы сами не ожидали от него такой грубости, — продолжает Богдан. — Последнее время отец сам не свой. Думаю, ему не мешает отдых от работы и, возможно, это вправит его мозги на место. Он же воспитывал нас совсем по-другому.

— Богдан, — прерываю его я, — правда, давайте мы просто забудем этот конфликт и не будем его вспоминать. Я не держу зла ни на вас, ни на вашу семью, ни на вашего отца.

— Спасибо, но, если есть что-то, что я или мой брат можем для вас сделать, чтобы

загладить вину, просто попросите, у Артёма есть мой номер телефона.

Как горько слышать такие слова. Настроение сразу портится. Если бы Богдан предложил мне это до того, как я узнала, что Казанцевы знакомы со Звягинцевым, я бы приняла его помощь без раздумий, но сейчас... Сейчас я даже ещё сильнее боюсь рассказать всё Тёме, вдруг всплывут ещё какие-нибудь связи или знакомства уже с его стороны.

— Думаю, это не понадобится, — мягко отвечаю я, сохраняя дежурную улыбку на лице.

Официант приносит нам воду со льдом и лимоном и спрашивает, готовы ли мы сделать заказ. Артём просит подойти попозже, и как только парень удаляется, обращается к Богдану:

— Всё в порядке, так, как мы и договаривались с Марком Юрьевичем изначально.

— Прекрасно, тогда ты принимаешь разрешение и берёшься за проект? — с надеждой в голосе спрашивает Казанцев.

— Да, мы с тобой договорились, — мужчины ещё раз жмут друг другу руки в знак примирения и консенсуса.

— Что ж, тогда надеюсь вы меня простите, но вынужден вас покинуть, — извиняющимся тоном говорит Богдан. — Сегодня предпраздничный день, сокращенные рабочие часы, поэтому надеюсь закончить пораньше и приехать домой пораньше. Обещал детям и жене. А вам желаю хорошего дня и в целом времяпрепровождения в Сочи.

С такими словами Казанцев нас покидает, а мы с Артёмом решаем остаться, полноценно пообедать в ресторане и делаем заказ у официанта.

— Тём, он же твой ровесник, верно? У многих ли из твоих знакомых уже есть семья и дети, как у Богдана?

— Да, на самом деле, не особо, — чуть погодя отвечает Скворцов. — Разве что у Ильи, но он старше меня. У Дэна уже давно не было ничего серьёзного, Андрей тоже пока в гордом одиночестве. Рома вот только с Миленой, но я не знаю, насколько у них всё серьёзно. Они вместе уже давно, но ещё не расписаны.

— То есть у Дениса всё-таки была невеста?

— А ты почему спрашиваешь? — напрягается Артём.

— Просто интересно, — отвечаю, но Скворцов скептически выгибает бровь. — Не знаю, просто у Дэна явно ко мне какая-то неприязнь, мне интересно, откуда у такого отношения ноги растут. Я же ничего плохого ему не сделала.

Молодой человек заметно расслабляется и откидывается на спинку стула.

— Была у него любовь всей жизни ещё в студенческие годы, — рассказывает Артём. — Элина. Хоть Дэн всё и отрицает, но я вижу, что он до сих пор её любит. Если бы уже отпустил, то нашёл бы девушку.

— И почему у них не получилось?

— Да в общем-то схожая история, как у нас с Жанной. Элина из очень богатой семьи, Денис из бедной. В то время у него почти ничего не было. Это сейчас он хорошо зарабатывает и обладает неплохим состоянием. Добился всего сам.

Артёма прерывает официанта, принося наши напитки.

— Дэн не любит о ней говорить, — продолжает мужчина, когда официант удаляется. — Он мне один раз всё рассказал и то по пьяни.

— Он думает, что я охочусь за твоими деньгами, — утвердительно говорю я скорее себе, чем Скворцову.

— Дэн — неплохой человек, но женскому полу он больше не доверяет.

— Как это печально, — задумчиво произношу.

— Но ведь не у него одна проблема с доверием, не так ли? — неожиданно говорит мужчина, а я застываю, не в силах пошевелиться. — Алиса, я всегда готов тебя выслушать и помочь. Ты можешь мне доверять.

— Я знаю, Тём, — тихо отвечаю ему. — Знаю.

Он ещё какое-то время смотрит на меня, надеясь на продолжение, но потом всё-таки сдаётся, поняв, что я не собираюсь ничего ему рассказывать, тяжело вздыхает и отводит взгляд. Артём и не осознает, как много для меня делает, не давя на меня, давая мне время, чтобы заново научиться доверять людям.

Накрываю его руку своей. Он тут же бросает взгляд на наши руки и обхватывает мою ладонь. Немного поддаюсь вперёд и встречаюсь с ним глазами, в которых вижу столько чувств. Поддержку, теплоту и что-то ещё, очень глубокое и проникновенное. Любовь?

— Спасибо, Тём, — благодарно произношу я, — и за ночь, и за всё остальное.

Молодой человек кивает и собирается мне что-то сказать, но нас прерывает звонок его телефона.

— Прости, это Денис, я должен ответить, — извиняющимся тоном говорит Артём. — Он знает, что я на встрече и должен был звонить только в экстренном случае.

— Я так понимаю, что в проведенный день с Лией и Ильей тебе чрезвычайно повезло, что не было ни одного рабочего звонка.

— Ты себе даже не представляешь как, — улыбнувшись, произносит Скворцов и отвечает на звонок. — Да, Дэн. Тебя плохо слышно, подожди, здесь плохая связь, я выйду на улицу.

Артём жестом показывает, что ему нужно выйти, в ответ я киваю, и он выходит из ресторана.

Делаю глоток уже остывшего кофе и вовремя успеваю поставить чашку на стол, так как слышу позади себя до боли знакомый голос, иначе уронила бы чашку, а она вдребезги бы разбилась.

— Лисса??

Алиса (35)

— Лисса, это правда ты? — повторяет голос и передо мной материализуется призрак из прошлого.

Этого просто не может быть. Я думала, что наши пути больше никогда не пересекутся. Что он здесь делает?

— Даня? — хрипло говорю я.

Это точно он. Данила Головин. Те же темные волосы, те же тёмно-синие глаза, тот же шрам над бровью и тот же взгляд человека, повидавшего жизнь, но ещё более тяжелый. Только теперь на нём не те старые выцветшие вещи, а хороший дорогой костюм.

Поднимаюсь из-за стола и кидаюсь ему на шею. В моих глазах уже стоят слёзы. Я одновременно и рада увидеть его, человека, которому я обязана своей жизнью, и мне невероятно стыдно перед ним за то, что косвенно виновата в смерти его друга, о чём он не знает. Я не смогла ему признаться, но воспользовалась его помощью.

Он не ожидал от меня такой эмоциональной реакции, и сначала застывает, но потом всё-таки крепко стискивает в ответ.

Наконец, мы отстраняемся и садимся за стол друг напротив друга. Даня с любопытством меня рассматривает, задерживает взгляд на моих изменившихся волосах, а затем останавливает его на моих глазах.

— Ты так изменилась... — задумчиво-серьёзно произносит мужчина. — Я бы тебя и не узнал внешне, если бы не услышал твой голос. И взгляд совсем другой стал.

— Да, изменилась, — подтверждаю я.

— Как... — Данила на мгновенье запинается, я вижу в его взгляде кучу вопросов ко мне, и он решает задать самый главный из них. — Как у тебя дела, Лисса?

Я вздрагиваю, снова слыша краткую форму собственного имени. Я как будто успела забыть, как оно звучит. Имя из далекого прошлого, имя, которое уже давно мне не принадлежит.

— Прошу, не называй меня так, — немного морщусь. — Сейчас меня зовут Алиса, Алиса Шведова.

Мужчина хмурится и пронзительно на меня смотрит.

— У тебя же не было из-за меня проблем? — аккуратно спрашиваю у Данилы, а сама очень волнуюсь, что могла послужить ещё и причиной сломанной у него жизни, но раз он здесь, значит, наверное, его ничего не коснулось. Следующие слова мужчины именно это и подтверждают.

— Никто не приходил, — отвечает Головин. — Тебя никто не искал. Во всяком случае, у меня. В академии спрашивали о тебе, но нас с тобой вдвоём никто не видел, поэтому со мной никто не общался.

Я удовлетворенно киваю его словам, успокаиваясь.

— Всё ещё скрываешься? — спрашивает Данила немного погодя.

— Всё ещё скрываюсь, — эхом повторяю я за ним и снова киваю.

— И ты уверена, что ничего сделать нельзя?

— Уверена, — отрезаю, давая понять, что на эту тему я разговаривать не собираюсь. — Я в порядке, Дань, правда, в порядке.

В подтверждение своих слов стараюсь улыбнуться, и улыбка получается скромная, но вполне себе искренняя, потому что всё-таки я очень рада его видеть. Головин ещё пару секунд сохраняет серьёзное выражение лица, но потом сдаётся и тоже искренне мне улыбается.

— А как ты здесь? — сыплю на него вопросами. — Какими судьбами?

Ответить он мне не успевает. К нашему столику подходит Артём и недоуменно взирает на нашу пару. Только сейчас я понимаю, что невольно наклонилась к Даниле слишком близко. Тут же выпрямляюсь, возвращаясь к приемлемому расстоянию.

— Алиса? — говорит Тёма, намекая на необходимость дать объяснение сложившейся ситуации. — Ты нас не представишь? Кто этот молодой человек?

— Артём, это мой старый друг, Данила Головин, мы учились в одном университете, но на разных курсах, — представляю их друг другу. — Даня, а это Артём Скворцов, мой... мой хороший знакомый.

Мужчины рассматривают друг друга с подозрением, но затем всё-таки протягивают друг другу руки и пожимают их.

— Приятно познакомиться с кем-то из друзей Алисы, — говорит Скворцов и садится рядом со мной, закидывая руку на спинку моего стула, что не остаётся незамеченным для Данилы, и последний вдруг лучезарно улыбается.

— Мне тоже приятно познакомиться с тобой, Артём, — произносит Головин. — Ты же не против сразу на «ты», раз мы в кругу друзей, правда? Если тебе доверяет Алиса, значит тебе доверяю и я.

Скворцов кидает на меня немного удивленный взгляд, но кивает и соглашается.

— Даня? — у нашего стола появляется беременная девушка маленького роста с большим животом. — Официант сказал, что здесь нет свободных мест. Это твои знакомые?

Миниатюрная брюнетка с большими голубыми-голубыми глазами с любопытством разглядывает нас с Артёмом. Данила встаёт из-за стола и становится рядом с девушкой, обнимая её. Их разница в росте сразу бросается в глаза, он выше неё чуть ли не на две головы.

— Это моя жена, Нина, — представляет Головин нам девушку, а затем представляет ей нас.

— Ого! — восклицает Нина, с любопытством на меня смотря, но в её взгляде нет ни капли ревности, она полностью доверяет своему мужу. — Значит, вы вместе учились! Как интересно! Даня, а ты говорил, что ни с кем из однокурсников не общаешься!

— Я действительно не общаюсь, — спокойно отвечает мужчина. — Наши пути с Алисой давным-давно разошлись, да и учились мы на разных направлениях разных курсов. Но я рад нашей случайной встрече, рад видеть, что у тебя всё в порядке.

— Тогда, может быть, вы к нам присоединитесь за обедом? — неожиданно предлагает Артём и внимательно смотрит прямо на меня. — Уверен, нам есть о чём пообщаться. Что скажете?

Данила и Нина с радостью принимаю приглашение и садятся напротив нас с Артёмом. Официант приносит еду нам, а Головины делают свой заказ.

— Спасибо вам большое, а то я так захотела именно сюда, — благодарно говорит Нина. — Здесь подают божественную рыбу. А нам с малышом очень её захотелось.

— Какой срок? — интересуюсь я, с умилением смотря на пару, видя, как Даня её обнимает.

— Семь месяцев, — довольно отвечает девушка.

— Поздравляю, — тепло отвечаю я и улыбаюсь Нине, а затем обращаюсь к другу. — А что вы здесь делаете? Даня, я думала, после университета ты в Питере останешься.

— Я так и планировал, — объясняет он, — но около года назад мне предложили здесь работу. Мы с Ниной расписались и рванули сюда, распрощавшись с той бездной, в которой росли.

Значит, девушка тоже из того неблагополучного района. Видимо, с Даней они познакомились, когда я сбежала, потому что сегодня я её увидела впервые, а Головин тогда ни разу о ней не упоминал.

— Я очень-очень за вас рада, правда, — произношу я, чуть ли не плача, вспоминая, в каких ужасных условиях рос Головин.

— А где ты работаешь? — подаёт голос Артём.

— Архитектор в «ГлобСтрой», — отвечает мой друг.

— Похвально, — кивает головой Скворцов, восхищаясь. — А ко мне не хочешь перейти? «ГлобСтрой» хоть и новенькие, но конкуренцию на рынке создают хорошую.

— Подожди, так ты тот самый Скворцов, глава строительной компании? — брови Данилы ползут вверх.

— Да-да, это я, — усмехаясь произносит Артём. — Ну так что, перейдешь?

— К сожалению, не могу, — качает головой мужчина, — у меня контракт на пять лет. Артём, твой отец, Александр Петрович создаёт удивительные вещи. Простые с виду, но, на самом деле, такие крутые внутри. Я, как архитектор, прекрасно понимаю, сколько трудов

ему стоит создать каждый из своих проектов.

— Я обязательно передам ему твои похвалы, — говорит Скворцов, а затем тянется в карман и протягивает Головину свою визитку. — Прошу, всё-таки возьми мои контакты на случай, если передумаешь.

— Спасибо, — Данила принимает карточку.

— Алиса, — обращается ко мне Нина, — а чем вы сейчас занимаетесь?

— Преподаю детям рисование, как всегда хотела, — отвечаю я.

— Как это чудесно! Дорогой, раз Алиса твоя знакомая, может быть, отдадим к ней нашего малыша на рисование?

— Думаю, об этом пока ещё рано говорить, — мягко говорит Даня, — пусть сначала родится и вырастит.

Кажется, весь наш обед держится на Нине, которая то задаёт какие-то вопросы мне, то сама рассказывает о себе с Даней. С каждой её фразой я всё больше и больше убеждаюсь, что жизнь друга складывается как нельзя лучше. И я очень за него рада, это меньшее, что ему может предоставить жизнь, заслуживает он гораздо большего, но и то, чем он обладает уже сейчас прекрасно.

О себе я рассказываю в общих чертах то, что Артём и так знает. Нине и Даниле этого хватает, на подробностях они не настаивают.

Артём с Даней даже успевают обсудить какие-то строительные проблемы, но если Головин вполне себе по-дружески общается со Скворцовым, то последний хоть и вежлив, но смотрит на Даню с некоторым подозрением, как будто не до конца ему верит. Я не понимаю, с чем это связано. С тем, что Головин работает на Тёминоного конкурента, или с тем, что Данила — мой друг?

* * *

Я думала на прощание с Даней мы просто друг другу кивнём, так как объятия мне не кажутся уместными при Нине и Артёме, но Головин решает иначе и сам притягивает меня к себе и крепко обнимает.

— Лисса, если тебе нужна помощь, ты всегда можешь ко мне обратиться, слышишь? — шепчет он. — И Артём мне нравится. Я вижу, как он на тебя смотрит. Выглядит искренним и влюбленным. Кажется, ему можно доверять.

Данила отстраняется и протягивает мне свою визитку.

— Держи, напиши мне или позвони, если понадобится, — произносит он для всех.

— Хорошо, — киваю головой, зная, что теперь точно не обращусь к нему за помощью, видя, что у него счастливая семья и беременная красавица-жена. Его в мои проблемы точно втягивать не нужно.

— Чуть не забыл! — восклицает Данила. — Я же забрал все твои картины из академии. Правда, они в Питере остались у друга на даче, но с ними всё порядке. Друг надёжный.

Я не верю свои ушам. Я уже давно распрощалась со всеми своими старыми работами, думала, что они утеряны навсегда, а оказывается, как минимум часть из них Головин забрал.

— Даня, я... — я буквально захлёбываюсь в эмоциях благодарности, не в силах подобрать нужных слов. — Я не знаю, как тебя благодарить, не знаю, что сказать. И, честно говоря, не знаю, когда у меня получится их забрать.

— Не переживай, моему другу на даче они несколько не мешают.

— Спасибо, Даня, спасибо тебе огромное! Как я могу тебе отплатить?

Он вдруг виновато улыбается и переглядывается с женой.

— Подари мне свою картину, — просит Головин.

— Это меньшее, что я могу для тебя сделать. Какую? Наверное, ту с выставки, которую устраивал профессор Калька.

— Нет, — качает он головой и бросает ещё один взгляд на Нину. — Тот, как будто недорисованный морской пейзаж.

— О мой бог! — восклицает Головина, смотря то на мужа, то на меня. — Так это ты его нарисовала! Обманщик! А мне сказал, что всё легально, а ты, оказывается, её без спросу взял! Алиса, твоя картина уже как год висит у нас в гостиной и радует глаза. Потрясающая работа!

Я растерянно смотрю на неё и расплываюсь в глупой улыбке, испытывая эйфорию от того, что моя работа уже успела принести пользу и продолжает её приносить.

— Считай, что она твоя уже как два года, — говорю Дане, а он благодарно кивает, и я правда не понимаю за что, потому что говорить «спасибо» здесь должна только я ему.

— Не пропадай, — бросает Головин напоследок, и они с женой уходят.

Алиса (36)

После встречи с Данилой, мне становится так хорошо на душе. Видя его беременную жену, их взаимоотношения, их взгляды и их любовь, я по-настоящему радуюсь за друга. И в который раз понимаю, что поступила правильно, не ввязывая его в свои дела, не посвящая в свои проблемы.

Мои страхи и паранойя как будто немного отступают и дают вздохнуть свободной грудью. У меня даже слезятся глаза от избытка чувств. Это ведь ещё и первое знакомое лицо за два года — человек, который знает прошлую меня и которого сама я очень рада видеть.

Смаргиваю слёзы, но продолжаю улыбаться.

— Значит, Данила — твой друг? — спрашивает Артём, вырубивая на трассу.

— В своё время он мне очень помог, хотя мы были знакомы всего ничего, и он ничего не был мне должен, — честно отвечаю я.

— И вас больше ничего не связывает?..

— Что? — переспрашиваю я, а когда до меня доходит контекст, начинаю смеяться. — Нет, с Даней мы просто друзья и ничего больше.

— А что он имел в виду под «бездной»?

— В Санкт-Петербурге есть район, который считается самым неблагополучным, — грустнея, объясняю я. — В каком-то смысле это российские трущобы. Даня там родился и вырос.

— Ты тоже там жила?

— Нет, — качаю головой. — Я и понятия не имела о существовании такого ужасного места, пока не познакомилась с Даней.

Некоторое время мы едем в тишине. Я вспоминаю наш с Головиным день знакомства, который закончился так, как я себе даже представить не могла. Наверное, именно тот день и стал отправной точкой, тогда всё и началось. Одно слово, один случайно подслушанный разговор, и моя жизнь перевернулась с ног на голову. Возможно, если бы мы с ним не познакомились, я бы ещё очень долго пребывала в неведении.

— А почему так получилось, что твои работы остались в академии? — вытаскивает меня Артём из мыслей. — Почему ты их не забрала?

— Честно говоря, я об этом даже не подумала. Просто больше не появилась в вузе.

— Из-за смерти отца? — озвучивает мою ложь мужчина.

— Можно сказать и так, — не разубеждаю его я.

— Если хочешь, мы можем забрать твои картины, — неожиданно предлагает Артём. —

Или я могу попросить знакомого их забрать, и он пришлёт их нам.

— Спасибо за предложение, но пусть пока побудут там. Заберу их, когда у меня появится более постоянная жилплощадь.

Скворцов не настаивает.

Обращаю внимание на небо за окном. Утром была солнечная погода, а сейчас сгущаются тучи. Тёма закрыл вверх кабриолета, когда мы ещё только выезжали из дома. Видимо, он смотрел прогноз погоды и правильно сделал. Начинает моросить легкий дождь, но через пару минут он превращается в настоящий ливень, совершенно скрывая солнце.

— У Дениса всё в порядке? — спрашиваю у Артёма. — Ты сказал, что раз он звонит, значит, что-то экстраординарное.

Молодой человек слегка морщится.

— Всё в порядке, но нам придётся вернуться в Москву раньше. Возникли некоторые сложности, решение которых требует моего присутствия.

— Насколько раньше?

— Сегодня вечером или самое позднее завтра рано утром.

Такого срока я не ожидала, и моё хорошее настроение мгновенно улетучивается. В Сочи хорошо, и я думала, что мы задержимся здесь ещё хотя бы на пару дней. Артём ведь сам устроил себе отпуск и предложил мне составить ему компанию. Хотя из соображений безопасности мне, наверное, и правда лучше вернуться в Москву, а с Тёмой постараться контактировать как можно меньше.

Но ведь это будет уже в Москве, а в Сочи я уже успела нарушить всевозможные правила...

— Хорошо, — говорю я, и мой тон сам приобретает разочарованный оттенок. — Мы со всем справились, получили необходимое разрешение и даже успели немного отдохнуть в компании твоих друзей, теперь можно со спокойной совестью лететь в Москву.

— Верно, — бесцветно соглашается он.

* * *

Когда мы заходим в коттедж, Артём получает сообщение от своей секретарши, в котором говорится, что самолёт к вылету будет готов только завтра утром, о чем мне и сообщает мужчина, а затем его опять начинают одолевать рабочие звонки, и он располагается с компьютером в гостиной.

Недолго думая, я решаю искупаться напоследок в бассейне, о чём мечтаю со дня нашего приезда. Никакой дождь не станет для меня помехой. Мысли о том, что завтра наш небольшой отпуск закончится развязывают мне руки.

Не спрашивая у Артёма, достаю из его хранилища бутылочку белого вина, нарезаю сыр, который мужчина тоже заказал утром, беру, на всякий случай, два бокала, располагаюсь у бассейна и в дополнение негромко включаю музыку из колонки, расположенной на улице, но под навесом.

Дождь ещё идёт, но он уже не слишком сильный.

Пусть Артём там себе работает, а я с работы точно отпросилась и считаю, что со всеми своими переживаниями заслужила отдых. Хочется расслабиться и ощутить хоть чуточку того счастья, которым сегодня лучезарно светились Головины.

Дождь прекращается, облака постепенно исчезают, открывая уже синее темнеющее

небо. Половина бутылки вина выпита, я пьяна, но ровно настолько, насколько нужно. Расслабленно плаваю от бортика до бортика бассейна, чтобы не замерзнуть.

Представляю, что у меня всё и правда хорошо, что мне не нужно ни от кого скрываться, что мне не нужно ничего решать и ни о чем думать, что у меня есть человек, который меня любит и оберегает и которого люблю я, что у меня всё хорошо и что я по-настоящему счастлива.

Такая приторно сладкая тягучая ложь, в которой так и хочется раствориться.

Тёма очень много теряет, не составляя мне компанию, и лишь я успеваю об этом подумать, как слышу его шаги, и оборачиваюсь. Он всё ещё в том же костюме, в котором был днём, только уже без пиджака и галстука.

— Как дела? — спрашиваю, замечая уставшее выражение лица Скворцова.

— Лучше не спрашивай, — вымученно отвечает он. — Не замерзла?

— Нет, — улыбаюсь я и киваю головой в сторону открытой бутылки вина. — Я решила, что ты не будешь против, если я немного затрону твои запасы.

— Нисколько, — отвечает Артём и наливает вино во второй бокал.

Скворцов расстегивает несколько верхних пуговиц на рубашке, подворачивает рукава на рубашке до локтя и брюки до колен, а затем садится на край бассейна, опуская ноги в воду. После чего берёт бокал с вином и делает глоток.

— Хороший выбор, — комментирует он, смакуя напиток, и отставляет бокал подальше от воды.

Я подплываю к краю бассейна и располагаюсь рядом с мужчиной, ставя на бортик локти и кладя на них голову. Закрываю глаза и наслаждаюсь. Теплый летний ветерок. Легкий морозящий дождь. Медленная красивая мелодия. Опьянение, дарящее чувство внутреннего спокойствия и расслабления.

Открываю глаза и встречаюсь с потемневшим взглядом Артёма, направленным прямо на меня. Мне резко становится жарко, хотя вода прохладная. Не отводя от меня глаз, мужчина спрыгивает в одежде в бассейн, подходит ко мне вплотную и разворачивает меня к себе лицом. Моё дыхание учащается, сердце бьётся всё сильнее, и теперь уже я сама делаю шаг ему навстречу, забывая обо всём на свете, следуя сильному чувству, и прижимаюсь к его телу, облепленному мокрой одеждой.

Артём ведёт своими руками по мне, одну останавливает на талии и резким движением прижимает меня к себе ещё сильнее. По моей коже пробегает табун мурашек, ноги подкашиваются, и я хватаюсь за его плечи, хотя знаю, что он не даст мне упасть, крепка держа за талию.

Другой своей рукой мужчина ведёт по моей спине всё выше и выше, доходит до шеи, и я начинаю дрожать, едва чувствую там его пальцы. Он медленно перемещает руку на щеку и нежно поглаживает кожу...

Мой туманный взгляд уже давно расфокусирован, единственное, что он ещё может видеть — это всепоглощающую страсть в глазах Артёма.

В моих глазах мужчина видит то же самое.

Опускаю свой взгляд на его безмерно желанные губы, облизываю свои пересохшие, и Артём, не церемонясь, впивается в меня поцелуем со всей своей мужской силой и желанием, как будто изголодавшийся зверь, на грани нежности и жесткости.

Я утопаю в ощущениях, страстно отвечая на каждый его поцелуй, на каждое его вторжение, ведомая силой неистового желания обладать им здесь и сейчас.

Это так прекрасно...

Но мне его так катастрофически мало, хочется больше и больше.

Артём отстраняется, чтобы дать вдохнуть кислород и мне, и себе, перемещает меня немного в сторону, где мельче и одним движением усаживает на бортик. Теперь наши лица на одном уровне.

Он возвращается к моим губам, затем переходит к шее, целует её, оставляя после каждого прикосновения пылающие огненные следы, спускаясь всё ниже, к груди. Я не сдерживаю стон, чувствуя, как горит моя кожа, и захлёбываюсь в ощущениях от его близости...

Никогда и ни с кем я не испытывала ничего подобного.

И сегодня я позволю себе чувствовать всё.

Здесь.

Сейчас.

С ним.

Часть 4. Блеф и штрафные очки. Алиса (37)

Утром, когда я просыпаюсь в объятиях Артёма от громкого противного будильника его телефона, на меня обрушивается осознание произошедшего. Мужчина быстро его выключает, но он уже прозвенел, и я очнулась от сказки, в которой пребывала. Пора возвращаться в жестокую и несправедливую реальность.

Мы быстро собираемся в аэропорт. Пару раз Артём порывается меня поцеловать, но каждый раз я уваливаю, скрепя сердцем, боюсь, что если дам слабину, то сразу сдамся под его напором, а я не могу себе этого позволить. Скворцов хмурится, но ничего не говорит на мою отстраненность.

Через два часа мы уже взлетаем в небо.

Артём пытается меня взять за руку, но я быстро её убираю, не давая ему этого сделать.

— Алиса, что случилось? — серьёзно спрашивает мужчина. — Мы же хорошо провели время, что не так?

— Давай просто всё оставим в Сочи и забудем, как сон, — заталкивая истинные чувства как можно глубже, бесцветно отвечаю, не смотря на него, но он берёт меня за подбородок и поворачивает к себе.

— Я не могу это забыть, — произносит Артём, и я вижу столько любви в его глазах, что уже готова сдаться.

Сжимаю кулаки и впиваюсь со всей силы ногтями в ладони, приводя себя в чувства.

— Артём... — начинаю я, но он меня перебивает.

— Алиса, я знаю, что тебе было хорошо, — продолжает убеждать меня мужчина. — Давай превратим нашу сделку в реальность.

— Нет, — качаю головой, а сама еле сдерживаю слёзы. — Это ничего не значит.

— Что ничего не значит, Алиса? — повышает он голос. — Это ведь не так. Ты не можешь вечно ото всех прятаться. Что тебя останавливает? Почему ты постоянно отгораживаешься? Не только от меня, от всех. Даже от своего друга Данилы. Только мне кажется, что я пробил очередную стену, как ты возводишь новую. Скажи, что мне сделать, чтобы доказать тебе, что ты можешь мне доверять?

Артём даже не представляет, насколько он близок, ему осталось совсем чуть-чуть, чтобы пробить мою тщательно выстраиваемую оборону.

Я не могу, я не могу ему это позволить. Я просто не могу.

Мощной волной меня накрывает новое до этого времени незнакомое чувство. Чувство страха, но совершенно другого уровня. Последние два года я боюсь за свою собственную жизнь, но сейчас я испытываю панический страх за жизнь мужчины, сидящего напротив меня. В моей игре слишком высокие ставки даже для него. Я не могу впустить его в игру. Если умрёт он, я никогда не смогу простить себе это.

Собираю в кулак всю свою силу воли, представляю, что стою на кону, вспоминаю, как хорошо я умею притворяться. Да, перед Скворцовым мои способности всегда дают слабину, но сейчас у меня нет выбора. На кону его собственная жизнь. Надо сразу дать ему понять, что между нами ничего не может быть.

— Артём, кажется, это ты чего-то не понимаешь, — жестко чеканю я, не отводя от него ледяного взгляда. — Я не отгораживаюсь от тебя. Я тебя не подпускаю и никогда к себе не подпускала. Если тебе когда-то казалось иначе, это твои проблемы. У нас с тобой как была сделка, так она и осталась, и я не знаю, сколько ещё раз я должна тебе это повторить, чтобы ты, наконец, это понял и запомнил раз и навсегда. То, что произошло между нами вчера, было просто удовлетворением общей потребности, а не плодом симпатии и любви. Мы либо доигрываем нужный тебе спектакль по изначальным правилам, либо прощаемся навсегда. Выбор за тобой.

С каждым моим словом взгляд Скворцова сначала становится всё более удивленным, а потом начинает ожесточаться всё больше и больше, и к концу моей тирады превращается в такой же ледяной, как у меня.

— Я тебя услышал, — цедит он сквозь зубы.

Резко отворачиваюсь к окну, чтобы не видеть его жестокость и отголоски разрывающей на осколки внутренней боли в его глазах, чтобы не выдать своих собственных подлинных чувств — собственной раздирающей боли, за то, что вынуждена причинять ему такие страдания.

Больше мы не произносим друг другу ни слова.

* * *

Артём заказывает две машины. На одну указывает мне, во вторую садится сам и уезжает, не прощаясь. Я забираюсь в свой автомобиль, называю адрес и не выдерживаю. Слезы ручьём начинают течь по щекам, я не успеваю их вытирать, появляются всё новые и новые. Внутри так больно, так холодно, так плохо.

А если наплевать на всё, приехать к нему и признаться в своих истинных чувствах? Возможно, нам даже удастся найти совместное решение без потерь, если только меня не найдут раньше...

Такси оплачивать не приходится, Скворцов уже позаботился. Я бы не смогла сейчас это сделать. Как в забытии с белой пеленой перед глазами и чемоданом в руках поднимаюсь в съёмную квартиру и в ужасе застываю на пороге.

От шока я даже перестаю плакать.

Все мои вещи перерыты. Платья, футболки, штаны, нижнее бельё — всё валяется на полу. Все шкафчики открыты, чемодан выпотрошен. Мольберт повален набок, вокруг него разорванный ватман... Краски перевернуты, некоторые открыты и вытекают на пол...

Меня нашли.

Мне конец.

Страх накрывает с головой, и я падаю в обморок.

Алиса (38)

Чувствую резкий неприятный запах, закашливаюсь и открываю глаза.

— Слава богу, — выдыхает знакомый голос, — очнулась.

Передо мной на корточках сидят возрастная хозяйка квартиры и Наташа. Что они здесь делают? Почему я до сих пор нахожусь в этой квартире?

— Ты как? — обеспокоенно спрашивает Кольникова. — Вызвать скорую?

Последнее слово снова срабатывает для меня как триггер. Я резко сажусь.

— Нет, — мотаю головой. — Я в порядке. Скорой не надо.

Женщины помогают мне подняться на ноги и усаживают на стул. Я недоуменно на них смотрю.

— Что произошло? — тихо спрашиваю.

— Ради бога прости меня, — громко обращается ко мне хозяйка квартиры, — это всё моя вина. Точнее моего внука. Это он залез в квартиру и устроил такой погром.

— Что? — переспрашиваю я, не понимая, о чем она говорит.

— Алиса, может всё-таки в больницу? — предлагает Наташа ещё раз.

— Нет, я в норме, я не понимаю, почему вы извиняетесь, Тамара Павловна, — устремляю на неё нахмуренный взгляд.

— Алисонька, мой внук наркоман, — виновато объясняет она, — лечиться не хочет. Что мы только с его мамой не делали! Каждый раз он упорно сбегает из лечебницы и начинает искать деньги на новую дозу. Вот и вчера он сбежал, пришёл в эту квартиру и всё здесь перерыл. Уж не знаю, где он взял ключи... Наверное, припрятал давным-давно себе запасной комплект, а мы замки уже давно не меняли. Благо сосед из дома напротив узнал его и схватил. Виктор Петрович в курсе всей ситуации, позвонил мне. Внука в больницу забрали, а я взяла всё, что при нём было и сюда ринулась проверять, не у тебя ли украл.

Мне требуется ещё некоторое время, чтобы осознать, что случилось на самом деле. Значит, меня не нашли. Значит, я ещё пока в относительной безопасности. Только...

Встаю и бегу к тайнику в старом чемодане, не обращая внимания на своих гостей. Опускаю руку, нащупываю предметы, пересчитываю и только после этого выдыхаю. Всё на месте.

— Ты, наверное, это ищешь, — ко мне подходит хозяйка квартиры, протягивает мамино кольцо и конверт с деньгами. О них то я даже не подумала.

— Да, спасибо, — принимаю вещи от Тамары Павловны, заглядываю для приличия в конверт, как будто пересчитываю деньги, но на самом деле мне неважно, сколько там осталось, потому что в полицию я в любом случае обращаться не буду.

— Алиса, я буду тебе очень признательна, если произошедшее останется между нами, — просит хозяйка квартиры. — Со своей стороны могу предложить бесплатное проживание в студии в следующем месяце в качестве моральной компенсации.

— Хорошо, — быстро соглашаюсь я, — мы с вами договорились, только у меня будет ещё одно условие. Замените сегодня замки, пожалуйста.

— Конечно, дорогая! — активно кивает женщина, заметно расслабляясь, заполучив моё согласие. — Сейчас же этим займусь, вызову мастера.

Тамара Павловна выходит в коридор, чтобы позвонить.

— Наташа, а ты что здесь делаешь? — обращаюсь к ещё одной неожиданной гостье. — Как ты тут оказалась?

— Я звонила тебе уточнить конкретную дату, когда ты сможешь выйти на работу, но ответила хозяйка квартиры, сказала, что ты лежишь на полу без сознания, а она не знает, что

делать. Я здесь недалеко живу и быстро прибежала, захватив нашатырный спирт.

— Спасибо, — благодарно киваю девушке.

— Пустяки, — отмахивается она.

Хозяйка возвращается в квартиру и сообщает, что сейчас придёт мастер менять замки. Пока длится вся эта канитель с замками, мы втроём занимаемся тем, что приводим квартиру в порядок. Я пытаюсь протестовать, намекая на возраст Тамары Павловны и положение Кольниковой, но они отмахиваются и продолжают уборку.

Через час квартира уже в полном порядке, замки поменяны, новые ключи теперь есть и у меня, и у хозяйки. На такой ноте она нас покидает, а я предлагаю Нат отплатить за помощь завтраком. Она соглашается.

— Ты разве не должна была вернуться в конце недели? — спрашивает Кольникова, когда мы уже ждём свой заказ в кафе.

— Планы изменились, — кратко отвечаю я, не вдаваясь в подробности.

— Понятно, — кивает она, понимая, что делиться подробностями я не собираюсь. — Тогда, может быть, в воскресенье ты поможешь Феликсу? У нас был объявлен мастер-класс, и записалось человек больше, чем мы рассчитывали. Я переживаю, что он не справится.

— Конечно, — тут соглашаюсь я, — без проблем.

Нам приносят еду и напитки, и я отмечаю, что девушка заказала цитрусовый сок.

— Как твой самочувствие? — спрашиваю у Наташи.

— Все хорошо, — слегка улыбается она, — спасибо, что спросила.

— Слушай, сегодня же выходной, — спохватываюсь я, — я, наверное, помешала твоим планам.

— Не бери в голову, — отмахивается девушка. — Можно сказать ты дала мне возможность свободно вдохнуть. Родители с Филиппом душат своей заботой. Я и рада была сбежать из дома, поэтому это тебе спасибо.

— Значит, вы с ним теперь вместе?

— По-видимому, — пожимает плечами Кольникова.

— Ты не хочешь?

— Я не знаю, Алис, — неожиданно начинает откровенничать девушка. — Мы долго были вместе. Филипп мне очень дорог. Но в итоге разошлись, а потом я встретила одного парня и как-то всё так закрутилось. Только вот беременна я от Филиппа, а тот парень... У нас нет шансов быть вместе.

— Нат... — начинаю я, но она меня перебивает.

— Не надо, давай просто закроем тему, — отрезает она и принимается за десерт. — И будем есть торт.

— Хорошо, — соглашаюсь я, пробуя заказанное мной тирамису, но потом всё-таки рискую затронуть ещё одну скользкую тему. — А как дела со школой? Вы нашли деньги?

Наташа резко поднимает на меня голову и недовольно смотрит, но через мгновение её взгляд смягчается, и она тяжело вздыхает.

— Пока нет, — качает она головой. — Отец начал активно заниматься поиском спонсора, хотя это был его последний вариант. Он не хочет, чтобы кто-то ещё мог принимать решения в отношении школы, но, видимо, других опций уже нет. Думаю, спонсора уж точно удастся найти, но будут ли для папы приемлемы условия предоставления денег — это уже вопрос спорный.

— Надеюсь, всё обойдётся, и вы в итоге окажетесь в плюсе, — поддерживаю Наташу.

— Спасибо, Алиса.

Смотрю на её мрачное выражение лица и решаю переключиться на тему более приятную для нас обеих.

— Расскажешь, что за мастер-класс намечается?

— О, конечно! — воодушевляется девушка и принимается увлеченно говорить о будущем мероприятии.

* * *

Встреча с Наташей помогает мне отвлечься, но как только я переступаю порог квартиры, на меня наваливается смертельная усталость от пережитых утром эмоций. А затем ещё и приходят мысли об Артёме, которые я весь день всеми силами сдерживала.

Только если утром в такси я уже была готова наплевать на всё и признаться Скворцову, то после «обыска» в квартире я как никогда осознаю, что поступила правильно, потому что если бы это был не внук хозяйки, а кое-кто посерьёзнее, то закончилось бы всё совсем по-другому. Пока под удар попадаю только я, но если мой преследователь пронюхает, что Скворцов как-то замешан или просто дорог мне, то закончится всё очень плохо для нас обоих.

Буду продолжать держаться от Артёма как можно дальше. Даже если он всё-таки захочет продолжить авантюру с нашими фиктивными отношениями, я всё равно постараюсь вести себя с ним холодно.

Молюсь лишь о том, чтобы Артём и правда мне поверил и не стал искать обо мне никакую информацию.

Артём (39)

С момента возвращения из Сочи на компанию как будто сваливают всех собак. Проверка за проверкой. Мы еле успеваем отвечать на все запросы государственных органов. Что-то мне подсказывает, что это постарался Марк Юрьевич, чтобы хоть как-то мне насолить несмотря на то, что его собственный сын пошёл навстречу.

Одно было хорошо — находясь по уши в работе, занимаясь очередными проблемами, мне удаётся не думать об Алисе, которая как была для меня загадкой, так такой и остаётся. Я думаю о том, чтобы обратиться к Андрею и попросить его проверить всю биографию девушки от и до, чтобы всё-таки понять, что у неё случилось в прошлом, но Щегольский оказывается вне зоны доступа. Значит, он на каком-то важном задании. Тогда с расследованием Шведовой я решаю повременить, потому что никому другому такое задание я доверить не могу.

Так и проходит время: дом — работа, работа — дом, дом — работа...

Денис замечает моё подавленное состояние, сначала пытается что-то выведать, спросить, но каждый раз я его грубо посылаю, не желая ни с кем ничем делиться, и он отстает, но скорее всего понимает, что примерно произошло.

Мне активно названивают родители, приглашая меня и Алису в гости, каждый раз я стараюсь тактично отказать, ссылаясь на собственную занятость. Я всё никак не могу решить, что делать со всей сложившейся ситуацией, продолжать или нет спектакль.

До нашего разговора в самолете из Сочи в Москву что бы девушка мне не говорила, я каждый раз чувствовал, что она просто от меня закрывается, но на самом деле испытывает ко мне тёплые чувства, но те брошенные ею фразы, тот тон и тот ледяной взгляд выглядели так правдиво, что мне не осталось ничего другого, кроме как поверить её словам. Ведь если я ей противен и совсем не нравлюсь, но продолжаю навязываться, а у нас исключительно

сделка, то могу себе представить, как ей со мной некомфортно.

Но я же не могу настолько сильно ошибаться, правда? Я же помню, как реагировало на меня её тело, я помню, как ей понравилось с моими друзьями, как светилась она от счастья с двойняшками Дроздовых, как прижималась ко мне на заброшенной смотровой площадке и дала волю слезам... Или же она всё это мне только позволяла, а я убедил себя в обратном?

И всё-таки что же у неё произошло в жизни? Любовная драма, о которой она сама рассказывала? Нет, здесь что-то другое. Так повлияла смерть обоих родителей? Нет, тоже не то. Что заставило её бежать из Санкт-Петербурга и бросить все картины в академии так, что она о них даже не вспомнила? Здесь явно что-то помощнее. Возможно, её отца убили на её глазах? Может быть, теперь она важный свидетель, и именно благодаря её показаниям посадили преступника, и теперь она боится расплаты?

Господи, как же сложно и ничего непонятно...

А самое главное должен ли я копаться в её прошлом? Имею ли я на это право, когда Алиса продолжает посылать меня всё дальше и дальше? Или нужно оставить её в покое и уже ни во что не ввязываться? А на свадьбу сестры явиться в гордом одиночестве и игнорировать всех девушек, с которыми захочет меня сватать собственная мать.

Но я не могу. Я не могу просто внять её словам и забыть девушку. Пусть я так мало о ней знаю, но Алиса уже поселилась в моём сердце. И несмотря на все те брошенные в меня слова, мне хочется только ещё больше её завоевать.

* * *

Месяц пролетает незаметно. Я фактически живу на работе, периодически Дэн меня пинками оттуда выгоняет, чтобы я хотя бы поспал пару часов дома и сходил в душ. К концу июля количество проверок, наконец, уменьшается. Никаких претензий к нам никто не имеет. Остается только закрыть отчетный период, и можно будет немного расслабиться.

Я опять набираю Андрея, чтобы попросить проверить Шведову от и до. Он обещает заняться девушкой в ближайшее время, как только закончит с важным заказом, и просит предоставить о ней чуточку больше сведений, а в идеале, чтобы я сфотографировал её паспорт или любой другой документ, удостоверяющий её личность.

В кабинет без стука заходит Новиков и слышит последние фразы моего разговора с Щегольским. Прощаюсь с Андреем переключаясь на Дениса.

— Всё-таки решил узнать об Алисе побольше? — спрашивает он, располагаясь в кресле напротив меня. — Я думал, вы уже закончили ваш спектакль, и каждый пошёл своей дорогой.

Откидываюсь на спинку стула и задумчиво смотрю вверх.

— Дэн, мне кажется, я упускаю нечто очень важное, — тяжело выдыхаю я.

— Ой, да брось, что ты можешь упускать? — говорит Денис. — Ты с такой скрупулёзностью подходишь к каждому рабочему вопросу, разве можешь ты что-то упускать с этой девчонкой?

— Не знаю, — произношу я и тру переносицу, напрягая мозг. — Может именно поэтому и упускаю, потому что это не связано с работой?

— Разве? Ты же всё это затеял именно из-за работы.

— Да, но... На самом деле это уже давно с ней не связано.

— Тём, да ладно тебе, — пытается успокоить меня Новиков. — Девушки приходят и уходят. Не эта Алиса, так будет другая.

— Нет, Дэн, — настаиваю на своём, — всё-таки я что-то упускаю.

— Тогда давай попробуем собрать все факты вместе, — предлагает друг. — Что именно тебе не даёт покоя?

— По факту я почти ничего о ней не знаю, — начинаю перечислять я. — Ни имён её родителей, ни её друзей. Насколько мне известно, Алиса общается с Наташей с места работы, но она познакомилась с ней ещё позже, чем с нами, только когда пришла преподавать в школу. Я знаю, что она потеряла обоих своих родителей. Смерть её мамы вызывает вопросы, про смерть отца она ни слово не сказала. Ещё вся эта канитель с её обучением.

— А что с ним не так? Ты о том, что она отказалась от денег, когда ты предложил ей оплатить университет?

— Её не было в списках поступивших. Ни одной Алисы Шведовой не было в списках поступивших.

— Соврала?

— Я тоже так решил и спросил напрямую. Сказала, что была вольным слушателем. Дэн, вот ты знаешь хоть одного вольного слушателя?

— Значит, всё-таки соврала.

— Нет, — невесело хмыкаю я. — Она там правда училась. В Сочи мы встретили её друга-архитектора. Он подтвердил, что они познакомились в академии. Либо она попросила его соврать, либо я не знаю.

— А друг точно архитектор?

— Да, это Данила Головин, он работает на «ГлобСтрой». Ты сам мне недели две назад заносил информацию о наших конкурентах, в одной из папок было его имя.

— Друг Алисы работает на нашего конкурента? — удивляется Денис.

— Да, но не в этом дело, — отмахиваюсь я. — Они давно не общались. Мы вместе обедали, и тогда я впервые заметил особое поведение Алисы. Головин из какого-то неблагополучного района, он только начал подниматься в своей карьере и да, деньги у него появились, но по его повадкам было видно, что он, скажем так, родился не в богатстве и золоте. На контрасте его поведения и поведения его жены я явно увидел, что Алиса держится совершенно иначе, только осознал я это намного позже. Раньше я так не анализировал девушку.

— Слушай, она же на приёме у Ромы держалась как рыба в воде, — подтверждает Новиков, хмурясь.

— Именно, Дэн. Да, она знает, что такое недостаток денег, во всяком случае на их количество ей точно плевать, но росла девушка при них. Я бы даже сказал в высшем обществе. Алиса прекрасно знает, как и на что нужно потратить финансы, чтобы выглядеть не просто эффектно, а наравне с богачами, и с последними она ведёт себя изумительно, умеет держать удар.

Я замолкаю, пытаюсь переварить выводы, которые только что сделал.

— А ты знаешь каких-нибудь богатых Шведовых? — подаёт голос Денис спустя нескольких минут молчания.

— Нет, даже не слышал никогда. Но мы можем просто о таких людях не знать. Чисто физически знать каждого невозможно.

— Тём, а может это вовсе не её настоящее имя? — выдаёт Новиков неожиданную гипотезу.

— Ты серьёзно? — скептически спрашиваю я. — А зачем ей выдумывать?

— Не знаю, зачем выдумывать именно ей, — с нажимом произносит друг. — Но есть тысяча и одна причина скрывать свою истинную личность. Да те же преступники постоянно так поступают.

— Она не похожа на преступницу, — прерываю я Дэна, перебивая.

— А на кого похожа? — не успокаивается Новиков. — Подожди, ты же видел её документы, да?

Я невольно хмурюсь, пытаюсь вспомнить, видел ли я её паспорт хоть раз, но тщетно, и друг это замечает.

— Артём, ты же такой дотошный, да тебя в офисе иногда ненавидят за твою педантичность в работе, а с Алисой... — Денис резко осекается, неожиданно что-то осознав, его взгляд становится изумленным. — Да ладно! Тём, так ты правда влюбился! Обалдеть! Ты влюбился, поэтому ведёшь себя по отношению к ней по-другому.

— Ладно, — я принимаю решение, не обратив внимания на выпад друга. — На выходных день рождения у мамы. Она ждёт нас с Алисой вдвоём. Думаю, напрямую девушка мне ничего не скажет, но её паспорт я постараюсь найти.

— Пустишь её в свой дом, не будучи уверенным в её настоящей личности?

— Во-первых, уже пустил, а, во-вторых, если бы она хотела мне навредить, уже бы это сделала, у неё было множество возможностей. Я не верю, что она преступница. На следующей неделе ещё и Ленина свадьба, где мы тоже должны появиться вместе. Надеюсь, к этому моменту Андрей дополнит картину.

Алиса (40)

Целый месяц Артём мне не звонит и никак иначе со мной не связывается. И всё это время я хожу потерянная. Именно этого я и добивалась, и теперь должна радоваться, но вместо этого испытываю совсем другое: больно от того, что я причинила Артёму, больно от того, что я причинила сама себе.

Наташа и Феликс замечают моё состояние, пару раз пытаются выведать что же всё-таки случилось, но не получают от меня вразумительного ответа, хотя я думаю, они прекрасно догадываются, в чём дело. В школе я задерживаюсь допоздна, зачастую ухожу последней и закрываю учреждение. Прихожу домой и пытаюсь рисовать, но ни одна из моих работ мне не нравится, в итоге под утро они все оказываются в мусорке.

Кошмары возобновляют своё действие с новой силой, теперь мне снится не только, как избивают меня, а ещё и то, как я смотрю на избиение Артёма и абсолютно ничего не могу с этим поделать, ни прекратить, ни проснуться...

Один раз даже приснилось, будто Скворцова застреливают у меня на глазах. После того сна я не ложилась в кровать три ночи подряд, боясь повторения.

Из-за недосыпа начинаю ошибаться на работе. Коллеги прекрасно это видят, но не ругают меня, а спокойно исправляют, не говоря ни слова. Лучше бы они накричали на меня, пригрозили увольнением и заставили бы взять себя в руки, чем с пониманием относились к ошибкам по причине личной драмы.

Я уже начинаю мириться с тем, что мы с Артёмом закончили спектакль и попрощались навсегда, как одним вечером после своего последнего занятия вижу на дисплее телефона его имя. Трясущимися руками принимаю вызов и подношу трубку к уху.

— Алиса? — произносит он совершенно нейтрально, чем меня удивляет, я ожидала услышать холодный равнодушный тон.

— Да, Артём, — ровно отвечаю.

— Ты сказала, что выбор за мной, — напоминает мужчина наш последний разговор с ним. — Я хочу, чтобы мы доиграли спектакль.

— Хорошо, — кратко отвечаю я.

— Тогда завтра днём мы с тобой идём на день рождения моей мамы, — распоряжается он так, будто между нами не было ни того разговора в аэропорту, ни в целом поездки в Сочи, кажется, мы и правда вернулись к изначальным правилам игры, — время сброшу сообщением чуть позже.

— Хорошо, — также отвечаю ещё раз, и он отключается, не прощаясь.

Что это было? Почему он передумал? Может мне нужно было отказаться?

Прислушиваюсь к своей интуиции, но она молчит.

* * *

Артём заезжает за мной в три часа дня. Вижу его машину в окно, но никак не могу заставить себя выйти. Понятия не имею, чего именно ожидать от сегодняшнего вечера. Мы должны выглядеть влюблённой парой, какими были, когда Тёма знакомил меня со своими родителями больше месяца назад. Я совсем не уверена, что получится, учитывая слишком запутанные отношения между нами.

Три пятнадцать.

Больше я себе точно не могу позволить задерживаться, иначе это будет моветоном, но и заставить себя сдвинуться с места я тоже не могу. Толчком становится звук приходящего сообщения на телефон от Артёма, и я, наконец, собравшись с силами, выхожу из дома, не забыв захватить конверт, размером с листок бумаги.

Сегодня на мне совершенно невинное белое платье в пол на бретельках и босоножки на невысоком каблуке. Артём в бежевых брюках и белой рубашке. Осматривая его уже в машине, я усмехаюсь тому, что мы опять, не сговариваясь, оделись в тон друг друга.

— Привет, — кратко здоровается он и выезжает со двора.

— Привет, — также отвечаю я, не представляя, о чём сейчас с ним разговаривать.

Разглядываю его: за месяц не изменился, разве что пролегли более глубокие синяки под глазами. Он лишь один раз кидает на меня нейтральный, ничего не выражающий взгляд, весь путь сосредоточен на дороге. Чтобы скрасить давящую тишину, включаю радио.

Скворцов тормозит у семейного особняка и останавливает машину около ворот, не заезжая на территорию, где уже стоят несколько других автомобилей — по-видимому, гостей.

— Артём, я не знала, что подарить твоей маме, да и времени было совсем мало, — оправдываюсь я, когда мужчина глушит двигатель. — Надеюсь, она не имеет ничего против собственного портрета.

— Ты нарисовала её портрет? — Скворцов бросает на меня удивленный взгляд.

— Ну да, — смутившись, отвечаю я и приподнимаю с колен конверт.

— Да, прости, не стоило, — виновато говорит Артём. — Я не подумал тебя предупредить. Я ей купил подарок от нас с тобой.

— Тогда не дарить? — теряюсь от его ответа. — Мне как-то совсем неудобно без подарка...

— Черт, — выругивается он, — я не то хотел сказать. Она будет счастлива получить от тебя такой подарок, я уверен.

Киваю, но задумчиво смотрю на молодого человека. Почему-то именно сейчас его вежливое нейтральное совершенно нормальное поведение кажется мне подозрительным.

После того, как я напомнила Артёму о наших «сугубо деловых отношениях» в первый раз, он относился ко мне с холодностью, потом постепенно в его взгляде появлялась теплота. Сейчас же никакой холодности я не наблюдаю. Впрочем, как и теплоты.

Мы сидим в машине, и Скворцов не торопится выходить. Мужчина продолжает сидеть за рулём, смотря перед собой и выстукивая пальцами определённый ритм.

— Артём? — привлекаю его внимание.

— Да? — поворачивает голову ко мне через секунду.

— У нас с тобой всё в порядке? — уточняю я, чтобы успокоить свой подозрительный компас.

— Да, — отвечает Артём, но что-то в его тоне меня напрягает, — изначальные правила. Ты дала мне выбор. Я его сделал. Сейчас на дне рождения мамы притворяемся парой, потом на свадьбе моей сестры через два дня, и после этого действие нашей с тобой сделки заканчивается. Все правильно? Ничего не забыл?

— Все верно, — отвечаю я, не понимая, к чему он ведёт.

— Нет, Алиса, не верно.

— О чём ты?

— Я должен тебе деньги за проделанную работу, — Скворцов берёт в руки телефон и проводит в нём ряд махинаций. — Теперь на той карте, что я тебе дал, лежит твоя плата. Она твоя полностью. Ты вправе распорядиться ей, как считаешь нужным.

— Но мы ведь ещё не закончили... — пытаюсь протестовать, но выходит не очень.

— Алиса, деньги уже твои, а теперь пойдём поздравлять мою маму, мы и так опоздали.

* * *

Любовь Константиновна с радостью принимает подарок и при мне его распаковывает, показывая выполненный мной её портрет гостям.

— Изумительная работа! — восклицает женщина. — Извини, дорогой, но она не пойдёт в твою галерею, а будет стоять у нас в гостиной или спальне. Мы обязаны найти ей место в нашем основном доме, а не в пристройке.

От старшего поколения Скворцовых, как и в прошлый раз, веет теплом, заботой, любовью и настоящей уютной семьёй, я начинаю ощущать сильный стыд за весь обман, устроенный нами с Артёмом, за свою собственную ложь, хоть я и пыталась быть с ними максимально честной, но если рассуждать на чистоту, то молчать или недоговаривать — это тоже своего рода ложь.

Лена тоже ко мне как-то теплее относится. Может быть, сыграло роль устроенное нами шоу на открытии ресторана Лескова, может быть, с ней поговорил Артём и попросил не вмешиваться, может быть, то, что сегодня — важный день для Любови Константиновны, а, возможно, близость свадьбы повлияла на невесту. В любом случае, здороваемся и общаемся мы с ней вежливо и нейтрально, особой враждебности с её стороны я не замечаю.

Меня представляют и другим гостям — несколько супружеских пар возраста родителей Артёма. Они относятся ко мне так, будто я уже стала членом семьи Скворцовых. Мне и очень этого хочется по-настоящему, и я трепещу от подобного отношения ко мне, но в то же время становится стыдно — я здесь лишь притворщица, всё происходящее в этом доме не имеет ко мне никакого отношения, а я всего лишь случайный попутчик или невольный зритель подлинного семейного счастья.

— Скоро подъедет Вениамин Александрович, — объявляет отец Артёма, и все заметно оживляются.

— Лобовский собственной персоной? — удивляется один из гостей. — Неужели, возвращается на родину?

Пытаюсь вспомнить, где я уже слышала эту фамилию. Точно! Он хороший друг семьи Скворцовых, живущий за границей, а ещё он крёстный Лены.

— Насчёт вопроса его возвращения на родину ничего сказать не могу, так как сам не в курсе, но вот насчёт «собственной персоной» заявляю, что, естественно, собственной, да ещё и во плоти, а не по видеосвязи.

— Кстати, — неожиданно восклицает Лена, — он же всё-таки заглянул на минутку на открытие ресторана Олега.

— Правда? — переспрашивает Артём.

— Да, ты его уже не застал. Вы с Алисой ушли раньше. Но передавал тебе привет.

— Как жалко, — грустно улыбается молодой человек.

— Да, — кивает Скворцова. — Я ему сказала, что у тебя появилась девушка. Он так обрадовался за тебя, но расстроился, что у него не получилось познакомиться.

— Сегодня познакомится, — Артём поворачивается ко мне и бросает на меня тёплый взгляд, беря за руку. Тоже рисую на своём лице лучшую из своих влюбленных улыбок ему в ответ — выходит неплохо.

Разговор уходит в другое русло, а я наклоняюсь к Скворцову и шепчу на ухо:

— Почему все так ждут Лобовского? Вы говорите о нём, как о каком-то чуде. Я помню, что ты говорил, что он живёт за границей и редко приезжает в Россию, но всё равно...

— Вот увидишь его и всё поймешь, — также тихо отвечает Артём, чтобы было слышно только мне. — Он правда очень хороший человек. У Вениамина Александровича своя фармацевтическая компания в Германии. Я думаю, ты понимаешь, насколько важна его работа. Особенно для нас. Далеко не все нужные лекарства можно достать в России, а Лобовский может поставить всё, что угодно. Чуть больше двух лет назад он прилетал в Москву и Санкт — Петербург и открыл благотворительный фонд, деньги которого идут на лекарства детям из неблагополучных семей.

— Ого, — только и могу произнести я.

— Да, — кивает мужчина. — Правда, в России не остался, хотя мог бы, у него, насколько мне известно, правая рука в Германии тоже крутой человек — немец. Нынешний муж его бывший жены.

— Муж бывшей жены? — переспрашиваю я, решив, что мне послышалось.

— Да, — грустно подтверждает Артём, — на работе у Лобовского всё хорошо, друзей тоже много, а вот с личной жизнью у него как-то не складывается. Всю свою жизнь любит одну женщину, которая давным-давно выбрала не его, а он всё равно её любит и не может забыть. Хотя Вениамин и женился, и двое сыновей у него есть — только-только школу закончили. Алекс и Миша. Но и до брака со своей бывшей женой, и во время брака, и после развода любил ту самую, которая его отвергла.

— Так любит или любил?

— Любил. Она умерла.

— Ох, — потерянно тяну я, размышляя о судьбе мужчины.

В голове начинает тихонько звенеть тревожный звоночек, но я не могу понять, почему. Фамилию этого человека я точно впервые услышала от Скворцовых. Что привлекло внимание моей интуиции? Что Лобовский был в Санкт-Петербурге два года назад? Но судя по его роду деятельности он не должен быть ни с чем связан... хотя...

В этот момент на веранде, где проходит празднование, появляется человек с огромным букетом лилий в руках и вручает его тут же подскочившей к мужчине Любовь Константиновне.

— Веня, какая красота, — восклицает женщина и принимает цветы, а мне, наконец, удаётся увидеть его лицо.

Я цепенею на месте и с силой сжимаю руками сидение стула так, что белеют костяшки пальцев.

Мы уже с ним встречались.

Тогда, на открытии ресторана Олега Лескова.

Он назвал меня именем моей матери.

Алиса (41)

Дальше я как будто бы становлюсь зрителем фильма, в котором выключен звук. Кажется, Лобовский сначала просто поздравляет Любовь Константиновну словами, потом произносит длинный тост, все чокаются и выпивают шампанское. Я все делаю на автомате, продолжая сохранять непроницаемое выражение лица, молясь, чтобы Артём не стал приглядываться и не заметил моего настоящего состояния. Нужно взять себя в руки и вести как ни в чём не бывало.

Я просто не могу поверить в совпадение, но, неужели, это оно и есть? Человек, по-видимому, хорошо знавший мою мать, оказался хорошим другом семьи Скворцовых. Случайность или тщательно продуманная западня?

Погода сегодня комфортная и совсем не жаркая, мы сидим на веранде на свежем прохладном воздухе, но мне становится нечем дышать.

Алиса, возьми себя в руки! Ты должна доиграть этой шоу до конца, должна верить в совпадения и в то, что Лобовский верит, что между мной и Фионой нет никаких родственных связей, а наше сходство — банальная случайность природы.

Мне удаётся и успокоить отчаянно бьющееся сердце, и спрятать волнения на самом дне своего сознания. Если я верю в свою придуманную легенду, то и все остальные должны в неё верить.

— Вениамин Александрович, хочу представить вам свою девушку, — вытаскивает меня из мыслей громкий голос Артёма. — Это моя Алиса.

Лобовский, уже успевший расположиться за столом через несколько стульев от нас со Скворцовым, поднимает голову и встречается со мной взглядами. Он тут же меня узнаёт.

— Приятно познакомиться, Алиса, — вежливо отзывается он, а затем виновато добавляет. — Такое знакомство мне нравится намного больше.

— Веня, ты знаком с Алисой? — удивляется Любовь Константиновна. — Что же ты раньше её не представил Артёму, они бы уже давно были вместе!

— Что ты, Люба, всё совсем не так, — Лобовский смотрит на меня извиняющимся взглядом. — Я напугал эту красивую девушку на вечере по случаю открытия нового ресторана Олега. Так напугал, что она сбежала от меня на улицу, за что я ещё раз прошу у тебя прощение, Алиса.

Взгляды всех присутствующих обращаются на меня. И я, девушка, которая буквально с детства жила на светских мероприятиях и прекрасно умеет держать себя в обществе, чувствую себя совсем не в своей тарелке.

— Я... — теряюсь на пару мгновений. — Я уже и забыла, Вениамин Александрович. Не стоит и вспоминать о том недоразумении.

— И правда, — кивает Лобовский, соглашаясь.

Наконец, я избавляюсь от повышенного всеобщего внимания к своей персоне и выдыхаю, осознав, что, кажется, пронесло, и этот мужчина уже не смотрит в мою сторону, а что-то эмоционально рассказывает всем гостям за столом.

— Ты не рассказывала, что тебя кто-то напугал тогда, — слышу шёпот Артёма. — Я ведь тогда тебя потерял.

— Не посчитала важным, — пожимаю плечами, не смотря на него.

* * *

— Что ж, раз все в сборе, — громко объявляет Александр Петрович, — то мы с Любой хотим вам всем показать картинную галерею и цветочную оранжерею. В прошлом году мы их немного переделали.

Мы следуем за супругами Скворцовыми и попадаем в рай для глаз художника. В мой рай. Первое место остановки — картинная галерея отца Артёма. И она удивительная. Он смог собрать работы, которые коллекционеры никогда не соглашались ни выставлять на выставки, ни передавать государственным музеям, ни одалживать частным галереям.

Я забываю о своих переживаниях и предаюсь наслаждению искусством. Кажется, все гости уже давно двинулись дальше. Артём что-то у меня спрашивает, но я отмахиваюсь и прошу задержаться здесь подольше. Молодой человек усмехается.

— Я тогда вернусь к гостям, хорошо? — предупреждает Артём и заслуживает от меня лишь кивок — настолько я заморожена творчеством художников.

Я надолго задерживаюсь перед каждым произведением искусства, постоянно отмечая для себя в работе что-то новое, необычное, особенное или просто мне приглянувшееся. Сюда бы Даню, он бы оценил коллекцию по достоинству. Было бы круто уговорить Александра Петровича устроить выставку для всех желающих.

— Алиса? — неожиданно слышу позади себя и оборачиваюсь.

Передо мной стоит Лобовский, а в руках держит белую розу.

— И всё-таки ты очень на неё похожа, — говорит мужчина и смотрит на меня с такой любовью, что невольно я делаю маленький шагок назад, не ожидая взгляда, насквозь пропитанного столь сильным чувством.

— На кого? — дрожащим голосом спрашиваю я, прекрасно зная ответ.

— На Фиону, — с болью отвечает он и на мгновенье прикрывает глаза.

Меня поражает собственная догадка.

— Она и есть любовь всей вашей жизни?

Вениамин Александрович бросает на меня странный задумчивый взгляд, но потом всё же кивает:

— Да, она — единственная любовью всей моей жизни.

Как такое вообще могло произойти? Как такое вообще могло случиться? В какие игры играют рок и судьба? Как так получилось, что я — дочь Фионы и Анатолия, сейчас стою перед человеком, который, оказывается, всю свою жизнь любил мою мать. Случайность или провидение? Знак?

Смотрю на Лобовского, а сама думаю только о том, как давно я не была на могиле мамы, как давно я не вспоминала её, как давно я не разговаривала о ней.

И понимаю, что не могу иначе. Сейчас передо мной, возможно, единственный человек, который помнит её, который может поговорить со мной о ней, который может что-то рассказать о ней. А мне ведь так это нужно. Если я не попрошу его сейчас, то не смогу себе

этого простить никогда.

— Расскажите мне о ней, пожалуйста, — просит сердце.

И Вениамин удовлетворяет мою просьбу.

— Мы познакомились в небольшом баре, — начинает свой рассказ мужчина, предаваясь воспоминаниям. — Она играла на рояле. Белом рояле. Я забрёл туда случайно. Меня вообще не должно было быть в том районе. Но я увидел её и влюбился с первого взгляда. Приходил в бар снова и снова, пока, наконец, не познакомился. Она была удивительной женщиной и фантастически играла на клавишах. Мы начали общаться и сблизились. С каждой нашей встречей я восхищался ей всё больше и больше. Девушка из детдома, но такая добрая, чистая и открытая, совсем не испорченная жизнью. Не представляю, как ей удалось сохранить человечность, несмотря на все невзгоды жизни в приюте.

Лобовский с такой любовью говорит о моей маме, что сердце замирает.

— Что же произошло? — задаю вопрос, потому что не понимаю, как мама могла отказаться от такого мужчины.

— Она выбрала другого, — печально произносит он. — У нас же дальше ночных прогулок и дружбы не дошло. Для меня до сих пор остаётся загадкой, чем ей так приглянулся Анатолий. Но, видимо, любовь зла...

Что-то начинает капать, и я понимаю, что по моим щекам уже давно текут слёзы.

Вениамин поднимает на меня взгляд, и на его лице появляется грустная улыбка.

— Не плачь, — тепло говорит он и протягивает мне белую розу. — Возьми её, и пусть она напоминает тебе о маме.

Я беру розу в руки, но глаза видят совершенно другое. Они вспоминают огромный букет белых роз, который я нашла у мамы на могиле чуть больше двух лет назад. Это он. Это был Лобовский. Именно он оставил огромную охапку цветов, которые отец никогда не дарил маме. Он дарил все остальные цветы, но белые розы — никогда.

В зал быстрым шагом заходит Артём, смотрит на меня и сразу замечает, что я плачу.

— Что происходит? — напряженно спрашивает он.

Я судорожно начинаю вытирать остатки слёз. Вениамин Александрович протягивает мне чистейший белый платок, который я, не задумываясь, принимаю.

— Всё в порядке, Тём, — негромко отвечаю молодому человеку.

— Он опять тебя напугал? — Артём берёт меня за плечи и осматривает.

— Нет, конечно, просто у Вениамина Александровича такая несчастная история любви, — произношу я, скидываю руки Скворцова, поворачиваюсь к Лобовскому и протягиваю ему обратно платок.

— Не стоит, Алиса, — мужчина качает головой, давая понять, что оставляет платок мне. — Да и о несчастной любви не стоит. Я не в обиде, что всё так сложилось.

— Почему? — искренне недоумеваю я.

— Потому что у неё родилась прекрасная дочь с таким же огромным сердцем, если только оно не больше, — говорит Лобовский, не отводя от меня взгляда, полного нежности и любви.

После таких слов я еле сдерживаюсь, чтобы не разреветься ещё раз.

Он знает, кто я такая на самом деле, но решил уважать мой выбор и не выдаст моей тайны.

Артём (42)

Это мой шанс. Пока Алиса в галерее, а остальных гостей родители повели в оранжерею,

я отправляюсь на веранду, где девушка оставила свою сумку. Здесь никого нет, так что я без проблем шарю в клатче, нахожу паспорт, фотографию его и отправляю Андрею.

Гости возвращаются из оранжереи, проходит пять, десять, пятнадцать, двадцать минут, но Алисы всё ещё нет, впрочем, как и Вениамина Александровича. Мне это не нравится, особенно после истории о том, как Лобовский успел напугать девушку. И почему она мне ничего не сказала?

Стоит мне увидеть плачущую Алису, как я понимаю, что волновался не зря. И сколько бы тайн и секретов не было у неё, мне всё равно хочется её защищать и оберегать. Разобравшись в ситуации и приглядевшись к ним, отмечаю, что Лобовский и Шведова нашли общий язык, только у меня такое чувство, что их связывает гораздо большее и что познакомились они, как будто намного раньше.

Правда, не доверять Вениамину у меня нет никаких оснований, а вот в отношении Алисы подозрений полно.

Я жду девушку, пока она приводит себя в порядок в дамской комнате, а затем мы вместе возвращаемся на веранду ко всем гостям.

Завидев нас, мой отец сразу направляется в нашу сторону. Ему важно мнение Алисы о своем детище.

— Как тебе моя галерея? — мягко спрашивает он у неё.

— Александр Петрович, она прекрасна, — восторгается Шведова. — Вы просто обязаны показать её городу, стране, миру — каждому желающему!

— Я подразумевал, что ты именно так и скажешь, — смеется отец. — Что ж, именно так я и поступлю в скором времени. Артём, поможешь с поиском помещения?

— Конечно, пап, — радушно отзываюсь я.

— Алиса! — подлетает к нам моя мама. — Это у тебя белая роза?

— Да, — подтверждает девушка.

— Откуда она у тебя?

— Простите, пожалуйста, мне её Вениамин Александрович подарил, — извиняющимся тоном говорит Алиса, — я и не поняла, что она из вашей оранжереи...

— От Вени? — удивляется женщина. — Эту белую розу тебе подарил Веня?

— Да, — теряется девушка, впрочем, я разделяю её состояние, потому что не понимаю, куда клонит моя мать.

— Я ей подарил белую розу, Люба, — рядом с нами материализуется Лобовский. — Клятвенно прошу прощение, что сорвал.

— Да ладно тебе, сорвал и сорвал, — отмахивается мама. — Я другого не пойму. Ты подарил белую розу Алисе?

— А что в этом такого? — громко задаю вопрос, потому что ощущение, будто под белой розой подразумевается что-то совершенно иное.

— Потому что, — объясняет за мою мать Вениамин, — белые розы я дарил только одной женщине во всём мире. Единственной любви всей моей жизни.

После слов друга семьи девушка прижимает к себе цветок и благодарно улыбается Лобовскому. Что происходит? Что я упускаю?

— Алиса ведь тоже единственная девушка во всём мире для Артёма, не так ли? — продолжает Вениамин. Он произносит это так легко и просто, как будто это самая очевидная вещь на всём белом свете. И самое главное, несмотря ни на что, здесь и сейчас мне кажется, что это верно, как никогда.

Поворачиваюсь к девушке, чтобы посмотреть её реакцию на столь сильное заявление. Алиса совсем не ожидала подобных слов. В её глазах буря из чувств, но ярче всего выделяется страх и кое-что ещё — что-то чрезвычайно сильное, мощное и проникновенное: благодарность, радость, любовь?

— Веня, хватит смущать молодых, — звучит голос матери издалека. — А то ещё спугнёшь или сглазишь!

Алиса тут же отводит от меня глаза и до конца вечера совсем избегает моего взгляда и меня в целом. В машине мы едем в тишине. За всю дорогу она задаёт только один вопрос, который повергает меня в ещё большее недоумение относительно взаимоотношений Алисы и Лобовского.

— Когда мы были у твоих родителей в прошлый раз, — говорит она, — на десерт был апельсиновый чизкейк. Это же рецепт Вениамина Александровича?

— Да, его, — подтверждаю я.

Надеюсь на пояснение такого вопроса и интереса к персоне Лобовского, но девушка молчит, тогда спрашиваю сам:

— А почему ты так им заинтересовалась? Вас что-то связывает?

— Просто он и правда удивительный человек, как ты и говорил, — отвечает Алиса и больше мне не удаётся вытянуть из неё ни слова.

Сейчас я думаю, что поступаю как никогда правильно, проводя собственное расследование, и мне нисколько не стыдно перед девушкой. У неё было множество возможностей обо всём мне рассказать, но она ими не воспользовалась, поэтому теперь я узнаю всё сам.

* * *

Ответ Щегольского не заставляет себя ждать. Он звонит мне на следующий день.

— Тём, доброе утро, прости, — извиняется друг, — что только сегодня с новостями, мог и вчера, но честно скажу, замотался, устал и банально забыл о присланной тобой фотографии.

— Удалось что-то выяснить? — сразу перехожу к делу.

— Вообще-то да, и тебя это заинтересует, — интригует Андрей. — На самом деле никакой Алисы Андреевны Шведовой не существует. Во всяком случае, с теми данными, которые указаны в присланном тобой паспорте.

— И что это значит?

— Это значит, что документы у твоей Алисы, поддельные, — поясняет друг. — И хочу тебе сказать, что подделка очень хорошая. Я её вычислил, только потому что работал в соответствующем отделе в органах. Не буду называть каком, но ты понимаешь уровень.

— А ты можешь выяснить её настоящую личность?

— Знал, что ты попросишь это сделать, и уже запустил процесс, но, честно говоря, видимо, придётся действовать по старинке, а не через программы. Такое ощущение, что кто-то аккуратненько подчистил о ней всю информацию. Предваряя твой вопрос, объясню, что обычно так поступают преступники или люди, участвующие в программе защиты свидетелей. В общем те, кто хотят скрыться. Иногда так делают и просто высокопоставленные лица, чтобы замести о себе компрометирующую информацию. Я постараюсь выяснить, кто она такая на самом деле, но это потребует некоторого времени.

— Неважно, главное выясни, кто она такая, — прошу друга, всё ещё находясь на стадии осознания озвученной им информации. — Андрей, спасибо, я твой должник по гроб жизни.

— Да подожди благодарить, я пока не так много сделал. Вот установлю её личность, тогда и будешь говорить «спасибо».

Кто же ты такая, Алиса, и твоё ли это имя на самом деле?

Алиса (43)

В понедельник после дня рождения мамы Артёма первым делом я отправляюсь в банк и прошу перечислить все деньги с карты в качестве анонимного пожертвования художественной школе Кольниковых. Я смогу обойтись и без них, а вот школа искусств может перестать существовать. Мне сообщают, что деньги поступят на счёт компании в течении следующих трёх дней.

Я и безмерно рада возможности помочь, но и мне немножко грустно, так как из соображений безопасности совсем скоро придётся прощаться со школой, с коллегами, с детьми, которые мне так полюбились.

Остаётся закрыть ещё одно дело — появиться на свадьбе у Лены и Олега вместе с Артёмом, и через пару дней я сбегу, как делаю это обычно, и выберу какой-нибудь совсем маленький неприметный городок.

На работе появляюсь раньше обычного, открываю студию, подготавливаю класс к занятию. Слышу хлопок входной двери и иду посмотреть, кто пришёл. Начинаю чувствовать неприятный запах, сначала совсем незаметный, но с каждым шагом в сторону приёмной запах становится сильнее и неприятнее.

Стоит мне увидеть стоящего в дверях Феликса с шаурмой и кучей соусов, как меня начинает тошнить, и я еле успеваю долететь до туалета, где меня выворачивает наизнанку.

— Алиса? — обеспокоенный голос Миронова из коридора.

— Не подходи! — кричу я, представляя, как меня вырвет ещё раз, если я лишь взгляну на его шаурму.

Что за чёрт?

— Хорошо-хорошо! Не подойду! Но ты там как?

— Всё нормально, — выдавливаю из себя, поднимаюсь с колен, подхожу к раковине и принимаюсь усиленно намывать руки, боясь, что тот запах может появиться в любой момент. — Наверное, отравилась.

— Да? — восклицает Феликс. — А я тут со своей шаурмой.

— Ты тут со своей шаурмой иди на улицу и там доедай, а здесь всё проветри, а то придёт беременная Наташа, почувствует и ей плохо станет.

— Я как-то не подумал. Принято! Иду выполнять! А тебе точно ничего не нужно? Может воды?

— Иди уже, Миронов, Нат будет с минуты на минуту, — и он тут же удаляется.

Я поднимаю голову и внимательно смотрю на себя в зеркало. А я вообще ела сегодня хоть что-то? Чем я могла отравиться?

Погодите-ка, а не задержка ли у меня?

Трясущимися руками достаю телефон, нахожу в нём календарь и принимаюсь считать.

Этого не может быть. У меня задержка. Может просто нервное? Но меня это не успокаивает. Пулей вылетаю сначала из туалета, затем из школы, на ходу бросая Феликсу, что я скоро вернусь. Он что-то кричит в ответ, но я не слышу.

Покупаю тест на беременность, и аптекарь, видя моё состояние, показывает на дверь туалета. Через пару минут я уже сижу на крышке унитаза, сжимая в руке тест, и жду результата.

Если я окажусь беременной... я не имею ни малейшего понятия, что мне делать.

Слегка постукиваю пальцами по тесту, но перестаю это делать, видя, как проявляется результат.

Две полоски.

Я беременна.

* * *

Весь день провожу на автомате, думая совсем не о работе. Пытаюсь составить хоть какой-то план действий на будущее, но получается плохо. Беременность в корни меняет всё. О том, чтобы делать аборт, не может быть и речи. Просто взять и убежать я тоже не могу. По множеству причин, начиная с того, что Артём как отец должен быть в курсе, заканчивая тем, что я совершенно не уверена, что смогу обеспечить и себя, и ребенка.

Домой ноги ведут меня сами, чувствую я себя отвратительно. Я так мечтала о семье и детях, но сейчас не могу даже порадоваться этому. Внутри меня буквально распирает отчаяние.

Уже дома, глубокой ночью, сидя на кухне, я прихожу к единственному верному решению — нужно все рассказать Артёму на чистоту: о том, кто я такая, почему и от кого скрываюсь, почему найти выход практически невозможно и почему скорее всего любое решение проблемы смертельно опасно и для меня, и для него.

Если бы не беременность, я бы просто сбежала и не стала бы ничего рассказывать Скворцову, но теперь ставка слишком высока: на кону стоит уже не только моя жизнь, но и жизнь ещё не родившегося малыша.

Посвящу Артёма во все детали своей жизни и в события двухлетней давности, но уже после свадьбы Лены и Олега, после того как закончится действие нашей сделки, возможно, к тому моменту я что-нибудь придумаю.

После принятия решения меня отпускает. Немного успокаиваюсь уже как минимум от того, что у меня есть наметки план, и невольно начинаю улыбаться, впервые за день позволяя себе порадоваться. Касаюсь живота, а глаза сами наполняются слезами от появления в моей жизни пока ещё очень маленького, но уже меняющего судьбы счастья.

Ради тебя, малыш, я буду верить, что всё закончится для нас хорошо, и сделаю ради этого всё от меня зависящее.

Ради тебя я рискну.

* * *

Утром просыпаюсь с тревожным чувством и решаю, что мне нужна страховка на случай, если всё пойдёт не по плану. Поэтому снова прихожу в школу раньше всех и без спроса пользуюсь компьютером Наташи. Успеваю закончить как раз перед приходом Кольниковой.

Вечером рисую совместный портрет Лены и Олега, получается на скорую руку, остаюсь недовольной результатом, но времени, чтобы перерисовать, у меня нет. Запаковываю его в большой конверт, но не клеиваю.

Я обещала Артёму нарисовать его и не могу так просто забыть об этой просьбе, поэтому достаю портрет молодого человека, которой написала ещё в начале нашего знакомства и упаковываю обе картины вместе, намеренно подправив немного задник портрета Тёмы.

* * *

На свадьбу надеваю нежно-голубое воздушное платье, белые туфли на невысоком каблучке и беру клатч, проверив его перед выходом несколько раз на наличие в нём необходимых мне вещей.

Скворцов снова за рулём, и это меня немного удивляет. Мы же едем на свадьбу его сестры, и он не собирается пить алкоголь? Впрочем, машину всегда можно бросить на стоянке, а домой вернуться на такси.

Артём выглядит очень напряженным. Так сильно волнуется за сестру? Но когда я у него об этом спрашивают, он отвечает, что за неё абсолютно спокоен. Тогда что не так?

Перед выходом из машины в ЗАГС молодой человек спрашивает:

— Ты ни о чём не хочешь мне рассказать?

Мой сердце пропускает удар. Артём уже всё узнал? Но что ему известно и откуда? Но судя по тому, с какой мягкой интонацией он спрашивает, то мужчина не в курсе. Значит просто догадывается или решил перейти к более решительным действиям относительно меня.

— Нет, — говорю я, потому что ещё рано для моих откровений, сегодня точно не день для них. — Пойдём, а то твоя сестра выйдет замуж без тебя.

Скворцов подчиняется.

* * *

Церемония, конкурсы, гуляния — всё проходит очень быстро. Время летит, неумолимо приближая момент истины. Я думала, что мне удастся расслабиться и забыться ещё хотя бы на один день (что послужило ещё одной причиной рассказать обо всём после свадьбы), но оказалась права. Да, я улыбаюсь, да, держусь хорошо, принимаю комплименты и говорю множество пожеланий молодоженам. Но от мыслей и переживаний забываю о бдительности и уже не так внимательно рассматриваю гостей.

Ничего не ем даже не потому, что боюсь токсикоза, а потому что кусок в горло не лезет.

Меня душит плохое предчувствие, но заставить себя уйти я не могу.

В какой-то момент Артём приглашает меня на танец — как раз включают медленную мелодию. Я соглашаюсь. Молодой человек крепко обнимает меня за талию, я кладу руки ему на плечи, а затем и свою голову — ему на грудь. Слышу стук его сердца, и именно он меня успокаивает. Мне удаётся прийти немного в себя и отставить свои волнения подальше.

— Ты сегодня весь день не со мной, — говорит Артём.

— О чём ты? — прикидываюсь, будто не понимаю, о чем он. — Я же здесь, мы с тобой танцуем.

— Физически ты здесь, но витаешь в каких-то далёких местах. Что тебя гложет?

— Слишком много вещей, — расплывчато отвечаю я.

— Ты же знаешь, что ты можешь мне всё рассказать? — шепчет мужчина. — Обещаю, что ни за что не буду осуждать.

Я поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза.

— Знаю, Тём, и давай поговорим обо всём завтра. Сегодняшний день принадлежит всецело и полностью твоей сестре. Не будем его портить, хорошо?

Скворцов мне еле заметно кивает и сильнее притягивает к себе.

Как бы я хотела, чтобы всё было проще, поверь мне.

Я прижимаюсь к нему ещё ближе и крепко обнимаю, стараясь показать этим испытываемые к нему чувства.

* * *

После танца отлучаюсь в дамскую комнату, а когда возвращаюсь, не могу найти Артёма. Видимо, он тоже отошёл. Иду обратно к нашим местам, чтобы немного передохнуть.

— Никогда бы не подумал, что найду тебя именно здесь, — неожиданно шепчут мне на

ухо. — Ты выбрала идеальное место, чтобы от нас спрятаться, Лисса. Как удачно, что одной моей знакомой понадобилась пара на свадьбу Лескова Олега.

Я начинаю дрожать, чем выдаю себя с головой. Меня нашли. Не просто какие-то подчиненный ищейки. Нет. Меня нашел сам Юрий Звягинцев собственной персоной, по совместительству мой бывший молодой человек. Хотя если подумать, он тоже всего лишь подчиненная ищейка.

Почему я его не заметила?

Пытаюсь сделать шаг, но он хватает меня за руку и грубо прижимает к себе спиной.

— Куда собралась, Лисса? — властно произносит он, и я ухом чувствую горячий воздух, выходящий из его рта. — Я тебя больше никуда не отпущу.

— Я просто сбегу, как в прошлый раз, — наконец, обретаю я голос.

В ответ раздаётся его смех.

— Нет, дорогая моя, ты не сбежишь, — уверенно говорит Юра тоном, от которого у меня мурашки по коже, он, как будто убежден на все сто процентов, что я не просто не сбегу, а пойду с ним добровольно.

— Я бы не была так уверена на твоём месте, — выплёвываю я, стараясь унять свои страх и дрожь.

— Правда? — издевательски произносит он. — Тогда я, пожалуй, вместо тебя заберу твоего уважаемого парня. Скворцова Артёма.

Тело прошибает холодный пот, а дыхание учащается.

— Он для меня ничего не значит, — как можно более равнодушно произношу я, ещё надеясь найти выход из сложившейся ситуации.

— А вот твои взгляды в его сторону говорят об обратном. На меня ты так никогда не смотрела, Лисса. Что уж говорить о вашем танце...

— Мне на него абсолютно наплевать, у нас со Скворцовым была просто сделка, которая сегодня закончилась.

— Как интересно! Но это значит лишь то, что ты сейчас без проблем пойдешь со мной, не правда ли? Ты же не думаешь, что весь вечер я просто за тобой наблюдал. Я очень хорошо подготовился. Если не пойдешь ты, то я обязательно придумаю для Артёма что-нибудь интригующее. Или для его сестры.

— Не надо, — прошу я, понимая, что уже неважно, подтверждаю я, что Артём мне дорог, или нет, Звягинцев всё понял и будет мне этим угрожать, впрочем, уже это делает.

— Видишь рядом с Леной Скворцовой сидит мужчина в сером костюме? — продолжает Юра. — Он сейчас махнёт нам рукой.

Найти человека не составляет труда, и я вижу, как мужчина машет нам рукой, как и говорил Звягинцев.

— Это чтобы ты понимала серьёзность моей угрозы, — объясняет Юра. — Ну так что? Что скажешь? Ты или они?

Громко сглатываю.

Меня загнали в ловушку, из которой я не могу выбраться, и виновата в первую очередь в ней я сама. Я знаю, на что они способны, и не хочу, чтобы это коснулось кого-то ещё, но и собой жертвовать я тоже больше не могу. Черт, что же делать?

— Я пойду, — глухо произношу я.

— Умничка, Лисса, ты, наконец, сделала правильный выбор. Тогда идём на выход, тихо и не привлекая внимания.

— Юра, я пойду добровольно, и вы не тронете ни их, ни меня, мы с тобой договорились?

— Показываешь зубки, дорогая, выдвигаешь свои условия. Мне это нравится. Поехали, и они будут в порядке. Он тебя уже давно заждался.

Звягинцев подталкивает меня в спину, я начинаю продвигаться вперед к выходу, оглядываюсь по сторонам и судорожно соображаю, могу ли я сделать что-то ещё. Натыкаюсь глазами на Любовского, который стоит прямо по курсу и с кем-то общается.

Это мой шанс.

Чуть ускоряю шаг и намеренно задеваю его плечо, касаясь рукой пиджака.

— Вениамин Александрович, простите! — восклицаю я. — Я вас не увидела!

— Ничего страшного, Алиса, — отвечает Лобовский, поправляя одежду, а затем обращает внимание на мужчину позади меня. — Не представишь нас?

— Давай без самодеятельности, — шипит мне на ухо Юра.

— Да вот встретила давнего друга, — щебечу я, напяливая на себя свою лучшую улыбку. — Хотим вспомнить былое, пообщаться тет-а-тет. Мы пойдём, Вениамин Александрович.

Звягинцев толкает меня в спину, мы быстро отходим от Лобовского и выходим на улицу. Осталось постараться сделать ещё одну вещь, и от меня уже ничего не будет зависеть.

Артём (44)

После танца с Алисой мне звонит Андрей. Я выхожу на внутреннюю веранду, чтобы принять звонок. Он сообщает, что пока так и не выяснил, кто скрывается под личиной Алисы Шведовой, но зато проследил за деньгами, которые я ей дал. Девушка отправила их в качестве анонимного пожертвования в художественную школу.

Хм, интересно, значит, деньги ей всё-таки не нужны.

Прощаюсь с другом и возвращаюсь в зал, но Алисы не вижу. Всё ещё в дамской комнате? Проходит время, но она так и не появляется, я начинаю волноваться. Звоню девушке, но она сначала не отвечает, а затем и вовсе оператор сообщает, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Проверяю женский туалет, невзирая на приличия, но Алисы там не нахожу. Сканирую взглядом весь зал — её нигде нет. Спрашиваю у Дэна, не видел ли тот её, но друг качает головой.

Мне приходит сообщение с её номера телефона.

«Артём, действие нашей сделки закончилось. Прощай».

Что всё это значит? Она же сказала мне, что хочет поговорить обо всём завтра, потому что сегодня знаменательный день для Лены. Что, черт возьми, происходит?

Начинаю опять звонить девушке, но её телефон уже выключен.

Что же делать?

Замечаю в толпе Лобовского и хочу попытать удачу уже с ним.

— Прошу прощение, что отвлекаю, — обращаюсь к мужчине, прерывая его разговор с женщиной со стороны жениха. — Вениамин Александрович, а вы не видели Алису?

Мужчина тут же напрягается.

— Я видел её в обществе незнакомого мне молодого человека, — отвечает Лобовский. — Алиса сказала, что встретила давнего друга, хочет с ним пообщаться, и они направились в сторону выхода.

— А когда это было?

— Около получаса назад, — взглянув на часы, отвечает Вениамин Александрович.

— А как выглядел мужчина?

— Боюсь, что я не смогу тебе его описать, высокий, темноволосый, да, пожалуй, это всё, что я могу вспомнить, — хмурится Лобовский. — Артём, что-то случилось? Алиса в опасности?

— Нет, всё в порядке, спасибо, — отмахиваюсь я и бегу к выходу.

Естественно, на улице я никого не нахожу.

Черт, что же делать? Неужели, она и правда решила так скрыться, но это совершенно не вяжется с её словами о том, что она не хочет портить моей сестре праздник. Что-то явно стряслось.

Набираю её номер телефона, но мне опять не удаётся дозвониться.

Сажусь в автомобиль и гоню в её квартиру. Хорошо, что решил сегодня всё-таки не пить, как чувствовал, что может произойти что-то неладное.

Поднимаюсь на нужный этаж. Хорошо, что тогда из отеля её отвозил Миша и проводил прямо до студии, теперь я знаю и точный номер квартиры.

Дверь оказывается приоткрыта.

Что-то не так.

Медленно отворяю дверь полностью и захожу в квартиру.

— Алиса? — зову девушку, но тут же осекаюсь.

Здесь всё перевёрнуто вверх дном. Женские вещи, одежда разбросаны по всей комнате. Кровать отодвинута от стены, будто там что-то искали. Один чемодан лежит в открытом виде на кровати, другой валяется на полу в перевёрнутом виде. Что здесь произошло?

В голове проносится мысль о том, что надо вызвать полицию, но я тут же её отметаю. Если у самой девушки поддельные документы, то вызов полиции может закончиться совсем не в её пользу и навлечь беду, но, с другой стороны, разве её внезапное исчезновение и то, что я вижу перед собой сейчас уже не беда?

Господи, но я же всё ещё ничего о ней толком не знаю... Может мне и не стоит совершенно переживать, только почему сердце не на месте, а интуиция кричит о том, что нужно поднимать тревогу?

Неожиданно тишину прерывает звонок моего телефона.

Алиса.

— Алиса, ты где? — взволнованно произношу я в трубку. — Что случилось?

— Артём, понятия не имею, что ты себе там придумал, но у меня всё просто прекрасно, — раздраженно говорит она. — Действие сделки закончилось, и на этом всё, как мы и договаривались. Не звони мне больше. Пока.

— Алиса, что случилось?! — требую я объяснений.

— Артём, а ничего не случилось, — жестко рубит она. — Всё происходит именно так, как и должно быть. Да, было весело притворяться твоей девушкой, но ничего больше нас не связывает. Или ты правда решил, что я в тебя влюбилась? Скворцов, мне нужна птица гораздо более высокого полёта. Извини, но в этом плане я согласна с Жанной. А подарок на свадьбу Лены и Олега, который я забыла у тебя в машине, можешь выбросить на помойку. Там всё равно пустой белый лист бумаги, а не их портрет. Прощай, Тём. Всё кончено.

И она бросает трубку, а когда я пытаюсь снова дозвониться до девушки — «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Алиса не может быть такой же, как Жанна, просто не может быть и всё. Я ведь знаю её,

знаю, что она совсем не корыстная. Если бы она была, как Жанна, она бы никогда не перечислила деньги в школу искусств, тем более в качестве анонимного пожертвования, пожелав остаться неизвестной.

Нет, всё просто не может закончиться именно так. Она просто не могла так искусно притворяться. Что-то точно произошло. И с чем связан весь этот бардак у неё дома? Она сама что-то искала или её обокрали?

Потерянно оседаю на край кровати, пытаюсь придумать хоть какой-то план действий, но в голове полная каша.

Мой телефон снова начинает звонить, и я отвечаю на звонок, не глядя, ожидая снова услышать девушку.

— Алиса?

— Нет, Тём, это Андрей, — раздаётся голос друга. — Что-то случилось? У тебя голос взволнованный.

— Да, — признаюсь я. — Но давай сначала ты. Ты же наверняка не просто так звонишь.

— Да, и ты не поверишь, кто она такая. Фактически ответ на вопрос был на виду с самого начала. Как же я сразу не догадался проверить...

— Андрей, не томи, — прерываю друга. — Говори уже, что выяснил.

— Тём, настоящее имя твоей Алисы — Мельникова Алиссия Анатольевна, — воодушевленно говорит Щегольский, а я напрягаюсь, пытаюсь вспомнить, где уже слышал эту фамилию.

— Подожди, а она не родственница того самого питерского Мельникова?

— Именно. Алиссия — единственная дочь Мельникова Анатолия Афанасьевича, в прошлом магната, а в настоящем мэра Санкт-Петербурга, вступившего в должность два года назад.

Часть 5. Шоудаун. Алиса (45)

2 года и 6 месяцев назад

Профессор Калька спустил на нас сегодня всех собак. Сначала заставил рисовать то, что взбредет в голову, а потом кричал, что мы нарисовали не то, о чем он подумал. Впрочем, все мы прекрасно знаем его манеру преподавания. Один день он злой, всем недовольный с сумасшедшими заданиями, другой — белый и пушистый, помогающий всем нуждающимся.

К сожалению, сегодня у него настроение хуже некуда.

Слава богу, что две спаренные пары под его руководством закончились, и я могу свободно вдохнуть грудью.

Захожу в дамскую комнату и скрываюсь в кабинке, надеясь уловить несколько минут наедине, пока здесь не появились другие студентки, но удача отворачивается от меня, и через пару мгновений я слышу звук открывающейся двери и звонкие женские голоса.

— Нет, ты это видела?! — узнаю голос одной из моей одногруппниц — Оли, та ещё стерва. Честно говоря, понятия не имею, как она до сих пор здесь учится, потому что её работы весьма посредственны. Она неплохо рисует, но в основном копирует чужие стили, в её картинах нет собственной уникальной изюминки.

— Это уже не в первый раз, — отвечает вторая девушка, но её голос мне не знаком.

— Да ладно? Откуда ты знаешь?

— Слушай, я же учусь с ним в параллельной группе, а так как мы архитекторы на пятом курсе, у нас много смешанных занятий. В общем, мы часто с Головиным пересекаемся. Естественно, невозможно не заметить его интерес работами этой блатной стервы. Помнишь

зимой Калька устраивал выставку работ своих студентов?

— Как же не помнить, — недовольно бурчит Оля. — Он же из нашей группы только её работу и отобрал.

Теперь становится очевидно, кого они имеют в виду, говоря о «блатной стерве».

Да, у моего отца много денег, да, он баллотируется на выборах, но это не значит, что он проплатил, чтобы меня взяли в ВУЗ. На самом деле, я самостоятельно без чьей-либо денежной помощи и иных договорённостей поступила на бюджет, и им это прекрасно известно, потому что я получаю стипендию и учусь наравне со всеми.

И я бы точно не сказала, что у меня стервозный характер. Да, я мало с кем близка из университета, но это не значит, что я стерва. Свободно болтаю с одноклассниками в обеденный перерыв или перемену. Просто близкого общения за почти три года учебы ни с кем не сложилось. Разве что с Лизой, мы с ней как-то проект делали вместе. Она после этого стала всегда меня звать на студенческие тусовки, но я на них всё равно не хожу. Одной идти не хочется, а Юра, мой парень, давно работает, и это не в его кругу интересов.

Видимо, в понимании Оли меня уже можно причислять к стервам. С другой стороны, а чего я ожидала? Всегда найдутся завистники, которые будут обсуждать и перемывать косточки.

— Так вот, Даня тогда специально задержался, чтобы обсудить с профессором и саму работу, и художника, её написавшего. Мы были уверены, что после этого он будет к Лиссе подкатывать. Сама понимаешь, Головин же красивый, мускулистый, у меня многие одноклассницы пытаются добиться его расположения, несмотря на его бедность, а он никого к себе не подпускает, вот мы и делаем ставки то на одну девушку, то на другую.

— Ага, конечно, — прыскает Оля. — Где он и где она! Да между ними такая пропасть в социальном статусе. Эта стерва никогда в жизни в его сторону не взглянет, она на нас-то свысока смотрит. И у неё же парень есть.

— Полностью с тобой согласна!

— Лиль, как же она меня бесит! Ты себе даже не представляешь! Меня прямо вымораживает её присутствие.

— Всё настолько плохо? — сочувственно спрашивает подруга Оли. — Просто я с ней никогда не пересекалась — мне сложно судить.

— И не надо тебе с ней пересекаться. Ты всё?

— Да, тушь подправила, идём.

— Лучше бы Даня на меня обратил внимание, а то этой стерве все лавры, — говорит Оля, выходя из дамской комнаты с подругой и захлопывая дверь за собой.

Не будь я выжата как лимон после пар Кальки, я бы скорее всего себя выдала и дала понять однокласснице, что я всё слышала, но сейчас у меня нет ни сил, ни желания с ней разговаривать, а вот личность Данилы Головина меня заинтересовала.

Возвращаюсь в аудиторию за вещами в раздумьях о тайном поклоннике и вижу молодого высокого парня в джинсах и потертой футболке, стоящего перед моей ещё не готовой картиной.

— Привет, — негромко произношу я, останавливаясь рядом с ним. — Я Лисса, автор этого искусства.

— Кажется, меня поймали с поличным, — говорит он, поворачивается ко мне и протягивает руку. — Даня.

Темноволосый парень с тёмно-синими глазами, в глаза сразу бросается маленький

шпирит над бровью, который нисколько его не портит, а лишь добавляет изюминку в образ. Он и правда красивый. Я понимаю, о чем говорили девчонки в дамской комнате. Выбивается только его взгляд — взгляд человека, уже повидавшего очень многое в своей жизни.

— Приятного познакомиться, Даня, — отвечаю на рукопожатие. — Ничего не имею против, смотри, сколько твоей душе угодно.

Парень возвращает свой взор работе и некоторое время молчит.

— У тебя настоящий талант, — в его голове слышны нотки восхищения.

— Да брось, — отмахиваюсь я, — ещё много всего нужно доработать до совершенства.

— Может быть, — уклончиво комментирует Головин. — Но лично меня твои работы трогают до глубины души. Я будто возвращаюсь в далекое беззаботное детство, где царит покой и счастье.

— Рада услужить, — на моём лице расцветает лучшая улыбка, похвалу всегда приятно слышать.

Пока он продолжает созерцать мою работу, я тихонько собираю все свои вещи и внутренне свечусь, а испорченного Олей настроения как не бывало. Может быть, это мой шанс завести новые знакомства? Почему бы и нет? Возможно, после сближения с Головиным, меня станут меньше обсуждать. Да и Даня мне нравится.

Из аудитории мы выходим вместе и болтаем об искусстве. Перескакивая то на одно течение, то на другое. И он, и я горим своим делом, он много всего рассказывает об архитектуре, а я продолжаю сыпать в него вопросами, потому что мне искренне интересно его направление.

Уже на парковке у моего автомобиля я предлагаю его подвезти, потому что не хочется заканчивать разговор, но он отказывается.

— Я просто тебя подвезу, — продолжаю настаивать. — Я хорошо вожу, не переживай, в аварию не попадем.

— Я думал, ты другая, — неожиданно выдаёт Даня. — Высокомерная...

— А меньше надо обращать внимание на слухи, — огрызаюсь я. — Не все люди с деньгами ведут себя как... В общем, ты понял. Да, я ношу дорогую одежду, да, у меня есть машина, которую мне подарил отец, но это совершенно не значит, что я лучше тех, у кого этого нет. Поэтому залезай, сегодня я подброшу тебя, а через пару лет меня будешь подбрасывать уже ты.

Даня всё-таки сдаётся, последний аргумент его убеждает. Он называет свой адрес, и уже в машине мы продолжаем свой разговор. Мне с ним так хорошо, так легко. Я даже забываю о Юре, о том, что обещала ему позвонить, как выйду с пар, о том, что он хотел выбиться с работы и пообедать со мной.

— А ты покажешь мне свои работы, раз я тебя подвожу, — начинаю я, но Даня меня резко перебивает.

— Нет, — безапелляционно произносит он, и легкость, с которой мы разговаривали, улетучивается.

— Обещаю, строго судить не буду, — пытаюсь вернуть веселый настрой разговору, но тщетно.

— Лисса, — твёрдо и немного грубовато говорит он, — спасибо, что подвезла меня. Не уверен, что когда-либо ещё позволю тебе это сделать. И работы свои показывать не буду.

Мне обидно от его враждебного тона, и я замолкаю. У меня нет ни сил, ни желания идти на контакт после грубости Головина. Он тоже молчит. Я полностью сосредотачиваю

своё внимание на дороге.

Навигатор ведет в совершенно не знакомый мне район окраины города, и я с любопытством рассматриваю улицы. На ум приходят слова подслушанного разговора о бедности Данилы. Видно, что район далеко не благополучный. Потрепанные дома, требующие срочного ремонта, валяющийся прямо на дороге мусор. Почему власти ничего с этим не делают? Нужно будет поговорить с папой, — наверняка, в его силах повлиять на сложившуюся ситуацию.

— Нужно было все-таки настоять на своём, — подаёт голос парень. — Чистенькой белой иномарке, как у тебя, здесь не место.

— Мы уже здесь, и я рада, что в итоге вышло именно так, — на глаза попадает девушка, кутающаяся в легкую джинсовку, явно не по погоде, потому что сейчас ранняя весна, ещё снег местами лежит. — Обязательно поговорю об этом с отцом.

Даня издаёт сдавленный смешок.

— Ты думаешь он не в курсе?

— Если бы он был в курсе, я уверена, он бы что-то сделал, — произношу я, отстаивая честь своего единственного живого близкого родственника.

— Ага, конечно, — саркастично бросает Головин, и я поворачиваю голову к нему, чтобы колко ответить, но резко осекаюсь, видя в окно наполовину почерневшее из-за пожара здание школы, из которого выходят ученики. Оно не идёт ни в какое сравнение с той гимназией с новым ремонтом и развитой инфраструктурой, которую заканчивала я.

Мой отец далеко не первый год занимается городскими делами, метя на пост мэра Санкт-Петербурга. Мог ли он и правда быть не в курсе этого места и при этом добросовестно выполнять свою работу?

Я хочу продолжить спор с Даней, но не могу, потому что в чем-то он прав — как минимум в том, что так быть не должно, и, может быть, не все, но часть людей, приближенных к власти, точно в курсе сложившихся обстоятельств и ничего с этим не делают.

Надо поговорить с папой, и он обязательно решит здесь все проблемы.

Навигатор сообщает о прибытии на место назначения, и я останавливаюсь у старенькой пятиэтажки.

— Даня, — меня неожиданно посещает одна мысль, — скажи, ты специально согласился, да? Хотел показать мне свой район? А раз я дочь человека с властью, значит, могу как-то повлиять?..

— Нет, — тихо отвечает он. — Но я совру, если скажу, что меня не посещали такие мысли, пока мы с тобой ехали.

— Я постараюсь сделать всё, что в моих силах.

— Спасибо, — произносит Даня, а затем прощается и выходит из машины.

Слежу за ним, пока он подходит к подъезду, но дверь ему открыть не удастся, она сама распаивается, а из неё прямо на Головина налетает парень. Даня еле удерживается на ногах, а затем ведёт качающегося из стороны в сторону парня к скамейке и что-то ему говорит.

Может ему помощь нужна?

Вылезаю из машины и подбегаю к скамейке.

— Коля, что ты принял?! — кричит Даня, немного трясая парня за плечи.

— Да как о... об... — язык у того сильно заплетается, и ему не удаётся произнести фразу целиком с первого раз, — обы-ы-ы-ч-но.

— Обычно тебя так не шпормит! — голос Головина полон ярости и страха за знакомого.

— Мне... «ф-ф-ф-ф-фламинго» в по-о-о-одарок д-д-д-али...

— Черт, Коля, какой «в подарок»! У тебя голова на плечах есть?

Коля начинает оседать на скамейку и ложится на неё во весь рост, я четко вижу, что его зрачки сильно расширены. Его начинает трясти.

— Каж-ж-ж-ж-ж-жется, мне плохо.

Даня, чертыхаясь, поднимает парня на ноги и сгибает бутербродом, затем проводит ряд каких-то действий, которых мне невидно, так как Головин закрывает собой Колю, а я только и могу, так это сделать пару шагов в их сторону.

— Дань, я вызову скорую, — то ли спрашиваю, то ли утверждаю я.

— Подожди, — запыхаясь, произносит он, и через секунду Колю рвёт прямо перед подъездом. — Ему должно сейчас полегчать.

Так и происходит. Парню становится легче, его позеленевшее лицо на глазах приобретает краски. Зрачки всё ещё расширены, но уже не так сильно.

— Уезжай, а то ещё не хватало, чтобы у тебя машину угнали, — произносит Даня, кивая в сторону моего автомобиля.

— Точно не нужно скорой? — я не могу просто взять и уехать после увиденного.

— Мы справимся, — уверяет Головин. — Это не в первый раз.

Какое-то время я ещё смотрю на Даню, но понимаю, что его взяла. Это его территория, его правила. Такое происходит далеко не в первый раз, он знает, как справляться с такими проблемами, я же совсем не в курсе. Я в прямом смысле чувствую себя здесь белой вороной. Единственное, что я могу сделать — это вызвать медицинскую службу, от которой парень отказывается.

— Если потребуется помощь, любая помощь, Дань, ты всегда можешь ко мне обратиться, — говорю напоследок и сажусь в машину, в который раз за последние полчаса обещая себе поговорить с отцом об этом районе.

Алиса (46)

Домой еду в полном смятении.

По пути мне приходит сообщение от Юры, пишет, что задерживается на работе, но обещает быть на приёме, о котором я совсем забыла. Сегодня важный вечер для моего отца, он будет представлять свою политическую программу во всей красе. Не знаю, насколько правильно спрашивать у отца о неблагополучном районе сейчас, но я просто не могу иначе.

Оставляю машину во дворе нашего загородного дома и трясущимися руками открываю ключами входную дверь. Делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Никогда не думала, что могу воспринять увиденное так близко к сердцу, у меня перед глазами до сих пор стоит трясущийся друг Данилы. Последний раз схожие эмоции я ощущала, когда сестра Юры загремела в больницу с выкидышем.

— Пап? Ты дома? — кричу я на входе.

— Я в кабинете, работаю, — тут же слышится ответ отца из глубины дома. Обычно он задерживается допоздна на работе, и, как правило, ужинаю я в одиночестве, но сегодня из-за важного приема и подготовки к нему он дома с обеда.

Сбрасываю одежду и поднимаюсь в кабинет. Папа сидит за столом и что-то печатает на своём ноутбуке, такой сосредоточенный взгляд, немного напряженное выражение лица, губы, сжатые в тонкую линию, — он так делает всегда, когда обдумывает что-то чрезвычайно важное. На нём строгий костюм, скорее всего после работы он не только не

переоделся, но и не пообедал — так часто случается, если не постоянно.

Я не могу сказать, что папа самый ласковый, самый нежный и самый добрый, но он у меня единственный близкий человек, он всегда старается уделять мне внимание, обдумывает любые мои мысли и просьбы, когда я обращаюсь с таковыми к нему.

Отец предоставил мне самой решать, чем я хочу заниматься по жизни и где я хочу учиться. Он целенаправленно не балует меня, но и не запрещает совершать те или иные покупки, если я могу аргументированно объяснить, зачем мне нужна та или иная вещь. Мы всегда находим компромисс.

Смотрю на него здесь и сейчас, вижу родное лицо и начинаю чувствовать вину за мысли, которые меня посетили у дома Дани. Неужели, я правда усомнилась в работе отца? Он точно в курсе проблем неблагополучного района и, наверняка, в его политической программе уже есть план по его облагораживанию.

— Привет, — легонько стучу по дверному косяку, привлекая внимание папы.

— Привет, Алиссия, — он поднимает голову и улыбается мне уголками губ. — Мне нужно закончить, а потом буду собираться на приём, ты же не забыла?

— Не забыла, — отвечаю я и продолжаю стоять, не отводя глаз от лица папы.

— Ты что-то хотела? — он слегка приподнимает брови.

— Честно говоря, да, — чувствую себя нашкодившим ребенком, который пришёл с повинной к своему родителю, — я хочу у тебя кое-что спросить.

— Конечно, спрашивай, — отец прикрывает крышку ноутбука, показывая, что всё его внимание теперь направлено на меня, — я тебя внимательно слушаю.

— Ты же слышал о районе ...? — объясняю ему о каком месте идет речь.

— Да, — он немного хмурится, напрягается. — Почему ты им интересуешься? У тебя что-то случилось?

— Нет, то есть... — теряюсь я, но быстро беру себя в руки. — Ты же знаешь, в каком он ужасном состоянии? И раз ты баллотируешься в мэры, ты же собираешься это исправить, ведь так? Я в тебе не сомневаюсь, просто, понимаешь...

— Ах, вот ты о чем, — папа тут же расслабляется и откидывается на спинку своего кресла. — Да, я хочу полностью его преобразить, но для этого мне сначала нужно получить пост мэра, чтобы иметь доступ к государственным ресурсам, госпланам и прочим административным вещам.

— Хорошо, пап, — меня наконец начинает постепенно покидать напряжение. — Тогда я проголосую за тебя.

— Ого, — наигранно удивляется он. — Я думал, что обеспечил твой голос себе уже давно.

— Я же должна принять объективное решение, не основанное ни на каких родственных связях, — улыбаюсь я и уже собираюсь покинуть кабинет.

— И всё-таки почему ты вдруг заинтересовалась этим районом? — переспрашивает отец.

— Случайно заехала не туда — навигатор повёл не в ту сторону, — ложь сама срывается с языка. — Ты же знаешь, как они работают. Хотела заехать в новый магазин за красками, а в итоге чуть не заблудилась.

Раньше я никогда не врала папе, но сейчас мне почему-то не хочется с ним делиться ни новым знакомством, ни увиденным.

Он собирается решать проблему с инфраструктурой района, для этого ему нужны деньги

и различные разрешения, которые он и получит, когда станет мэром. Всё логично.

Почему же у меня ощущение, что я что-то упускаю?

— Бывает, — отвечает отец, но я не могу понять, верит он мне или нет. — Ладно, иди собирайся, приём обещает быть длинным и непростым.

— Хорошо, пап, — произношу я и покидаю его кабинет.

* * *

На вечернее мероприятие приезжаю с отцом. Он заходит в зал, а я останавливаюсь у зеркала и проверяю свой внешний вид. Длинное золотистое платье с разрезом на ноге и открытой спиной сидит идеально, темно-медовые волосы собраны в замысловатую причёску, а две слегка закрученные прядки обрамляют лицо, глаза эффектно подчеркнуты вечерним макияжем, на губах — помада пастельного тона. То, что надо.

— Прекрасно выглядишь, дорогая, — оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Юрой Звягинцевым. Его образ идеально соотносится с моим: темный костюм-тройка с золотым платочком в кармане в тон моему платью. Пару дней назад мы с ним специально обговорили свои образы, что делаем всегда перед официальными мероприятиями, демонстрируя всем наши отношения.

Юра подходит ко мне, обнимает меня за талию и оставляет нежный поцелуй на губах.

— Ты будешь царицей вечера, — произносит он, оторвавшись от меня.

— Скорее принцессой, — парирую я, улыбаясь. — Сегодня отец в центре внимания.

— Одно другому не мешает, — Юра берет меня за руку, и мы вместе входим в зал.

Дальше начинается обычный обмен любезностями для высшего общества. То мы подходим к знакомым и заводим светскую беседу, то подходят к нам. Я получаю множество комплиментов своему образу как от женской половины присутствующих, так и от мужской. Некоторые делают комплимент нам, как паре, видя сочетающуюся одежду.

Чувствую себя, как рыба в воде. После смерти мамы отец брал меня практически на каждое такое мероприятие, поэтому данная обстановка мне знакома и абсолютно привычна.

Во время выступления отца я слушаю его очень внимательно. Папа владеет ораторским искусством на отлично, но сегодня он поражает даже меня, превосходя все ожидания.

У него действительно стоящая политическая программа. Я не знаю, какие планы у других претендентов на пост мэра, но сейчас мне кажется, что не может быть ничего лучше целей политической команды папы. Он затрагивает все сферы жизни, охватывает существующие возможности модернизации города и улучшения благосостояния его граждан. Папа делает акцент и на неблагополучном районе, о котором я у него спрашивала пару часов назад.

Пока отец говорит, я то и дело слышу вокруг восторженные отзывы.

— У него такие амбициозные планы! Но я уверена, он сможет их осуществить.

— Да, совершенно точно. Все же слышали, что в прошлом году он сделал для сиротских приютов?

— Да и не только, я знаю, что он стал инициатором строительства новой дороги взамен старой, на которую жалуются последние лет десять, если не больше.

— А его план по улучшению жилищных условий чего стоит!

Когда папа заканчивает свою речь, зал взрывается аплодисментами и овациями, к которым присоединяемся и мы с Юрой.

— Мой будущий тесть — исключительная личность, — шепчет Юра мне на ухо.

— Это ты мне сейчас так делаешь предложение? — поворачиваюсь к нему и

недоверчиво спрашиваю.

С Звягинцевым меня познакомил отец пару лет назад. Они вместе пересекались по работе, когда папа занимался только бизнесом, а в политику лишь планировал пойти. Юра старше меня лет на семь, но нас обоих никогда не волновала разница в возрасте. Сначала мы просто общались, и постепенно это переросло во что-то большее. Через несколько месяцев молодой человек предложил мне стать его девушкой, и я согласилась.

Мы встречаемся чуть больше года, и, наверное, Юре и, правда, пора делать мне предложение, но сама я как-то ни разу об этом не думала, точнее думала, но считала, что до свадьбы ещё далеко. Конечно, я хочу и семью, и детей, но и слишком торопиться не вижу необходимости.

С Юрой мне привычно и спокойно. Я знаю, что могу полностью ему доверять, спрятаться за его мужскую спину в случае чего. Но мне как будто чего-то не хватает. Ещё одного подтверждения его чувств ко мне? Или моего собственного отклика его сердцу? Возможно, именно его предложение и станет недостающим фрагментом.

— Ещё нет, это подготовка, — Юра не отводит от меня глаз. — Ты заслуживаешь большего, и скоро я тебе сделаю такое предложение.

Ничего ему не отвечаю, лишь улыбаюсь, решая подумать о наших отношениях и моём отношении к ним позже.

— Пойдем, нужно поздравить Анатолия Афанасьевича с успешный выступлением, — Звягинцев тянет меня через толпу к моему отцу.

Папа отвечает на вопросы окружающих его людей. Уверенно разъясняет все детали озвученной им политической программы, улыбается и шутит, где это нужно. Рядом с ним стоит его первая помощница Полина, периодически делая пометки в своём блокноте, готовая к любому поручению своего босса.

Отец замечает нас и, закончив отвечать на последний заданный ему вопрос, поднимает руку с раскрытой ладонью, вынуждая повременить с продолжением беседы.

— Дамы и господа, большинство из вас знает, что у меня есть прекрасная дочь, многие из вас не раз её видели, — громко и гордо произносит он. — Но я бы всё равно хотел её представить в столь значимый для меня день.

Папа берёт меня за руку и ставит рядом с собой, а я хоть и привыкла к повышенному вниманию к своей персоне, но всё равно смущаюсь от столь громких слов отца.

— Моя дорогая и горячо любимая Алиссия, — представляет меня он. — Именно она вдохновила меня на то, чтобы как можно раньше заняться улучшением неблагополучного района ...

Зал взрывается аплодисментами, не такими сильными, какие были посвящены моему отцу, но всё равно меня ошеломляют. Я совсем не ожидала, что отец выделит меня таким образом. Беру себя в руки, борюсь со смущением, улыбаюсь и держусь уверенно, как он всегда меня учил. Знаю, что это удаётся мне блестяще, потому что вижу восхищение в глазах Юры, который также аплодирует с остальными зрителями.

— Ты молодец, Алиссия, — отец удовлетворённо шепчет мне на ухо, но на душе отчего-то все равно беспокойно.

Алиса (47)

Домой мы заходим далеко за полночь. Юра предлагал мне поехать к нему, но у меня завтра с утра важные пары, которые не хочется пропускать, а, оставшись у Звягинцева, я скорее всего в итоге всё просплю. Такие казусы иногда случаются.

— Уверена, победа на выборах тебе обеспечена, — говорю отцу, снимая туфли на высоком каблуке, в прихожей нашего загородного дома.

— Спасибо, — тепло отзывается он, тоже разуваясь. — Я очень ценю твою поддержку.

— А как иначе, — поднимаюсь на носочки и целую его в щеку. — Я пойду ложиться спать, поздно уже. Спокойной ночи, пап.

— Сладких снов, дорогая, — кивает отец, и я поднимаюсь к себе.

Меня только и хватает на то, чтобы сходить в душ, умыться и надеть пижаму, а затем я проваливаюсь в сон на своей большой роскошной двухспальной кровати. Но полноценно отдохнуть мне не удастся.

Снится сон, повторяющий сегодняшнюю поездку в район Головина, только заканчивается он совсем по-другому. Данин друг не выкарабкивается, а умирает от нового подарка-наркотика под названием «фламинго». Смотрю на его бездыханное тело, скорчившееся на асфальте, бледное лицо, приоткрытый рот и пустой взгляд, направленный в небо. В руке сжимаю телефон, на экране которого горят цифры службы спасения, но вызов я так и не нажимаю.

— Почему ты не помогла, Лисса? — Дания смотрит на меня обреченным взглядом, он не обвиняет, но чувство вины всё равно накрывает меня с головой. Я должна была вызвать скорую, почему же я её не вызвала?

Экран телефона в руке трескается, его осколки больно впиваются мне в руку, и я просыпаюсь.

Часто и тяжело дышу, в ушах шумит, пытаюсь успокоиться. На это уходит какое-то время, и дыхание приходит в норму. Смотрю на часы — три часа ночи. Могу потратить на сон ещё часа три точно, но прекрасно понимаю, что в таком тревожном состоянии уснуть не получится.

Встаю с кровати и решаю отправиться на кухню, чтобы попить воды или молока с медом, а, может, и съесть что-то сладенькое. Тихонько выхожу из комнаты и замираю на месте, слыша рассерженный голос отца. Я никогда не подслушивала разговоры отца, а если и слышала их, то не вслушивалась и не придавала значение, но сейчас вопреки всему именно этим я и решаю заняться.

— Эдик, мы же с тобой договаривались, что по таким вопросам домой ты мне не звонишь!

Дверь в кабинет отца приоткрыта. Полоска света освещает часть коридора, но не попадает на меня.

— Черт, — ругается папа. — Я тебя понял. Но имей в виду, если в следующий раз не пришлешь сообщение, а позвонишь, будешь уволен.

Воцаряется тишина, пока собеседник отвечает ему по ту сторону телефона. Я же чувствую, как моё сердце скачет галопом от волнения с каждой секундой всё быстрее и быстрее.

— Нет, — шипит отец. — Никаких задержек с поставкой «фламинго» быть не должно.

Стоп, что? Что за «фламинго»? Это просто не может быть тот наркотик, о котором говорил Коля. Наверняка, они разговаривают о чем-то другой, что точно также называется. Например, я точно помню, что есть линейка детского питания «Фламинго», наверняка, они обсуждают его поставку.

Только папа никогда не занимался детским питанием.

Значит, они обсуждают поставку какого-то другого «фламинго». Не наркотиков!

— Так, всё, хватит, буду через двадцать минут на месте, жди, — завершает он разговор и встает со своего кресла.

Мне надо срочно отсюда сваливать, чтобы не быть пойманной, а услышанное буду обдумывать потом. Молниеносно возвращаюсь в комнату, а затем и в кровать, укутываясь в одеяло до самого подбородка.

Мгновенно, и моя дверь приоткрывается, я пытаюсь дышать как можно спокойнее, изо всех сил стараясь не выдать себя. Через пару секунд дверь закрывается, и я слышу удаляющиеся шаги отца, но выбраться из-под одеяла позволяю себе только через пятнадцать минут, задаваясь в голове одним и тем же вопросом.

Что, черт возьми, всё это значит?

* * *

На часах девять вечера, а я всё ещё в Мухе, сижу перед белоснежным мольбертом не в силах ничего нарисовать. День прошел мимо меня, я всё прокручиваю в голове случайно услышанные фразы отца и пытаюсь понять, что всё это значит, но пока так ни к чему конкретному не прихожу. Единственное, что я понимаю наверняка — это то, что сегодня я точно ничего не нарисую, можно смело раскладывать все принадлежности по местам и собираться.

— Лисса? — оборачиваюсь — в дверном проёме стоит Даня в уличной куртке и с рюкзаком за плечами. — Что ты тут делаешь так поздно?

— Рисовала, — отзываюсь я. — Точнее пыталась рисовать.

— Успешно? — он подходит ко мне.

— Как видишь, — указываю на свой чистый мольберт, — не очень.

Даня касается моего плеча, вынуждая остановиться и повернуться к нему.

— Ничего, у всех бывают кризисы, — говорит ободряюще и слегка сжимает мою руку.

— Да, конечно, — бесцветно отвечаю я, возвращаясь к сборам, кризис — это сейчас меньшее из моих переживаний.

— Лисса, — обращается Головин ко мне, когда я уже готова покинуть аудиторию. — Я хотел поблагодарить тебя.

— За что? — смотрю на него в недоумении.

— Я смотрел выступление твоего отца, оно уже висит в сети, — поясняет Даня и тепло улыбается мне. — Там и кусочек с тобой показали. Спасибо, что поговорила с отцом.

Мне совсем не хочется слышать слова благодарности от него. Во-первых, благодарить меня совершенно не за что, а, во-вторых, если мой отец все-таки окажется каким-то образом причастен к наркотикам — чего, естественно, просто не может быть, — то нас скорее казнить надо.

Господи! О чем я только думаю? Папа никак не может быть с этим связан. Скорее он, наоборот, пытается вычислить, кто поставляет этот новый наркотик. Это намного больше похоже на правду. Или в его диалоге «фламинго» значит что-то другое.

— Перестань, — отмахиваюсь я и направляюсь на выход из аудитории, вынуждая парня следовать за собой. — В этом нет моей заслуги. Отец и так собирался заняться твоим районом.

Мы молча спускаемся в гардероб, где я беру свою одежду, выходим на улицу и идём на парковку, на которой стоит моя машина.

Я думала, Головин оставит меня ещё внизу, но он продолжает следовать за мной. Закидываю вещи за заднее сидение, а затем поворачиваюсь к нему, чтобы попрощаться.

Я бы могла предложить его подвезти, но, во-первых, меня посещает спонтанное желание съездить в одно место перед тем, как отправиться домой, а, во-вторых, не уверена, что в этот раз Даня примет моё предложение.

— Хей, — говорит он, прежде чем я успеваю открыть рот, заставляя меня поднять на него глаза, — у тебя всё в порядке?

Парень так искренне на меня смотрит. Невольно мне вспоминается его обреченный взгляд из сна, и я понимаю, что не в силах сказать ему, что у меня всё в порядке, что ему не нужно переживать на мой счет, потому что, честно говоря, это неправда.

Я пожимаю плечами.

Кажется, Данила что-то видит во мне и делает для себя какие-то выводы, а затем произносит то, чего я от него совсем не ожидала, особенно учитывая то, что мы познакомились с ним недавно.

— Вчера ты сказала, что я могу прийти к тебе с любой просьбой, — произносит он. — Знай, что и ты тоже можешь ко мне обратиться, если тебе нужна будет помощь. Я, может быть, и из бедной семьи, но это не значит, что мне нечем помочь. В чем-то я могу дать тебе даже больше, чем любые деньги. Договорились?

Ему хватает моего кивка, и Даня отходит от машины, позволяя мне сесть за руль и уехать. Понимаю, что вела себя с ним не очень вежливо и приветливо, но моя голова занята переживаниями, которыми я не готова ни с кем делиться. Разве что с тем, кто умеет хранить секреты, как никто другой.

Дорога занимает около получаса, на улице уже стемнело, но меня это не останавливает. Нужное мне кладбище открыто для посещений круглосуточно. На парковке уже нет машин, моя белая птичка единственная. Подъезжаю максимально близко ко входу и покидаю автомобиль, оставляя в нём все вещи, в том числе телефон. Не хочется, чтобы что-либо меня отвлекало.

Охрана без проблем меня пропускает, но мой стремительный шаг значительно замедляется, когда я ступаю на территорию первых могил. Периодически встречаются уже зажжённые слабым желтым светом фонари, вокруг стоит мертвая тишина, но она не оглушает, а скорее просто заставляет относиться к мертвым с почтением.

Без труда нахожу нужную мне могилу и застываю, потому что вижу огромный букет белых роз, их точно здесь не меньше ста штук. Он просто прекрасен, от него веет теплотой и любовью. Откуда здесь цветы? Отец никогда не дарил маме белые розы, никогда не приносил их на её могилу, а других живых родственников у мамы нет.

Подхожу к букету и замечаю маленькую записку.

«Прости, к сожалению, правилами кладбища запрещено ставить у могил белые рояли, но я обещаю что-нибудь придумать!»

Почерк мне совершенно не знаком. Кто этот человек? И почему он принёс цветы только сейчас, хотя мама мертва далеко не первый год?

Белый рояль? У нас дома стоял такой. Мама всегда на нём играла.

Убираю записку в карман, подумаю об этом потом, а пока мне нужно решить другой вопрос, как мне кажется, более важный.

Сажусь прямо на землю рядом с букетом и перед маминой могилой. Сегодня на мне практически зимнее пальто, замерзнуть даже сидя на ещё холодной весенней земле не должна, а на грязь и будущие пятна на одежде плевать.

«Мельникова Фиона Викторовна» — в который раз перечитываю хорошо знакомое мне

имя и останавливаю взгляд на фотографии двадцатилетней давности. Мама умерла восемь лет назад, но мы с отцом выбрали старое фото. На нём она по-настоящему счастливая, на всех более поздних снимках тех искренних эмоций мы не нашли.

Тогда я решила, что мы плохо искали, а сроки поджимали и нужно было выбрать уже хоть что-то, но сейчас я думаю, может быть, так и было, может быть, влюбленность в папу была в самом начале брака, а потом исчезла, и мама, на самом деле, не была счастлива в браке с отцом.

— Привет, мам, — здороваюсь с ней. — Я к тебе за советом.

Касаюсь пальчиками её портрета, веду по овалу лица, контуру губ, касаюсь щеки, но вместо теплой живой кожи, ощущаю лишь холодный камень. По щеке катиться одинокая слеза, но я быстро её смахиваю рукой — сейчас не время для рыданий.

— Я услышала то, что слышать не должна была. Я не понимаю, что это значит, но... Мне кажется, это явно что-то нехорошее, в чем замешан папа. Интуиция подсказывает. И... я не знаю, что мне с этим делать. Спросить у отца напрямую? Скажет ли он мне правду, если он совершил что-то незаконное? Но я не хочу в это верить, наверняка я ошибаюсь, потому что папа... он не мог, понимаешь? Мам, почему тебя нет рядом? Ты бы обязательно помогла мне советом или развеяла все мои сомнения.

Какое-то время я сижу молча, прислушиваясь к окружающей тишине, и, наконец, прихожу к решению.

Постараюсь вывести все сама, а потом обращусь к отцу с расспросами, потому что что-то мне подсказывает, что правду мне на блюдечке не принесет даже он.

Встаю и отряхиваю одежду от земли, но не спешу уходить.

— Это же цветы от мужчины, — уверенно произношу я, рассматривая букет. — Мам, кто он? Твой давний поклонник? А отец о нём в курсе? Я бы... я бы хотела с ним познакомиться. Если он знал тебя, я бы спросила его о тебе и попросила бы рассказать, какую тебя знал он.

Продолжаю топтаться на месте, размышляя о том, стоит ли забирать цветы или пусть радуют маму. Отец очень её ревновал, как он отреагирует сейчас на букет поклонника на её могиле? Скорее всего автор записки знал на что шел, когда покупал его.

Оставлю всё, как есть.

Возвращаюсь к машине в более спокойном состоянии, чем когда покидала её. Теперь у меня есть план действий, а это уже многое.

Алиса (48)

Следующие дни я внимательно слушаю разговоры отца, но при мне или дома, когда я нахожусь в другой комнате, он обсуждает только свою политическую кампанию и ничего более. Тогда решаю, что нужно обыскать его рабочий кабинет.

Я знаю, что у нас дома у отца два компьютера. Один стоит на столе в его кабинете. Если папа работает дома, то он всегда пользуется им. Когда я была маленькой, и своего гаджета у меня ещё не было, папа разрешал пользоваться им, но, когда я выросла и у меня появился собственный ноутбук, к компьютеру отца я более не притрагивалась.

Но, на самом деле, у него есть ещё один ноутбук. Небольшой и очень компактный. Он стоит в кабинете у отца в сейфе. Я видела его всего несколько раз в жизни, когда заглядывала к отцу поздно вечером и желала ему спокойной ночи. Он всегда прикрывал на нём крышку или сразу выключал. Так что я даже не знаю, какая картина там стоит на рабочем столе.

Очевидно, что залезть мне нужно именно в ноутбук из сейфа. Осталось придумать только, как это сделать. Нужно подловить момент, когда отец будет работать за ним и под каким-то предлогом вывести его из кабинета.

Черт, а пароль? Наверняка, на компьютере стоит пароль... Надо будет подумать, как разрешить это препятствие...

В какой-то момент обдумывания этого плана я ловлю себя на мысли, что так быть не должно, что то, что я собираюсь провернуть по отношению к собственному родителю — это ненормально. Нужно просто подойти и всё спросить, иначе для отца мой поступок будет плевком в душу. Конечно, только в том случае, если он окажется не причём.

Но что-то глубоко внутри мне подсказывает, что я всё делаю правильно. Интуиция? Раньше она меня никогда не подводила, поэтому я заталкиваю мысли о невинности папы и, как следствие, о моей вине перед ним куда подальше. Сначала попробую всё выяснить самостоятельно, а потом уже и буду разгребать последствия.

Время идёт, а мне никак не выпадает шанса залезть в папин ноутбук. Отец как будто что-то заподозрил, стал осторожнее и теперь дома вообще практически не работает. Возможно, он и берёт ноутбук из сейфа с собой, но мне это никак не поможет. Нужно ждать.

Я посещаю занятия в академии, но мои переживания сказываются на моём творчестве. Рисовать я всё-таки продолжаю, но вот работы выходят всё более мрачные. Даже несколько преподавателей отмечают изменения в настроении моих картин, но говорят лишь, что это может пойти на пользу моему стилю в целом.

Ещё одним человеком, который замечает во мне изменения, становится Даня. Мы немного общаемся в академии, пару раз даже вместе обедаем. Мои одноклассницы даже начинают обсуждать моё новообретенное знакомство и сплетничать на сей счёт, но я игнорирую их выпады, потому что сейчас — это, пожалуй, последнее, что меня заботит. Их разговоры сходят на нет.

С Юрой мы практически не видимся, у него выпадают две командировки подряд, поэтому лишь созваниваемся, но он не замечает никаких изменений ни в моей настроении, ни во мне в целом. Меня это радует, потому что делиться своими мыслями с ним я пока не готова, может быть, потом, когда у меня будут конкретные факты и доказательства.

Что я буду делать, если мои подозрения подтвердятся? Так далеко я пока не загадываю, точнее я даже не могу думать о таком, потому что хоть интуиция и трезвонит о правильности суждений, сердце отказывается в них верить и настаивает на обратном до последнего. Приходится обратиться к поговорке — решаем проблемы по мере их поступления. Иначе боюсь сойти с ума.

А потом происходит то, что повергает меня в ещё большую пучину подозрений и заставляет перейти к более решительным действиям.

Даня не появляется в академии несколько дней, и я начинаю за него волноваться. Его телефон тоже не отвечает. Тогда в один из дней я решаю наведаться к нему.

Бросаю машину у его дома, не думая о предупреждении Головина насчёт «чистых белых иномарок» в этом районе, и подхожу к подъезду, слишком поздно вспоминая, что я даже не знаю квартиры друга.

В этот раз на лавочке у дома сидят две старушки.

— Простите, — обращаюсь к ним, — а вы не подскажете, в какой квартире проживает Данила Головин?

— Данька-то? — говорит одна старушка. — Хороший парень.

— Тоже на поминки, золотце? — спрашивает другая.

Поминки? Какие поминки? Чьи?

— На поминки, — соглашаюсь я, понимая, что это мой билет в подъезд.

— Четвёртый этаж, сорок третья квартира, — отвечает та же старушка. — Бедовый был парень, но пусть земля ему будет пухом.

— Спасибо, — отвечаю я и захожу подъезд.

Пока поднимаюсь, всё думаю о чьих похоронах идёт речь. Даня ведь не мог умереть? Если бы умер, в университете бы знали и объявили всем, или хотя бы его группе, а тогда бы слух и до всех остальных дошёл.

Нахожу сорок третью квартиру и стучу, но мне никто не открывает, тогда решаю попытать удачу сама — не заперто, дверь поддаётся сразу. Захожу внутрь и слышу сиплый хор пьяных мужчин под медленную трагичную мелодию на гитаре. Песня мне незнакома, но поющие её явно хорошо знают.

Тихонько прохожу, но не могу не обратить внимание на квартиру. Очень старая и потрепанная, обои давно отклеились, на потолке видны последствия затопления и далеко не одного... Если вся квартира в таком же состоянии, в котором и коридор, то она уже давно не пригодна для жилья.

Неужели, Даня в таких условиях живёт?

Грустно усмехаюсь сама себе.

А чего я, собственно, ожидала увидеть в таком месте? Становится стыдно.

Подхожу к кухне и слегка заглядываю внутрь. Несколько молодых парней, пару девушек и одна старушка сидят за столом. Среди них замечаю и Даню. На столе две пустые бутылки водки, третья наполовину полная, а также пару тарелок с закусками. Стопки с алкоголем стоят перед каждым из сидящих за столом, и судя по лицам присутствующих и их расфокусированным взглядам они все глубоко пьяны.

Кроме Дани.

Он замечает меня почти сразу и ошеломленно смотрит, как будто размышляя, не привиделась ли я ему.

Когда один из парней предлагает спеть ещё одну песню, а другой парень с гитарой уже начинает играть, Даня, кратко кинув, что скоро вернётся, выбирается из-за стола и движется ко мне, жестом показывая скрыться в коридоре. Я подчиняюсь.

— Ты что здесь делаешь? — шепотом спрашивает он, но не дожидается ответа. — Пойдёт на балкон, там расскажешь.

Головин надевает легкую куртку и ботинки и ведёт меня в общий для жильцов балкон на этаже. На свежем воздухе он повторяет свой вопрос уже в полный голос.

— Тебя не было в академии несколько дней, — объясняю я. — Ты не отвечал на мои звонки. Я начала переживать.

— Переживать? — удивляется Даня, как будто я не волноваться за него начала, а слетала на Луну и вернулась обратно.

— Да, Даня, переживать, — немного раздражаюсь я. — Вообще-то друзья так и поступают, когда один из них на протяжении нескольких дней не выходит на связь.

Он на мгновение теряется, а затем я вижу раскаяние в его взгляде.

— Да, прости, я должен был позвонить или, как минимум, отправить сообщение.

— Проехали. Что у тебя случилось?

Головин отворачивается от меня и облокачивается локтями о перила.

— Случилось, — глухо произносит он. — Коля умер.

— О господи, — хоть я и знала о поминках, но новость всё равно повергает меня в шок. — Это ведь его я видела в прошлый раз, да?

— Да.

— Мне так жаль, Даня, — подхожу к нему ближе и кладу руку на его плечо, стараясь жестом выразить свою поддержку.

— Мне тоже, — отзывается он.

— Как это произошло? — рискую спросить я.

— Передозировка, черт бы её побрал, — зло выругивается Головин.

Какое-то время мы молчим. Я думаю о том, каким молодым был тот парень. Да, он баловался наркотиками, но никто не заслуживает такую смерть и в таком раннем возрасте. Он не виноват в том, что наркотические средства вызывают зависимость, независимо от того, как именно он подсел на них — заставили ли его употребить, или он начал употреблять сам.

— Я могу как-то тебе помочь? — предлагаю свою поддержку Дане.

— Не думаю, — отказывается он. — Тебе лучше уехать. Я ни в коем случае не хочу показаться негостеприимным, но здесь точно не то место, которое я бы хотел показать своим друзьям, и точно не то время. Друзья Коли, тех, которых ты видела на кухне, неплохие, но я бы не хотел, чтобы ты находилась рядом с ними, когда они в таком пьяном виде.

— Хорошо, — сразу соглашаюсь я, но не спешу двигаться к выходу.

— Лисса, — Головин поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза, — спасибо, что приехала и поддержала. Я ценю это.

— Конечно, Дань, я не могу иначе. Если тебе хоть что-то понадобится...

— Не понадобится, но спасибо, — закрывает тему он. — Пойдём.

Молодой человек провожает меня до машины, поздоровавшись со старушками на скамейке. Он осматривает мой автомобиль на наличие каких-то повреждений, но последний оказывается в порядке.

— И всё-таки лучше не приезжай сюда на своей машине, — говорит он. — Или вообще не приезжай.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому молчу.

— Я приду на пары завтра или послезавтра, — продолжает Головин. — Просто, сама понимаешь, нужно было организовать похороны, поминки. У Кольки мать больная, ей самой тяжело всем этим заниматься.

— Бери столько времени, сколько тебе нужно, только не пропадай, договорились?

— Договорились, — кивает он.

Даня наблюдает за мной, пока я сажусь в машину, завожу двигатель, включаю фары, ждёт пока уеду. И, когда я уже готова отъезжать, мне в голову приходит одна мысль. Опускаю стекло и спрашиваю у друга:

— А что он принял?

— Да этот новый препарат, черт бы его побрал, — безрадостно хмыкает Головин, — «фламинго».

Даня делает шаг к забору и со всей силы бьёт по нему ногой так, что тот начинает дрожать.

— А самое главное, знаешь что? — яростно говорит он. — Коля ещё подростком попал не в ту компанию, где его просто взяли на слабо. Тогда он и начал употреблять наркотики,

но пару месяцев назад начал задумываться о том, чтобы завязать. Последней каплей стал именно тот случай, свидетельницей которого ты была, когда он чуть не умер. Коля пообещал и мне, и себе, что в жизни больше никогда не будет пробовать «фламинго».

Даня на мгновенье замолкает.

— И я не знаю, что пошло не так, — отчаянно продолжает он. — Понятия не имею, где он взял наркотик и почему употребил. Не могу не думать о том, что его просто могли заставить.

Вылезаю из машины, подхожу к другу и снова касаюсь его плеча, как тогда на балконе.

— Не надо, Дань, — тихонько говорю ему слова, которые очень хотела бы, чтобы кто-то сказал мне, когда умерла мама. — Его уже не вернуть. Ты должен его отпустить, тогда станет легче.

— А если этот наркотик унесёт ещё чьи-то жизни?

— С этим должна разбираться полиция, но не ты.

— А разберётся ли она, Лисса?

— Должна, — уверенно отвечаю я, чтобы он мне поверил.

А если не разберётся полиция, то это сделаю я, Дань. Я тебе обещаю, но ты не должен из-за этого ставить крест на своей жизни, посвящать его расследованию. Ты и так много натерпелся, всего на всего живя в этом убогом месте. Ты должен выбраться отсюда и наслаждаться жизнью.

Алиса (49)

Через пару дней мне, наконец, улыбается удача. Я бы даже сказала, что я выигрываю джекпот. Поздно ночью отец не просто остаётся работать дома, он достаёт ноутбук из сейфа, а затем и вовсе покидает кабинет. К нам кто-то приезжает, через окно вижу въезжающую на территорию дома машину.

Это мой шанс. Возможно, единственный шанс.

Захожу в кабинет и сажусь за стол перед ноутбуком.

Черт, о пароле я толком и не подумала. Какой он здесь вообще может быть?

Набираю свой день рождения — не подходит, день рождения мамы — не подходит, день рождения отца — тоже мимо.

Лисса, думай! Думай! Какой пароль мог выбрать отец?

Перебираю кучу комбинаций, но ни одна не подходит. Черт! Оглядываю стол в поисках зацепки и натякаюсь на старую мамину фотографию.

А если?..

Ввожу дату смерти мамы и нажимаю «enter». Сердце на миг замирает, потому что если эта комбинация не подойдёт, то мне остаётся только метод случайного подбора.

ДА! Пароль подходит, и я захожу в ноутбук своего отца.

Меня захлёстывает волна адреналина. Меня всю трясет, сердце мчится в бешеном ритме, в ушах гудит. Заставляю себя собраться и закончить начатое.

На экране открыто огромное количество файлов, и я сразу теряюсь, не понимая, с чего начать осмотр. Решаю начать с очевидного: пишу в поисковике файлов «фламинго» и нажимаю поиск. Пока файлы грузятся, прислушиваюсь к дому — тишина, лишь гудение компьютера её нарушает. Видимо, отец встречает ночного гостя на улице.

Как только все файлы прогрузились, открываю первый попавшийся и принимаюсь вчитываться в текст, затем открываю новый и вчитываюсь уже в него, и так ещё несколько. С каждым новым словом, с каждым новым абзацем, с каждым новым документом, сама тьма и

ужас накрывают меня всё больше и больше.

— О господи, — не сдерживаю я пораженного возгласа.

Здесь и формула производства «фламинго», и сроки поставок в Россию, и сроки поставок по различным города, и цены, и кодовые имена поставщиков...

Мой отец занимается наркоторговлей.

Судя по документам, которые я вижу, он не просто ей приторговывает, он возглавляет целую наркопсихотропную империю, поставляя наркотики по всей стране.

Это не может быть правдой, этого просто не может быть...

Тяжело дышу, но в очередной раз делаю над собой усилие и заставляю взять себя в руки. Начинаю рыскать по ящикам стола в поисках какого-нибудь внешнего накопителя данных и нахожу флэшку с политическим логотипом отца. Подойдёт.

Вставляю и перекидываю туда все файлы, относящиеся к новому наркотику. Скопировать информацию со всего ноутбука мне не хватит ни времени, ни объема памяти.

В этот момент слышу, как хлопает входная дверь.

Надо поторапливаться.

Как только на флэшку загружается последний файл, тут же её вытаскиваю из ноутбука и прячу в карман. Закрываю все открытые мною файлы, возвращаю всё к изначальному состоянию, и бегу в свою комнату.

Забираюсь под одеяло и притворяюсь спящей.

Через пару секунд дверь в комнату приоткрывается, и отец подходит к моей кровати, останавливается прямо перед моим лицом и застывает. Прислушивается к дыханию? Стараюсь дышать как можно спокойнее и ровнее.

Я чувствую на себе его внимательный взгляд. Заставляю мозг поверить в то, что это всё сон, всё не по-настоящему, что мой отец никакой не наркоторговец, а просто кандидат в мэры Санкт-Петербурга. Мне удаётся обмануть свой мозг и максимально выровнять дыхание.

Наконец, отец покидает мою комнату, но я всё ещё боюсь пошевелиться. Проходит пять минут, десять, пятнадцать. Я начинаю сомневаться в произошедшем. Может быть, мне и правда всё померещилось? Засовываю руку в карман и потными пальцами нахожу ту самую флэшку. Нет, всё именно так и есть, и в моей руке сейчас доказательство.

Осталось только понять, что со всем этим делать дальше.

Оставшуюся часть ночи уснуть не получается, да я и не стараюсь вовсе. Как только на улице начинает светать, достаю свой ноутбук и решаю ещё раз просмотреть скаченные файлы.

Более подробный просмотр содержимого внешнего накопителя подтверждает все выдвинутые мной предположения о деятельности отца.

Нахожу у себя еще одну флэшку и сбрасываю еще и на неё все материалы, а также создаю новую почту и в ней зашифрованное облако, куда также копирую все файлы, чтобы точно ничего не потерять.

Понятия не имею, что мне делать. Сразу идти в полицию? Но одной, честно говоря, мне страшно. Звать Даню? Нет, его впутывать я точно не хочу. Тогда, может быть, Юру? Он должен меня поддержать. Я не справлюсь сама, у меня уже голова кругом. Мне кажется, если я не услышу хотя бы парочку слов о том, что все будет хорошо, неважно, правдивых или ложных, то просто сойду с ума.

У Юры есть дядя — сенатор Совета Федерации. Он должен быть в курсе, куда в таких

случаях обращаться. Звягинцевы мне точно помогут.

В восемь утра выхожу из своей комнаты, полностью одетая и готовая, беря с собой обе флэшки. Отца не нахожу, его машины тоже нет, значит он уже уехал. Забираюсь в свой автомобиль, но вместо пар, отправляюсь к Юре.

До меня доходит несколько мыслей сразу. Наверняка, вся наша собственность, огромный загородный особняк, моя машина, коттедж в Сочи и много всего другого куплено на средства, добытые преступным путём. Как я вообще могу таким пользоваться?!

В данный момент у меня нет выбора, но, когда все наше имущество заберут и арестуют, да, я останусь ни с чем, но и ничем преступным пользоваться не буду.

По дороге торможу у малоизвестного мне двора с детской площадкой и одну флэшку прячу там, запоминаю адрес, чтобы потом вернуться в случае, если что-то пойдет не так, как запланировано.

Через тридцать минут оказываюсь у дома Юры и поднимаюсь к нему. Он должен был сегодня ночью вернуться из командировки.

Заспанный молодой человек открывает мне минут через пять. Я прервала его глубокий сон. Он, наверное, как обычно взял отгул, чтобы выспаться и отдохнуть после ночного рейса, но у меня дело срочное, и о его сне я совсем не думаю.

— Алиссия? — зевает Юра и хмуро на меня смотрит. — Что ты тут делаешь в такую рань?

— Нам надо поговорить, — произношу я и захожу в квартиру, не дожидаясь его приглашения. — Это срочно.

— Ты меня пугаешь, — Звягинцев закрывает дверь и ведет меня на кухню. — Что стряслось?

— Я кое-что узнала и не знаю, что мне делать, — сажусь за стол.

— Что узнала? — Юра располагает меня напротив себя, сна в его глазах как не бывало. — Я ничего не понимаю.

— Я даже не знаю с чего начать, — теряюсь я.

— Начни с начала или с самого главного, — подсказывает молодой человек, внимательно на меня смотря.

— Отец поставляет «фламинго», — на одном дыхании произношу я. — Это такое наркотическое...

— Я знаю, что это за вещество, — перебивает меня Юра. — Значит, он тебе, наконец, всё рассказал.

Мне требуется некоторое время, чтобы понять, что только что произнёс Звягинцев.

— А я давно ему говорил, — тем временем продолжает он, не замечая моего смущения, — что ты все поймёшь и воспримешь адекватно. В конце концов ты заслуживаешь знать, как на самом деле зарабатывает деньги твой отец и зачем он пошел в политику.

— Говорил? — потерянно переспрашиваю я. — Ты в курсе?

— Конечно, — кивает Юра, — а кто, по-твоему, прикрывает Мельникова в высших кругах власти? Естественно, этим занимается мой дядя, а мы с отцом помогаем на более низком уровне.

На меня как будто выливают ушат ледяной воды. Я даже подумать не могла, что они работают все вместе, что здесь замешаны и люди, уже обладающие огромной государственной властью. Прийти к Юре было огромной ошибкой.

Встаю со стула, но от обрушившейся на меня безжалостной правды не удерживаюсь на

ногах и падаю. Юра тут же подскакивает ко мне.

— Не ушиблась? — обеспокоено спрашивает он и пытается помочь мне встать.

— Не трогай меня, — говорю я таким тоном, что Звягинцев тут же исполняет приказ и убирает руки.

— Лисса, ты чего? — все еще не понимает он и хмурится.

Встаю самостоятельно, слегка опираясь на холодильник позади меня, но сейчас ноги меня держат.

— Юр, как я могу воспринять это адекватно? — издаю безрадостный смешок и смотрю ему прямо в глаза, надеясь найти хоть капельку вины или сожаления, хоть что-то человеческое, но тщетно. — Как это хоть кто-то может воспринимать адекватно? Вы же не просто подсаживаете людей на эту дрянь, создавая на рынке предложение, вы их убиваете...

— Мы никого не убиваем, — жестко отсекает Юра.

— Правда? А как же передозировки?

— Люди сами не знают пределы своих возможностей и поэтому умирают.

— И вы им совсем в этом не помогаете, предоставляя наркотики на любой выбор и вкус? Это же как дать маленькому ребенку мешок конфет, он не знает меры и съесть всё, а потом ему станет плохо, и вины родителей, которые вручили ему сладкий мешок, в его самочувствии совсем нет, так получается?

— Взрослые люди уже не дети. Они могут сами следить за собой и своими поступками и должны принимать последствия своих действий.

Пораженно смотрю на него, не веря, что это говорит именно Звягинцев, человек ставший сначала мне другом, а затем и любимым человеком. Как я могла не замечать того, какой он на самом деле? Как я могла поверить в создаваемую им иллюзию высокоморального человека, когда внутри он мерзавец и подонок? Смотрю на мужчину перед собой, и понимаю, что он мне совершенно чужой.

— Я тебя не знаю, — качаю головой и делаю пару шагов назад, к выходу из кухни. — Я тебя совсем не знаю. Ты не тот Юра, который мне нравился. Я не уверена, что тот Юра хоть когда-то существовал в реальности, а не только в моем сознании.

— Алиссия, — зовёт он и делает шаг ко мне, но я его опережаю и буквально бегу в прихожую.

Надо уходить, как можно быстрее. Здесь я поддержки точно не найду.

— Стой! — Звягинцев ловит меня за руку, когда я уже хватаюсь за ручку входной двери и собираюсь выйти. — Куда ты? Лисса, давай поговорим! Нам надо поговорить

— Нам с тобой не о чем разговаривать, — отрезаю я, вырываясь из его лап, и выбегаю из квартиры.

Дальше всё происходит как в самом страшном сне. Я прихожу в полицию, обо всём рассказываю, достаю флэшку. Сначала меня внимательно слушают, но затем приходит начальник отделения и отдаёт какой-то приказ, который я не разбираю.

Мне говорят, что со мной будут разговаривать в другой комнате. Я следую за полицейскими, не ожидая никакого подвоха, но вместо другой комнаты меня толкают в камеру и продолжают разговор на совсем другом языке.

Меня жестоко избивают.

* * *

Сильный удар в живот, затем по голове и в лицо. В ушах лютый звон, все остальные части тела я почти не чувствую от боли. Кажется, они меня бьют уже вечность и конца не

видно, потому что моё тело продолжает отчаянно хвататься за жизнь. Я понятия не имела, что оно способно вынести так много страданий и боли, и понятия не имею, на сколько его ещё хватит. Надеюсь, что ненадолго, потому что я больше не могу.

— Не надо, — скулю в ответ. — Пожалуйста...

В ответ — громкий мужской гогот и ещё одна серия ударов. Как жаль, что всё ещё не последняя.

— Я отцу расскажу, — предпринимаю жалкую попытку я. — Он не оставит ни одного из вас в живых.

Один из мужчин хватается за волосы и резко поднимает, заставляя на него посмотреть.

— Давай, красавица, расскажи, — шипит мне в лицо, забрызгивая своей слюной мои щеки, губы, лоб и подбородок, — только перед этим мы ещё с тобой порезвимся, а потом рассказывай всё, что мы с тобой сделали. Думаешь, мы не знаем, кто твой отец? Поверь мне, твой батя в курсе и дал нам на это разрешение.

— Отпустите... — молю я из последних сил, но он бьёт меня прямо в лицо, не жалея. Мне так больно, я готова умереть, лишь бы это прекратилось.

Мам, можно к тебе? Я больше не могу, я больше не хочу... Я знаю, что ты меня примешь, обнимешь и приласкаешь. Пожалуйста, заведи меня из этого ужаса!

Ещё один удар, но ему я уже рада, так как, возможно, именно он последний, и я, наконец, увижу маму.

Перед глазами всё темнеет, и я теряю сознание.

* * *

Просыпаюсь от того, что кто-то меня тормозит.

Всё тело адски болит. На мне нет живого места.

Открываю глаза и вижу перед собой старичка в полицейской форме.

— Вставай, внученька, вставай, — шепчет он. — Они на тебе живого места не оставят, если я тебя прямо сейчас не выведу. Что за изверги!

У меня нет сил ни что-либо делать, ни о чём-либо думать, лишь о том, как бы пережить боль, которую я испытываю. Я и правда думала, что умерла, но, кажется, моё тело выносливее, чем я думала.

— Давай же, внучка, ты сможешь, — продолжает шептать старичок и тянет меня вверх.

Я подчиняюсь и, невзирая на испытываемую боль, встаю.

— Молодец, ещё чуть-чуть совсем осталось...

Всем своим весом опираюсь на старичка и еле-еле переставляю ноги. Перед глазами всё плывёт, я почти ничего не вижу.

— Я их всех водкой со снотворным спойл, не мог смотреть, как они такое дитя избивают. Что бы ты ни натворила, такого отношения не заслуживает никто.

Мне не хватает сил ни ответить, ни кивнуть. Я сосредоточена лишь на том, как идти и не упасть.

Старичок выводит меня прямо на улицу, где я сильно закашливаюсь от ветра. Кашель отдаётся болью сразу во всём теле.

— Ничего, до свадьбы заживёт, — успокаивает старичок и сует мне в руки пакет со всем, что у меня забрали: украшения, деньги, телефон и ключи от дома. Флэшки, как и следовало ожидать, нет, но ничего, одна у меня спрятана, да и данные в зашифрованном облаке должны висеть.

Медленно-медленно принимаю всё, что мне дают, и также медленно рассовываю по карманам. В руках оставляю телефон и ключи. Ключи бросаю прямо на асфальт.

— Не нужны, — хриплю старичку, который собрался их поднимать.

Из мобильного достаю симку и разламываю пополам.

— Тебе есть куда пойти? — спрашивает старичок.

— А где?.. — полное предложение произнести не получается, но он понимает меня с полуслова.

— Недалеко от района...

Слышу название района, и уже понимаю, куда отправлюсь.

— Спасибо, — хриплю я благодарно, и полуживая делаю первый самостоятельный шаг без опоры. Чуть не падаю, но всё же стою.

— Может мне кому-то позвонить? — предлагает старичок. — Или вызвать такси?

— Нельзя, — резко выдаю я. — Найдут.

— Я бы проводил тебя, но они скоро придут в себя, хватятся и тебя, и меня, и всё поймут. Я постараюсь выиграть тебе время.

— Спасибо, — повторяю ещё раз и со слезами на глазах смотрю на него. — Спасибо.

Я не знаю как, но мне удаётся дойти пешком до дома Дани. Всю дорогу я думаю лишь о том, что это мой единственный шанс выжить и добиться справедливости. Кажется, этого хватает для выброса адреналина в крови.

Понятия не имею, сколько проходит времени. Старичок меня выпустил, когда была кромешная тьма, сейчас уже начинает светать.

У подъезда Головина никого, захожу внутрь и, наверное, трачу ещё целый час, чтобы просто подняться по лестнице до нужного этажа. Опираюсь о стенку и начинаю стучать в дверь. Открывается она намного быстрее, чем мне открыл Звягинцев. Вижу изумлённое лицо Дани перед собой.

— Лисса, что стряслось?!

— Помоги... — хрипло произношу я из последних сил. — Спрячь... Никому...

И падаю в обморок.

Алиса (50)

Наше время

Звягинцев заталкивает меня в машину и садится сзади вместе со мной. Пока мы едем в аэропорт мой телефон начинает безостановочно звонить. На дисплее загорается имя Артёма.

— Выключи, — бросает Юра.

— Он не перестанет меня искать, ему надо ответить, — говорю я.

— Тогда ответь сообщением, но я прослежу, чтобы ты не написала ничего лишнего.

Отправляю Скворцову СМС, но понимаю, что этого мало. Нужно постараться ответить на его звонок.

Мы приезжаем в аэропорт. Звягинцев грубо хватается меня за руку и ведёт к VIP-зоне, откуда вылетают частные рейсы. По пятам за нами следуют четыре охранника в черных костюмах и с наушниками в ушах.

— Так боишься, что я сбегу? — кивая на них, спрашиваю у Юры.

— Мир не крутится вокруг тебя, Лисса, — отвечает он. — Мне они нужны для других целей. С тобой я справлюсь в одиночку.

— Правда? — язвлю я. — В прошлый раз для тебя наша встреча закончилась неудачей.

— Лучше молчи, — цедит он. — Ты себе даже не представляешь, что устроила в

прошлый раз.

В самолёте мы оказываемся всего в течении пятнадцати минут, и его уже начинают готовить к вылету. Юра резко садит меня в кресло и приказывает пристегнуться.

Когда мы с ним встречались, он был совершенно другим. До сих пор задаюсь вопросом: я не замечала жесткости в его взглядах и действиях, или он так искусно притворялся?

Мой телефон снова начинает трезвонить, я успела его незаметно включить, когда мы поднимались в салон самолёта.

— Разве ты его не выключила? — спрашивает Звягинцев, отвлекаясь от своего мобильного.

— Скворцов так просто не отстанет, — отвечаю. — Я тебе говорила.

Юра что-то прикидывает в уме, а затем всё-таки даёт добро на то, на что я надеялась с самого начала.

— Ладно, ответь на звонок и пошли его куда подальше, чтобы он больше не звонил. Имей в виду, если хоть слово мне не понравится, я не просто разъединю звонок, я отправлю одного из своих амбалов к Скворцову. Может быть, у него и много денег, но у нас с твоим отцом в разы больше.

Мне большего и не требуется. Хватаю телефон, набираю Артёму и говорю ему уже давно заготовленную речь, стараясь при этом, чтобы тон звучал максимально равнодушно и холодно, а затем бросаю трубку и отключаю мобильный.

— Могла бы и пожестче, — комментирует Звягинцев, и мы взлетаем.

Я ничего ему не отвечаю.

После звонка Скворцову мне становится немного легче. Теперь вся надежда на него и Лобовского. Конечно, если мне предоставится шанс сбежать, я обязательно им воспользуюсь, но уверена, что теперь каждый мой шаг будет контролироваться и улизнуть так просто не получится. Да и тогда из полицейского участка мне помогло сбежать сочувствие старенького полицейского. Если бы не он, понятия не имею, что сейчас было бы со мной.

— Знаешь, а ты заставила нас попотеть, — говорит Юра. — Пару раз мои люди практически поймали тебя, но в последний момент ты исчезла и вуаля — появилась в совершенно противоположном месте, да ещё и с новым поддельным паспортом. Кто тебе помогал, Лисса?

Я молчу, не желаю сдавать Даню и его знакомых. Да, тогда у Головина не было денег, но у меня были дорогие украшения, а у друга кучу связей, которые и обеспечили меня поддельными удостоверениями личности.

— Что ж, не хочешь говорить — не говори, — продолжает мужчина. — Если Анатолию Афанасьевичу понадобятся эти знания, он сам у тебя обо всём спросит.

Отворачиваюсь к окну, не желая участвовать в разговоре со Звягинцевым, но ему собеседник и не требуется.

— Должен признать, что твоя последняя схема восхитила даже меня, — хвалит он, а мне противно от этого становится. — Спрятаться у всех на виду, в высшем свете. Я же ведь видел статью о Скворцове и его таинственной незнакомке, но даже не подумал, что под её личиной можешь скрываться ты. Хвалю! Если бы не эта чудовищная для тебя и такая удачная для меня случайность — встреча на свадьбе у Елены Скворцовой и Олега Лескова, — мы бы, возможно, пересеклись совсем нескоро.

— Мы бы встретились только в суде, — уверенно говорю я, потому что мне тошно от

одного его вида, и это чувство пересиливает даже страх.

— Кто-то опять показывает зубки, — скалится Звягинцев. — Ничего, скоро встретишься с отцом, он тебе покажет, у кого на самом деле острые зубы.

* * *

В Москву мы прилетаем в полночь. Меня привозят в наш загородный дом, в котором я прожила практически всю свою жизнь. Отца дома ещё нет. Юра сообщает, что тот скоро будет, запирает меня в моей старой комнате, не забыв упомянуть об усиленной охране, и уходит.

Осматриваюсь — в ней ничего не поменялось. Интересно, а мои работы папа тоже сохранил? Открываю отдельную нишу, которая планировалась как гардеробная, но по факту стала использоваться для моих художественных инструментов и картин.

Улыбка само собой появляется на моём лице, потому что мои работы на месте, отец их не тронул. Начинаю их перебирать и предаваться воспоминаниям. Здесь есть даже несколько работ, которые мы рисовали с мамой. Она, хоть и не художница, но всё равно внесла свою лепту в каждую из них.

Закрываю гардеробную, и миг меня накрывает осознание происходящего. Я так долго скрывалась, более двух лет я бежала и выживала сама, получив поддержку и помощь лишь от Дани и только в самом начале, а теперь будущее стало ещё более туманным.

Либо Артём ничего не поймёт, Вениамин ничего не найдёт, и я скорее всего останусь вечно взаперти с отцом, потому что у него появится ещё один козырь, которым можно мне угрожать. Либо и Скворцов, и Лобовский всё поймут и придумают, как и мне помочь, и покончить с преступной империей.

И, честно говоря, прямо сейчас я чувствую сильнейшую усталость и проблески радости от того, что моя беспросветная беготня, наконец, закончилась. Может быть, и не так, как я хочу, но моему бегству уже в любом случае пришёл конец. Сейчас я в крепости с круглосуточной охраной, сама я отсюда точно сбежать не смогу.

Слышу рёв двигателя, подхожу к окну и вижу незнакомую мне машину, но из неё выходит отец. Очевидно, что новый пост и новая должность потребовали и нового автомобиля.

К нему подбегает Юра и принимается что-то усиленно рассказывать. Отец тут же поднимает голову к моему окну, я резко делаю шаг назад, неуверенная, что уже готова к встрече с ним. Понятия не имею, чего ожидать. С того момента, как я узнала о незаконной деятельности отца, мы с ним ещё ни разу не виделись и не разговаривали.

Он появляется на пороге моей комнаты через пару минут. Без стука. Захлопывает за собой дверь, но вглубь комнаты не проходит. Внимательно осматривает меня с головы до ног. Я отвечаю ему таким же взглядом. Он постарел, седых волос стало больше, вокруг глаз появились новые морщины, глаза стали более темными.

— С такой стрижкой и таким цветом волосы ты стала копией своей матери, — произносит отец. — Привет, Алиссия. Ты изменилась, повзрослела, превратилась в настоящую цветущую женщину.

— Здравствуй, отец, — сухо кидаю я.

— Отец, — хмыкает он. — А раньше я был для тебя папой.

— Эти времена давно прошли.

— И то верно, — Мельников проходит в комнату и присаживается в кресло напротив кровати, — много дел ты успела наворотить за прошедшее время.

— Я успела наворотить? — его обвинительный тон, направленный в мою сторону, заставляет позабыть о всяческой осторожности, и теперь обвинениями бросаю в него я. — Это ты сотворил и продолжаешь творить чудовищные вещи! Сколько людей по твоей вине оказалось зависимыми от наркотиков! А скольких людей ты убил!

— Полно, Алиссия, — спокойно произносит отец. — Давай не будем сейчас говорить о морали. Пока ты росла, то ни разу не задавалась вопросом, на какие деньги мы с тобой живём.

— Не смей говорить, что я хоть как-то причастна к твоей незаконной деятельности!

— А ты что же не причастна? — тем же тоном продолжает он. — Наверняка, за два года ты могла добиться привлечения меня к ответственности, но что-то я так и не дождался следователей с ордером на обыск, постановлением на арест у своего дома.

— Да я боялась, — поникшим голосом говорю я. — Боялась, что стоит мне только сунуться в СМИ, любое отделение полиции, следственного комитета или иного государственного органа, так меня сразу найдешь ты и твои прихвостни.

— И правильно делала, — на лице отца появляется уверенный властный оскал. — Я так надеялся, что ты сунешься ещё куда-то, и я тут же тебя вычислю. Получилось иначе, но всё же ты здесь.

— Да, я здесь, — эхом повторяю его слова.

— И знаешь, что не даёт мне покоя? — он поднимается с кресла и в два шага приближается ко мне вплотную, не касается, но от одного его взгляда хочется свернуться клубочком и спрятаться.

— Что? — невзирая на страх спрашиваю я.

— Что ты так спокойно сдалась в руки Звягинцева, — он не отводит взгляда от моих глаз, пытаюсь найти в них ответы на свои вопросы, — что ты добровольно села в самолёт, дала привезти себя сюда и даже отсюда не пыталась сбежать. Всё это идёт в контраст с твоим предыдущим поведением, что наводит меня на определенные мысли о западне.

— Да разве у меня был шанс сбежать?

— Ни единого, — качает отец головой, — и всё же...

Его прищуренный взгляд заглядывает в самую душу, а я молюсь, чтобы он не увидел там ни проблеска ещё теплящейся в моей душе надежды.

— Итак, — говорит отец, — мои люди обыскали твою квартиру в Москве и нашли там тайник с шестью флэш-накопителями. Естественно, все были изъяты. После чего они обыскали и твоё место работы — там ничего найдено не было. Но что-то не даёт мне покоя. Что я упустил? В чём подвох, Алиссия? Какой у тебя план?

— Нет у меня никакого плана, — отчаянно произношу я.

— Тогда объясни мне одну вещь: почему мы два года не могли тебя поймать, и вдруг фактически ты сама нам сдалась?

— Я не сдалась, — возражаю я. — Я не подумала, что на свадьбе столь мелкого человека может появиться Юра. Он застал меня врасплох и не оставил выбора.

— Да-да, он сказал мне. Пригрозил жизнью Скворцовых. Неужели, они тебе настолько дороги?

— Нет, — вру я, — они просто хорошие люди. Дороги мне также, как и любые другие законопослушные граждане.

— Нет, Алиссия, — укоризненно качает головой, — всё равно не сходится.

Я молчу.

— Что ж, тогда, — говорит отец, — придётся воспользоваться тем же методом, что был применён к тебе в первый раз. В полицейском участке. Надеюсь, ты хорошо его помнишь.

— Как ты можешь, папа? — пытаюсь воззвать к его благоразумию, которое, как мне показалось, раньше было ему присуще. — Я же твоя единственная дочь. Твоя кровь.

— Да, дорогая, всё верно, ты моя кровь. И поверь мне, я не оставил без внимания употребленное тобой обращение ко мне. Спасибо, мне приятно. Но ты полезла туда, куда лезть не должна была. Я тебя всё ещё люблю, но в данный момент моя империя под угрозой, и эту угрозу представляешь ты. Так что сейчас я позову твоего персонального охранника, который уже согласился преподать тебе парочку уроков. .Ч.и.т.а.й. .н.а. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

— Нет, Юра обещал, что, если я пойду добровольно, меня не тронут!

— Правда? — наигранно удивляется отец и делает шаг к выходу. — Что ж, это его обещание, не моё. Если ты не хочешь всё говорить мне по доброй воли, то придётся обратиться к другому способу.

— Нет! — кричу я и хватаю его за рукав, заставляя вернуться на прежнее место. — Пап, пожалуйста, не надо, я тебя умоляю.

— Умоляешь? — теперь он выглядит искренне изумленным. — Это явно что-то новенькое.

— Я беременна, — вскрываю свою последнюю карту, которая одновременно является и моим козырем, и моей слабостью. — Поэтому я и пошла добровольно. Я устала бегать, я не смогу сама справиться с ребенком, которого хочу. Я никому не сказала о том, чем ты занимаешься, и никому не скажу. Обещаю. Только пожалуйста не трогай меня и моего будущего ребенка, твоего будущего внука или внучку.

Взгляд отца неожиданно теплеет, я уже и не ждала растопить эту безжалостную глыбу льда.

— Да, — удовлетворенно произносит он и улыбается, — теперь всё сходится. Я тебе верю, не трону ни тебя, ни ребенка, пока ты сама будешь держать язык за зубами.

— Спасибо, пап, спасибо тебе, — расслабляюсь я и обессиленно оседаю на кровать.

— Что ж, тогда отдыхай, а через пару дней мы поедem в больницу и проверим твою беременность, — заключает он и покидает мою комнату.

Я закрываю глаза и думаю о том, что я сделала то, что и хотела.

Я выиграла время.

Теперь ход за Артёмом.

Артём (51)

Я ничего не понимаю. Алиса или теперь уже Алиссия — дочь мэра? Но зачем она тогда скрывала этот факт? Она говорила, что её отец умер два года назад, но он жив. Что из того, что девушка говорила, правда, а что ложь?

— Тём? — зовёт Андрей. — Ты здесь?

— Да, — глухо отвечаю я. — Здесь.

— А у тебя что стряслось?

— Я не знаю, — потерянно произношу я.

— Мне не нравится твой тон, — обеспокоенно говорит Щегольский.

— Она исчезла.

— Алиса?

— Да, сказала, что наша сделка закончена, и теперь нас больше ничего не связывает, а ей нужна птица более высокого полёта.

— Так, Тём, мне кажется, здесь что-то нечисто. Сам подумай, зачем дочери мэра жить по поддельным документам. Да и, судя по всему, живёт она по ним уже года два, потому что за это время в сети не появлялось ни одной её фотографии. СМИ сообщают, что Алиссия уехала учиться за границу.

— Ничего не понимаю, она говорила, что оба её родителя мертвы.

— Мама у неё и правда умерла. Девочке было четырнадцать лет. В сети пишут, что несчастный случай, но кто-то из журналистов в этом сомневается...

— Алиса тоже сомневалась. Я думаю, она считала, что это было убийство.

— Тём, предлагаю встретиться у тебя дома через час. Я сейчас пробью её семью по ещё одному каналу, и если что-то выясню, то это будет совсем не телефонный разговор, потому что канал засекреченный.

— Спасибо тебе, Андрей.

— Да не за что, Тёмыч, — отзывает друг. — Честно говоря, меня самого распирает любопытство.

Еду домой, а в моей голове целый ураган мыслей. Девушка, оказывается, не просто загадка, а настоящая головоломка или целый клубок тайн. Какие только предположения не возникают, но в какой-то момент, понимаю, что уже схожу с ума от собственных мыслей, заставляю себя успокоиться, пока не думать ни о чем и дожждаться Андрея с его новостями.

Телефон начинает снова звонить, но вместо Щегольского на дисплее имя Дениса.

— Тём, ты куда исчез? — сразу спрашивает он.

— Алиса пропала, — кратко отвечаю я.

— То есть как пропала?

— В прямом смысле этого слова, Дэн, — моментально раздражаюсь я, потому что мои нервы на пределе.

— Слушай, нашла партию получше...

— Нет, хватит, — отсекаю друга. — Ты понимаешь, что человек, который анонимно перечислил все деньги, которые я дал, в школу искусств, совсем не похож на человека, которого всё это время усиленно описываешь мне ты. И вообще, чтобы ты знал, она на самом деле очень богата, но по какой-то причине отказалась от всех денег.

— О чем ты говоришь?

— Денис, мне нужно разобраться в том, что происходит. Я еду домой, чтобы это выяснить, и скоро ко мне присоединится Андрей.

— Я выезжаю к тебе, — бросает он и отключается.

Торможу у своего дома, но выходить не спешу. Прокручиваю в голове её последние слова, что-то в них мне показалось странным. Предположим, что на самом деле всё, что она сказала, её вынудили сказать. Что она могла сделать, если говорила совсем не то, что думала? Что-то зашифровать?

Зачем она упомянула подарок на свадьбу Лены и Олега? Это звучало не к месту. Оборачиваюсь и вижу на заднем сидении свёрток размером с картину. Это и есть её «пустой белый лист бумаги». Забираю его с собой и поднимаюсь к себе.

В квартире сразу распаковываю свёрток, но нахожу не белый лист бумаги, а целых два рисунка. Один — мой собственный портрет с запиской со словами: «Я задолжала тебе твой портрет». Изумительная работа, выполненная карандашом. Когда она только успела?

Вторая картина цветная, она надета на деревянный каркас.

Рассматриваю работы со всех сторон, но больше ничего не нахожу, никаких записок или

подсказок.

Алиса, что же ты хотела мне этим сказать?

Раздаётся звонок в дверь, впускаю Дениса внутрь.

— Ты можешь ещё раз с самого начала объяснить, что произошло? — спрашивает друг с порога.

— Проходи, — веду Новикова в гостиную, где на столике у дивана лежат обе работы Алисы. — Сначала помоги мне разобраться с этим.

— С картинами? — скептически уточняет он, садясь на диван.

— Да, — уверенно отвечаю я, располагаясь рядом с другом. — В них что-то зашифровано.

Протягиваю Дэну свой потрет, а сам ещё раз принимаюсь исследовать подарок Лене и Олегу. Опять ничего. Тогда начинаю с обратной стороны простукивать деревянный каркас.

— Что ты делаешь? — недоуменно спрашивает Новиков, но я не обращаю внимания.

И, наконец, в одном углу слышу другой звук. Там точно что-то есть. Нахожу нож и вскрываю им каркас, откуда выпадает флэшка.

— Что за чёрт? — комментирует Дэн. — Это что? Флэшка?

Через минуту я уже вставляю внешний накопитель в свой ноутбук.

— А ты уверен, что на ней нет вирусов?

Снова не обращаю на слова друга никакого внимания. Вирусы на флэшке беспокоят меня в последнюю очередь.

На носителе данных оказывается папка с названием «фламинго», в которой находится множество файлов, и два видео. Нажимаю на первую видеозапись и застываю не в силах пошевелиться.

— Это Алиса? — ошеломленно произносит Новиков.

На экране изображена именно она, правда, с более тёмным цветом волос, и узнать её практически невозможно. Всё лицо девушки в ссадинах и синяках. Под правым глазом огромное припухшее зеленовато-желтое пятно, на щеке с левой стороны практически такое же, губа рассечена, над бровью рану скрывает большой белый пластырь.

Не в силах что-либо вымолвить, трясущимися руками нажимаю «play».

— Не знаю, под каким именем знаете меня вы, — начинает говорить девушка. — Скорее всего из соображений безопасности, я назвала вам данные с одного из своих поддельных паспортов. Но моё настоящее имя — Мельникова Алиссия Анатольевна. Я дочь того самого Мельникова Анатолия Афанасьевича. На момент записи этого видео он баллотируется на пост мэра Санкт-Петербурга.

Она замолкает на несколько секунд, а затем продолжает.

— Перейду сразу к делу. Недавно я узнала, что мой отец, повторюсь, Мельников Анатолий Афанасьевич, стоит во главе наркопсихотропной империи. Он привозит запрещенные вещества не только в Санкт-Петербург, но и поставляет их по всей стране. В этом ему помогают Звягинцев Юрий Владимирович, Звягинцев Владимир Сергеевич, и покрывает всю их незаконную деятельность — Звягинцев Борис Сергеевич, сенатор Совета Федерации.

— На данной флэшке содержатся материалы, касающиеся одного из последних продуктов Мельникова и Звягинцевых — некоего наркотика под названием «фламинго». Все файлы я украла с компьютера отца, а затем предъявила их полиции, но закончилось всё тем, что вы видите на экране — избиением. Отец не пожалел собственной дочери, в своём

стремлении сохранить империю и забрать у меня похищенные данные. Чуть позже я обратилась в СМИ, надеясь хотя бы на поддержку четвёртой ветви власти, но ситуация приняла тот же самый оборот. Я еле успела скрыться.

— На данный момент я понятия не имею, что мне делать и куда податься, потому что у моего отца и Звягинцевых уши буквально везде. Пока что мой план состоит в том, чтобы удачно скрываться от них и параллельно искать человека, который обладает большей властью, и сможет им противостоять.

— Если к вам в руки попала эта флэшка, значит, я вам доверяю и верю, что у вас хватит ресурсов противостоять моему отцу и его империи. Правда, если вы смотрите запись без меня, скорее всего со мной случилось что-то плохое. И единственное, о чём я вас прошу, если у вас есть силы, добейтесь того, чтобы правду узнали все, а виновные понесли наказание.

— Если же ресурсов нет, то лучше не лезьте, иначе... — она замолчала, сделала глубокий вдох. — Закончите, как и я.

Видео закончилось, но мы с Денисом не двигаемся и не можем отвести взгляда от уже погасшего черного экрана, пытаюсь осознать всё, что мы только что услышали. Меня не покидает ощущение, что всё это мне лишь кажется, что Алиса не могла подвергаться таким страданиям, потому что это бесчеловечно.

— Если всё, что она говорит правда, — подаёт голос Новиков, — то...

Денис пододвигает компьютер к себе и начинает рыться в файлах.

— Артём, если это всё подлинные файлы, то всё что она говорит сущая правда.

Мне не хватает сил присоединиться к Новикову. Я уже ей поверил. Теперь всё встаёт на свои места. Все её недомолвки, все её привычки, её взгляды, нежелание ехать в больницу, её кошмары. Девушке ведь снилось будто её избивают со всех сторон, наверняка так и было. А ведь прошло уже, как минимум, два года с тех событий, а кошмары её мучают до сих пор.

— Господи... — еле слышно произношу я.

— Тём, — зовёт меня Дэн, — ты должен это увидеть.

Новиков ставит экран передо мной и запускает второе видео.

На нём я вижу именно ту Алису, которую знаю и видел сам. Судя по дате записи, девушка сняла его за день до свадьбы моей сестры, то есть вчера.

— Привет, Артём, — грустно улыбается она, — если ты смотришь это видео, значит, моя флэшка попала по адресу. Честно говоря, понятия не имею, что может со мной произойти, но раз ты всё узнаёшь именно так, значит, что-то пошло не так.

— Пожалуйста, доведи моё дело до конца, — просит девушка. — Кто-то должен это сделать. Ты так просил меня доверять тебе, и вот я доверяюсь. Теперь всё в твоих руках.

Она замолкает и смотрит в камеру с таким чувственным, пронизывающим взглядом, что у меня сжимается сердце.

— Прости меня за ложь, если сможешь, — в её глазах стоят слёзы, но на губах появляется улыбка. — Из всех моих поддельных имён, больше всего мне понравилось последнее. Особенно то, как его произносишь ты, поэтому, пожалуйста, продолжай меня называть им же.

— И ещё кое-что, — девушка смаргивает слёзы и продолжает говорить. — Тём, я люблю тебя.

Запись завершается, но я отматываю его слегка назад и останавливаю, чтобы посмотреть на лицо девушки.

Алиса, я не просто выполню твою просьбу, я ещё и найду тебя, и скажу тебе лично, как сильно я тебя люблю.

У меня нет выбора, я должен это сделать.

Может быть, в твоём понимании ресурсов у меня недостаточно, я не депутат, не сенатор и, тем более, не президент, но кое-какие связи всё-таки у меня имеются. Как раз в этот момент раздаётся звонок в дверь. Денис идёт открывать, и вскоре в гостиной мы уже располагаемся втроём вместе с Андреем.

— Артём, всё намного хуже, чем я предполагал, — говорит Щегольский, ставя свой компьютер на стол. — Оказывается, Мельникова уже достаточно длительное время подозревают в...

— Наркоторговле, — заканчиваю за друга я.

— Откуда ты знаешь? — Андрей удивленно на меня смотрит.

— Посмотри, — пододвигаю ему свой ноутбук, открывая папку «фламинго».

Щегольский принимается за изучение документов и через некоторое время поднимает на меня горящий взгляд.

— Я связывался со своими знакомыми из соответствующих органов. Мельников у них уже давно находится в разработке, но никаких прямых доказательств его вины нет, поэтому он спокойно продолжает заниматься своей незаконной деятельностью. Мои знакомые уже голову сломали, как его посадить.

— Но то, что сейчас даешь мне ты, — Андрей указывает на ноутбук, — этого хватит не только, чтобы привлечь к ответственности самого Мельникова, но и всех замешанных в нелегальном бизнесе лиц. Откуда у тебя эта информация?

— От Алисы, — отвечаю я.

— Обалдеть, его сдаёт его собственная дочь, — произносит Щегольский.

— Почему она ничего не рассказала сама? — задаю волнуемый меня вопрос. — Почему тянула до последнего? Она ведь начала доверять мне ещё в Сочи, месяц назад, а потом вдруг всё изменилось.

— Я думаю, она боялась. Сначала боялась, что ты можешь оказаться на стороне своего отца. Только представь размах его власти, если сам сенатор на его стороне. На самом деле, то, что ей удавалось от них скрываться на протяжении двух лет, это настоящее чудо. А потом, думаю, Алиссия стала бояться уже за тебя.

— Они могли ей угрожать твоей жизнью, — неожиданно добавляет Денис, — поэтому она пошла с ними добровольно.

— Черт, — выругивается Андрей, — наверняка, до неё добрался отец и пытается забрать украденную информацию, поэтому она и пропала. Но я всё ещё не понимаю, как флэшка оказалась у тебя?

— Алиса, видимо, догадывалась о подобном исходе, — отвечаю Щегольскому, — и спрятала накопитель в свадебном подарке моей сестре.

А самому в голову лезут ужасающие мысли о том, что с ней могло произойти...

— Тём, — Андрей слегка наклоняется ко мне, — послушай, с ней всё будет в порядке, я тебе гарантирую. Я сейчас же свяжусь со своими знакомыми, объясню им ситуацию, и мы начнём операцию. Мне только нужно позвонить Лейле.

— Лейле? — удивляется Денис. — Той самой эскортнице?

Щегольский на миг теряется и кидает в Новикова недоуменный взгляд, а потом весело усмехается.

— Да, ей, — кивает Андрей и берёт в руки телефон, — только на самом деле она никакая не эскортница, это лишь прикрытие. Мы раньше вместе в разведке работали, пока я не ушёл из госорганов.

Дэн присвистывает, а я у меня складывается пазл: её поведение, та загадочная интонация, с которой она общалась с Андреем в мой визит. Может быть, и тогда они передо мной лишь играли, не желая раскрывать личность девушки.

Раздаётся ещё один звонок в дверь.

— Мы ждём кого-то ещё? — интересуется Щегольский.

— Нет, я больше никому не звонил, — хмурюсь я. — Посмотрю, кто там.

— Подожди, — поднимается Андрей. — Я пойду с тобой на случай, если это люди Мельникова.

Щегольский останавливается слева от двери на случай неожиданных гостей и принимает боевую стойку, а я смотрю в глазок.

На пороге стоит человек, которого я вообще не ожидал здесь увидеть. Мотаю головой Андрею, давая понять, что всё в порядке, и открываю дверь.

— Вениамин Александрович, что вы здесь делаете?

— Я здесь, чтобы помочь, — отвечает Лобовский и достаёт из кармана точно такую же, флэшку, которую передала мне Алиса. — Ради дочери Фионы я готов на всё.

Алиса (52)

После разговора с отцом я ложусь на кровать и моментально отрубаясь прямо в одежде, сама себе удивляясь. Нервы, перенапряжение, общая усталость и беременность сказываются на моём организме. Снов не вижу никаких. Просыпаюсь рано утром, на часах полседьмого утра. Не могу понять, проснулась я сама или меня что-то разбудило.

Вопрос разрешается в следующую же секунду, когда в коридоре слышится топот ног, а в мою комнату вваливается один из охранников. Видимо, подобный звук разбудил и меня.

— Что происходит? — спрашиваю я, но мой вопрос игнорируется.

Охранник подходит ко мне, я пчусь к окну, не понимая, что он хочет сделать.

— Что вы делаете? — вместо ответа он хватает меня за талию и закидывает себе на плечо.

— Поставьте меня на место! — кричу я и начинаю дубасить его по спине руками.

— Молчи, — грозно шипит. — Иначе заткну рот кляпом.

Я тут же подчиняюсь. Амбал несёт меня в кабинет отца, бросает на маленький диванчик и запирает меня там в одиночестве.

— Куда вы? — кричу вслед. — Что происходит?

Но мои вопросы снова остаются без ответов. Я начинаю барабанить в дверь, требуя, чтобы меня выпустили, но всё тщетно. Определенно точно, что произошла какая-то внештатная ситуация. Может быть, Артём подсуетился? Но мог ли он организовать всё так быстро? Не уверена. Если только у него есть особые друзья со связями.

Даже если это никак не связано со Скворцовым, это, в любом случае, возможно, мой единственный шанс на побег, и я должна им воспользоваться.

Начинаю рыскать по кабинету и выискивать что-то, что можно использовать в качестве оружия. Нахожу тяжелую массивную статуэтку высотой около тридцати сантиметров, которую отцу подарил один из друзей. То, что надо.

Рассматриваю статуэтку и думаю о том, что отцу её скорее всего подарили не обычные российские друзья, а какие-нибудь поставщики наркотических средств из Колумбии,

Боливии или Венесуэлы.

Значит, использовать её в качестве оружия против отца будет в самый раз. Так сказать, точно по назначению.

Встаю сбоку от двери, чтобы воспользоваться неожиданностью и сразу ударить входящего. За стеной снова слышен топот ног. Сначала кто-то бежит в одну сторону, затем возвращается. Что же всё-таки происходит? Ощущение, будто мы готовимся к осаде.

Вдруг раздаётся выстрел. Я вздрагиваю от оглушающего звука. Кажется, он прозвучал совсем близко, но не могу определить, где именно. Может быть, в доме на первом этаже, может быть, на втором, а, может, и на улице...

В следующее мгновение кто-то поворачивает ключ в моей двери, с другой стороны, и я поднимаю статуэтку, готовясь. Дверь распахивается, и я со всей силы ударяю вошедшего в лицо и отскакиваю в сторону, чтобы не получить сдачи, держа оружие перед собой, в любой момент готовая повторить выпад.

Я врезала охраннику по лицу, он совершенно точно не ожидал нападения, потому что я попала ему в нос и, кажется, сломала его, судя по его искривленной форме.

— Сучка, — произносит охранник, хватаясь за нос и пытаясь остановить ручьем потекшую кровь.

За амбалом в кабинет входит Юра и закрывает за собой дверь.

— Не подходи, — тут же бросаю ему я. — Иначе я тебе тоже сломаю нос.

Звягинцев смотрит на меня, затем переводит взгляд на охранника и возвращает его обратно.

— Конечно, Лисса, так я тебе и поверил, — говорит немного уставшим голосом. — Более чем уверен, что ты вложила все свои силы в этот удар, а, значит, на большее тебя не хватит.

— Ты меня недооцениваешь, — уверенно произношу.

— Помолчи, — Юра совершенно не принимает меня всерьёз. — Ты мешаешь мне думать. Надо понять, как отсюда выбраться.

— Что происходит? — в очередной раз спрашиваю я, надеясь хотя бы сейчас получить ответ.

— А то ты не знаешь! — раздраженно кидает он.

— Нет, не знаю, — шиплю в ответ.

— То есть это не ты натравила на нас спецназ? — скептически выгибает бровь Звягинцев.

— Спецназ? — удивляюсь я и радуюсь одновременно, всей душой молясь, чтобы он был на моей стороне.

— Да, — кивает он. — В любом случае, сейчас важно отсюда выбраться, а потом отец очень хорошо поговорит с тобой и выбьет из тебя всю правду и неправду.

В дверь начинают стучать, но этот стук определенный, как будто в нём скрыт какой-то шифр. И, правда, когда он замолкает, Юра, что-то поняв, выругивается, а затем останавливает на мне свой взгляд и ухмыляется так, что по моему телу пробегает дрожь от его оскала.

— Что ж, тогда сразу приступаем к плану Б, — произносит он. — Виктор, не заберёте у неё это убогое оружие, пожалуйста.

Я отхожу ближе к стене, но охранник всё приближается, тогда я ещё раз замахваюсь статуэткой, но ударить не успеваю, амбал её ловит и выдирает у меня из рук. Я остаюсь

абсолютно безоружна.

— Ты уверена, что это я тебя недооцениваю? — бросает Звягинцев, а затем опять обращается к охраннику. — А теперь не одолжите ли вы мне один из ваших пистолетов. Я знаю, что у вас их минимум два.

Амбал распахивает пиджак, достаёт из кобуры оружие и молча, не задавая вопросов, передаёт его Юре.

— Премного благодарен, — отзывается Звягинцев и направляет пистолет на меня. — Ну что, Лисса, готова выйти отсюда?

— Что ты делаешь?! — ошеломленно спрашиваю я, глядя на дуло пистолета.

— Страхую свою жизнь, — бросает он, затем подходит ко мне и грубо хватается за руку. — Идём.

Мне ничего не остаётся кроме как подчиниться.

— Виктор, идите первым, будете нас прикрывать, — приказывает Юра.

Охранник открывает дверь и выглядывает в коридор.

— Чисто, — кратко говорит он и выходит.

Звягинцев резко прижимает меня к себе спиной, как щит, и направляет пистолет мне в висок.

— За ним, Алиссия, — приказывает. — Иначе я не посмотрю на все данные твоему отцу обещания и прострелю тебе голову. Он всё ещё тебя любит в отличие от меня. По-своему, но любит.

— Пусть подавится своей любовью, — выплёвываю я, борясь со страхом за свою жизнь. — Мне она не нужна.

— Ступай уже, Лисса, — и он толкает меня вперед.

Я выхожу в коридор и следую за охранником. Неожиданно раздаётся целая серия выстрелов, я резко останавливаюсь и зажмуриваюсь от ужаса.

— Если продолжите стрелять, то попадёте в невинного человека, — кричит Юра. — В Мельникову Алиссию. Она у меня в заложниках.

Стрельба прекращается.

— Звягинцев, — говорит незнакомый мне мужской голос, — отпусти девушку. Ты окружен. У тебя нет шансов.

— Это мы ещё посмотрим, — произносит он, поднимает дуло пистолета вверх и стреляет, я вздрагиваю. — Это был мой предупреждающий выстрел. В следующий раз он будет не в потолок, а ей в голову.

— Как мы можем тебе верить, что ты ещё не убил её?

— Алиссия, детка, скажи что-нибудь, — Юра сжимает моё плечо до боли. — Докажи нашим уважаемым гостям, что с тобой всё в порядке. Пока что в порядке.

Я молчу, не зная, как правильно поступить в этой ситуации.

— Говори, Лисса, — шипит он мне на ухо и прижимает дуло к виску.

— Я здесь, — дрожащим голос произношу я. — С ним. Пока в порядке. Но его пистолет направлен мне в голову.

— Дайте мне без проблем уйти, и она не пострадает, — выдвигает свои требования Юра.

— Хорошо, мы не будем стрелять, — произносит тот мужской голос.

Звягинцев толкает меня в спину, оставляя Виктора позади, и мы вдвоём медленно спускаемся по лестнице на первый этаж. Мне страшно, я в ужасе, понятия не имею, что мне

делать, потому что угрозы Юры звучат очень реалистично. Из последних сил стараюсь не поддаваться всепоглощающей панике и бороться со страхом.

На первом этаже в гостиной вижу несколько человек в бронежилетах и черных масках с поднятыми вверх руками с оружием, направленным в потолок.

— Не двигаться! — предупреждает их Юра. — Иначе я выстрелю.

Медленно маленькими шажками мы подходим к входной двери, затем выходим на улицу, где я также замечаю несколько человек в масках. Нас никто не останавливает, свободно позволяя продвигаться к воротам.

И вдруг я осознаю, что это конец, мы выйдем за ворота и всё, мне больше никогда не предоставится шанс сбежать, тогда я начинаю брыкаться, но Звягинцев тут же пресекает все мои действия, ещё сильнее сжимая плечо.

— Не смей! — рявкает он, и до боли прижимает дуло к моему виску. — Или ты думаешь я не выстрелю? Хочешь проверить?!

— Не хочу, — отвечаю я, но и не могу позволить себе уйти вместе с ним, поэтому замахваюсь и резко изо всех сил бью своим затылком по его голове, молясь, чтобы ему духу не хватило выстрелить.

Артём (53)

Андрей выжимает максимум из арендованной машины. Мы мчим по питерским дорогам на максимально разрешенной скорости. Я сижу рядом с ним впереди, а сзади разместились Денис и Вениамин Александрович.

Вчера Щегольский передал всю информацию в органы, точнее уже сегодня, ему перезвонили через час, сказав, что операцию по захвату назначили на раннее утро. В это время мы вчетвером уже гнали в аэропорт.

Всю дорогу Андрей успокаивал меня, говоря, что к спецгруппе присоединится Лейла. По счастливому стечению обстоятельств она уже была в Санкт-Петербурге. А таких профессионалов, как эта брюнетка, по словам Щегольского, ещё поискать надо.

Но что бы друзья мне не говорили, меня это нисколько не успокаивало ни в самолете, ни сейчас в машине.

— Тём, мы почти на месте, — сообщает Андрей. — Ещё чуть-чуть и ты увидишь свою драгоценную Алису в целости и сохранности.

— Она сильная, — неожиданно подаёт голос молчавший всю дорогу Лобовский. — Как и её мать.

Как оказывается переплетены наши судьбы и как тесен оказался мир!

Вениамин назвал имя матери девушки, и всё встало на свои места: почему он напугал её на открытии ресторана, назвав Фионой, почему они вдвоём так долго разговаривали на дне рождения моей мамы в галереи, почему у Алисы тогда глаза были на мокром месте.

Именно Фиона украла сердце у Лобовского.

— Я до сих пор не могу поверить, Вениамин Александрович, — говорит Денис, — что вы знали маму Алисы.

— Да, — грустно усмехается он, — случаются на свете совпадения.

— Но, если вы сразу узнали Мельникову, почему молчали?

— Она всем своим видом показала, что теперь её зовут иначе, и ничего общего со своим прошлым она не имеет, — объясняет Лобовский. — Я решил играть по её правилам.

— Как и я, — глухо отвечаю. — Почему я сразу не стал тщательнее проверять Алису? Всё могло бы быть иначе...

— Не вини себя, Артём, — говорит Вениамин. — Никто не знает, как именно могли бы разворачиваться события. Может быть, в нашу пользу, а, может, и нет.

— Да, — соглашается Андрей, — не удивлюсь, если бы она просто сбежала, лишь заподозрив, что ты всё выяснил. Ты всё сделал правильно, как минимум, вовремя нашел флэшку со всеми материалами.

— Вовремя ли? — обеспокоенно произношу я.

— А ну отставить пессимизм! Всё будет хорошо!

Андрей сбрасывает скорость и заезжает в какой-то поселок. Проезжает несколько домов, поворачивает направо, потом налево и, наконец, тормозит у огромного коттеджа за высоким массивным забором.

— Это здесь, — говорит он.

Я вылезая из машины, моему примеру следуют и остальные. Вокруг не слышно ни звука, точно все затаились.

— Точно здесь? — переспрашиваю я, но ответить мне не успевают — звучит оглушающий выстрел.

Я срываюсь с места и бегу к дому, но Андрей с Денисом хватают меня за руки и останавливают.

— Нельзя! — кричит Щегольский. — Идёт операция!

— А если попали в неё?!..

— Нельзя, Артём! Ты сделаешь только хуже!

Алиса (54)

Духу ему хватает. Юра выстреливает, но из-за того, что я ударила его по голове, дуло пистолета соскальзывает с моего виска, и пуля отправляется не в меня, а в сторону, никого не задевая.

Звягинцева тут же хватает спецназ и оттаскивает подальше от меня.

— Сука! — вопит он. — Тварь!

Надеюсь, что ему нос я тоже сломала.

Я делаю несколько шагов в сторону, желая увеличить расстояние между мной и Юрой. Ко мне направляется несколько человек в черных масках, но я выставляю руки перед собой, заставляя их затормозить. Здравый рассудок говорит, что они пришли, чтобы спасти меня, но я настолько боюсь снова попасть в западню, что не могу просто так в это поверить.

— Не подходите! — предостерегаю я. — Я уже сломала нос двум людям и могу сломать ещё. Вы кто такие?

Спецназовцы переглядываются между собой в замешательстве, а затем один из них делает ещё несколько шагов ко мне.

— Стой, где стоишь! — настаиваю я.

Подошедший ближе ко мне медленно-медленно поднимает руки к лицу, снимает маску и оказывается девушкой. Смутно знакомой девушкой.

— Алиса, — осторожно начинает она, — мы здесь, чтобы тебя спасти, и арестовать твоего отца и Звягинцевых.

Приглядываюсь к девушке получше и узнаю в ней подругу одного из друзей Артёма.

— Лейла? — пораженно произношу я. — Что ты тут делаешь?

— Ты меня помнишь, — расплывется девушка в улыбке.

— Вы правда пришли спасти меня? — всё ещё не верю я.

— Да, — подтверждает она и делает навстречу ещё один шаг. — Ты в безопасности.

— Спасибо, — шепчу я и обнимаю Лейлу, — спасибо, спасибо, спасибо.

— Тебе за всё нужно Артёма благодарить, это он нашёл флэшку, и они с Андреем подняли всех на уши.

— Тёма здесь? — удивляюсь я, отстраняясь от неё.

— Должен был приехать с минуты на минуту, пойдём, я тебя отведу, — произносит она и ведёт меня к воротам. — Тебе здесь точно больше делать нечего.

Мы выходим за пределы территории дома, и я вижу Артёма.

Он стоит посередине дороги, а его за руки удерживают Денис и Андрей, но как только они замечают меня, то тут же его отпускают.

Бегу к Скворцову со всех ног и крепко-крепко обнимаю.

— Ты в порядке? — спрашивает он обеспокоенно. — Тебя не ранили? Я слышал выстрел.

Мотаю головой из стороны в сторону и прижимаюсь к мужчине всё сильнее. Теперь я точно в безопасности. Здесь, с ним, в его объятиях. Мои нервы сдают, и я начинаю плакать, утыкаясь молодому человеку в шею.

— Тихе-тише, — шепчет Артём и гладит меня по голове успокаивая, — всё закончилось. Теперь всё точно закончилось.

Когда слёзы иссякают, я немного отстраняюсь от Скворцова, он позволяет увеличить расстояние между нами совсем на чуть-чуть, продолжая сжимать в своих объятиях.

— Прости меня за то, что врала, — сбивчиво говорю я, — прости за то, что оказалась такой проблемной, прости...

— Я тоже тебя люблю, — перебивает меня Артём.

— Что? — мне кажется, что мне послышалось.

— Я тоже тебя люблю, Алиса, — повторяет мужчина и смотрит на меня взглядом полным любви, я опять начинаю плакать, только теперь от счастья. — Ну ты чего, не плачь, ты ни в чём не виновата.

— Это от счастья, Тём, — объясняю ему, вытирая слёзы, — я тебя так сильно люблю.

И мне опять требуется время, чтобы успокоиться. Скворцов водит одной своей рукой мне по спине, каждым своим нежным движением, напоминая, что всё происходящее реально, второй — помогает мне вытирать слёзы.

— Неужели, всё и правда закончилось? — спрашиваю вслух. — Я так долго бежала от них...

— Закончилось, — громко говорит Лейла, и мы с Артёмом одновременно поворачиваемся к ней. — Только что по радиации сообщили, что Мельникова взяли на пути к границе с Финляндией. Он больше никуда не денется. Для него готов целый список из статей, которые он нарушил. Ему точно светить пожизненное.

— А Звягинцевы? — спрашивает Скворцов.

— Их взяли самыми первыми, — отвечает девушка и кидает на меня извиняющийся взгляд. — Считай, что из них только с Юрой возникли проблемы. Прости, что так получилось.

— Ничего, — отвечаю я, принимая извинения, — главное, что по итогу всё закончилось хорошо.

— О каких проблемах вы говорите? — хмурится Артём. — Алиса, ты же сказала, что всё в порядке.

— Всё и правда в порядке, — улыбаюсь я мужчине. — Просто мне предоставилась

потрясающая возможность сломать Звягинцеву нос. Я не могла ей не воспользоваться.

— Это было очень эпично, — восторгается Лейла и подмигивает. — А нос ты ему и правда сломала, это видно невооруженным глазом. Крепкий у тебя затылок!

— Затылок? — переспрашивает Скворцов и закашливается.

— Не бери в голову, — мягко стучу его по спине.

Подъезжают несколько полицейских машин, поэтому мы отходим ближе к обочине. Из дома выводят Юру, который не перестаёт угрожать людям его задержавшим, что они ещё пожалеют, что у него огромные связи, что его дядя сенатор. Смолкает он только когда его садят в машину и закрывают за ним дверь.

Спецназ выводит и всех охранников, оказавших им сопротивление, но последние молчат и не пытаются вырваться.

Самое главное я увидела, за остальным наблюдать не хочется. Поворачиваюсь спиной к дому и натываюсь глазами на Дениса с Андреем и Лобовского.

— Алиса, — говорит Новиков, поймав мой взгляд, — прости меня за моё поведение по отношению к тебе, я не должен был...

Не даю ему закончить, делаю шаг навстречу и обнимаю.

— Перестань, — останавливаю поток его извинений и объяснений, — у тебя были все основания в чём-то меня подозревать, просто ты стал думать немного не в том направлении. Я рада, что ты здесь.

Дэн сначала не двигается, но затем тоже сжимает меня в ответ.

Выбираюсь из его объятий и дарю такие же Андрею, благодарю за все сделанные им действия.

— Я не мог поступить иначе, — отвечает он. — Во-первых, это была та ещё головоломка, и я бы не отказался узнать, кто тебе сделал такую хорошую подделку паспорта...

— Нет, — перебиваю его я, — не скажу. Извини, Андрей, но эти паспорта столько раз спасали мне жизнь. И хоть это и незаконно, но, возможно, они точно так же в будущем спасут ещё чью-нибудь жизнь.

— Паспорта? — удивляется Щегольский. — Так их было несколько?

— Да, но больше я ничего тебе не скажу, — качаю головой.

— Хорошо, я тебя понял, — усмехается он. — А, во-вторых, виновники заслуживают наказания и обязательно его понесут. Я тебе обещаю.

Отстраняюсь от Щегольского и киваю ему.

Затем подхожу к Лобовскому, и он обнимает меня уже сам.

— Алиссия, — начинает он.

— Не надо, — перебиваю его. — Пожалуйста, просто Алиса или Лисса. Но точно не Алиссия. На этом имени настоял отец, мама всегда была против. Она рассказывала, что в детстве очень мучилась со своим именем, необычным для российских реалий. Мама хотела назвать меня по-простому, Алисой.

— У тебя была самая лучшая мама, Алиса, — с нежностью в голосе произносит Вениамин.

— Это ведь вы два года назад принесли цветы на её могилу? — отстраняюсь от мужчины, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Да, это был я, — подтверждает он и кивает.

— Спасибо, — благодарю его я. — Спасибо за них. Спасибо за то, что сейчас вы здесь.

И за всё остальное.

— Твоё спасение — заслуга Артёма и Андрея, а я бы хотел, если ты позволишь, стать тебе хорошим другом.

— Конечно, Вениамин Александрович! — улыбаюсь ему я. — Сейчас, оставшись совсем без родственников, я не откажусь от надежных проверенных знакомств, особенно от тех людей, которые знали мою маму.

— Алиса, я всегда буду на твоей стороне, что бы ни случилось, знай, что ты всегда можешь обратиться ко мне или к моей семье, договорились?

В ответ я усиленно киваю головой и благодарно смотрю на него.

— И прости нас с Вениамином Александровичем, — подходит ко мне ближе Артём, — что мы поняли всё так поздно.

— Вы сделали всё как раз вовремя, — отвечаю им обоим, а потом поворачиваюсь к Скворцову и уже более серьёзно говорю ему. — Тём, мы можем отойти и поговорить наедине? Мне нужно тебе кое-что сказать. Лично.

Мы с Артёмом отходим в сторону так, чтобы наш разговор не был услышан чужими ушами. Молодой человек внимательно на меня смотрит, ожидая продолжения, а я неожиданно для самой себя теряюсь. Я ведь даже не знаю, хочет ли Скворцов ребенка, как он вообще к этому отнесётся. Знаю только, что он точно должен быть в курсе.

— Тём, я знаю, что мы не планировали, — сбивчиво начинаю я. — На самом деле, мы вообще ничего не планировали, но...

— Ты меня пугаешь, Алиса. Не переживай, уверен, что мы со всем разберёмся, хорошо?

— Да, конечно, просто... — набираю побольше воздуха и быстро на одном дыхании заканчиваю фразу. — Я беременна.

— Что? — не понимает он мою скороговорку.

— Я беременна, и ты станешь отцом, — уже медленнее произношу я.

Артём пару секунд смотрит на меня с удивленным выражением, но затем на его лице расплывается счастливая улыбка.

— Ты беременна, и я стану отцом? — переспрашивает он. — Я всё правильно услышал?

— Да, — отвечаю я.

Артём наклоняется ко мне, мягко накрывает мои губы своими и нежно целует. Меня переполняют эмоции от его близости, от реакции на новость, от него самого. Мне кажется, у меня вырастают крылья от своих собственных чувств и от ощущений, которые дарит мне он, и я счастливо парю в облаках вместе с ним. Как же сильно я его люблю!

Тёма спонтанно прерывает поцелуй и слегка отстраняется от меня.

— Выходи за меня, — чувственно говорит он, смотря мне прямо в глаза, и внимательно следит за реакцией.

— Ты сейчас серьёзно? — переспрашиваю так же, как ранее переспрашивал он меня, не веря в услышанное.

— Серьёзней некуда, — уверенно произносит Артём. — Кольцо подарю, когда вернёмся в Москву, обещаю.

— Я согласна, — принимаюсь усиленно кивать и теперь уже сама тянусь к его губам. — Согласна, согласна!

Артём дарит мне ещё один поцелуй, но теперь уже более страстный, властный и требовательный. Я чувственно ему отвечаю, прижимаясь телом всё ближе.

— Эй, голубки! — громко кричит Денис, привлекая наше внимание. — Может мы уже

уедем отсюда, и ворковать вы будете по пути домой?

Мы нехотя отстраняемся друг от друга и возвращаемся к ребятам.

— Чему вы это так радуетесь? — спрашивает Новиков, замечая наши особенно счастливые лица, когда мы подходим ближе. Артём бросает на меня вопросительный взгляд, на который я, не переставая улыбаться, киваю.

— У нас для вас две новости, — объявляет Скворцов. — Во-первых, мы с Алисой женимся! Она сказала «да»!

Дэн присвистывает и начинает хлопать в ладоши.

— А, во-вторых, — продолжает мой будущий муж, — мы скоро станем родителями!

На мгновенье воцаряется тишина, а затем все принимаются поздравлять нас с Артёмом, сопровождая слова аплодисментами, свистом и объятиями.

И только сейчас, наблюдая за происходящим, чувствуя на себе крепкие руки Тёмы, чувствуя исходящую от него энергию, уверенность и любовь ко мне, слыша поздравления от друзей, видя счастье в его глазах и чувствуя счастье внутри себя, я начинаю осознавать, что моему бегству, моему аду пришёл конец, что всё позади, и я могу жить без оглядки назад, а со всем остальным мы с Артёмом обязательно разберёмся, потому что мы уже есть друг у друга и мы счастливы.

Эпилог

Алиса

На следующий день после задержания моего отца и Звягинцевых все газеты и журналы пестрят шокирующей правдой о мэре Санкт-Петербурга и сенаторе Совета Федерации, публикуют множество ужасающих фактов об их незаконной деятельности. Далеко не все из них правдивы, хотя кто знает? Для меня эта глава закрыта, возвращаться к ней или глубже копать я не хочу.

Помимо статей обличающих наркоторговцев в ряде СМИ печатается информация и обо мне. Не знаю по чьей наводке, но ряд журналистов пишут об Алисе Шведовой, невесте Артёма Скворцова, которая на самом деле оказывается никакой не Алисой, а Алиссией Мельниковой, дочерью человека, возглавляющего наркоимперию...

После этого и дом Скворцовых, и квартиру, и место работы Артёма, и художественную школу Кольниковых оккупируют журналисты и не дают нам прохода. Приходится даже воспользоваться услугами охранного агентства, потому что иначе передвигаться по городу просто не представляется возможным.

Но и плюсы в этой ситуации тоже имеются. Казанцевы, узнав обо всём случившемся из источников массовой информации, связываются со мной и предлагают свою помощь. В итоге на допрос в качестве свидетеля я иду с целой делегацией адвокатов, состоящей из знакомых юристов Дениса, Артёма и Макара Казанцева.

Макар хотел сам представлять мои интересы, но не имел на это права по закону, так как уже вызвался защищать сестру Юры, Звягинцеву Алёну. В отношении неё также были выдвинуты обвинения, хотя, честно говоря, я очень сомневаюсь, что она хоть как-то причастна к деятельности своих родственников. Надеюсь, что по итогу все обвинения с девушки будут сняты.

Результатом совместной деятельности делегации адвокатов становится то, что я избегаю множественного пересказа одного и того же, меня выслушивают один раз, задают несколько вопросов и отпускают, не выдвигая никаких обвинений, объясняя все мои незаконные действия крайней необходимостью.

Следствие над основными фигурантами дела продолжает идти и длится будет долго из-за особенностей привлечения к уголовной ответственности сенатора и мэра, но следователи уже прочат чуть ли не всем обвиняемым пожизненное.

Стараниями моих адвокатов возобновляют и дело восьмилетней давности — смерть моей мамы. Выдвигается новая версия о том, что она узнала о незаконной деятельности отца и хотела сообщить обо всём в полицию, но отец не дал ей совершить задуманное и отдал приказ убить её, устроив всё как несчастный случай. Пока, правда, это лишь предположение, а отец отказывается давать какие-либо показания.

Честно говоря, я не уверена, что хочу знать правду, не уверена, что сумею выдержать её, поэтому перестаю следить за следствием совсем.

Из СМИ о происходящем узнаёт и Даня, но он не звонит, а на следующий же день заявляется на порог квартиры Артёма, где мы теперь живём со Скворцовым вместе.

Стоит мне увидеть друга, как я начинаю реветь и извиняться перед ним за смерть Коли, говорить, как мне жаль, и просить прощение за мою ложь, за то, что всё вскрылось так поздно.

— Ты всё сделала правильно, — говорит мне Даня, останавливая меня на полуслове, и притягивает к себе, обнимая. — Я тебя ни в чём не виню, потому что ты ни в чём не виновата. Я восхищаюсь тобой и силой твоего духа.

После слов Головина с моей души исчезает огромный груз, который появился в день смерти его друга и становился с каждым днём всё тяжелее.

После выхода обличающей меня статьи мне звонит Наташа и спрашивает, как у меня дела и что всё это значит. Я предлагаю ей и Феликсу встретиться и всё начистоту им рассказываю лично. Они ужасаются тому, в какой гуще событий я оказалась замешана, и предлагают любую свою помощь и поддержку.

После этого мы начинаем с ними ближе общаться, и сейчас я могу назвать их своими хорошими друзьями.

И да, с Наташей и Феликсом я продолжаю не только общаться, но и работать вместе с ними в художественной школе Кольниковых. И то анонимное пожертвование оказывается как никогда кстати. С момента восстановления финансового положения образовательного учреждения Семен Владимирович весь преображается, теперь его взгляд горит, голова полна творческих идей и задумок по улучшению школы. Ах да, ещё он чуть ли не каждый день благодарит анонима, подарившего школе шанс на светлое будущее.

Нат сразу же догадывается, что деньги поступили от меня, и принимает меня всячески благодарить, но я стойко отрицаю свою причастность, правда, в итоге напоследок ей хитро улыбаюсь, и девушка мне тоже отвечает улыбкой. Больше мы к этому разговору не возвращаемся.

* * *

Когда всё более-менее устаканивается, Артём напоминает мне, что его предложение оплатить мне учебу всё ещё в силе, но я отказываюсь и самостоятельно сначала восстанавливаюсь в Академии имени А.Л. Штигица, а затем перевожусь в Академию имени С.Г. Строганова в Москве и собираюсь без проблем там продолжить учебу с сентября.

Правда, на этот счёт мы с Скворцовым немного ссоримся. Он предлагает мне взять академический отпуск на время беременности, а я говорю, что пока чувствую себя прекрасно, беременность меня нисколько не обременяет и я могу спокойно учиться. В итоге ему приходится мне уступить, но с условием, что как только мне станет тяжело, я и уволюсь,

и возьму академ.

Родители Артёма встречают меня пламенными объятьями со слезами на глазах, поражая не только меня, но и самого молодого человека. Он говорил, что они всё поймут и не будут ни в чём меня винить, но такому радушному приёму удивляется сам. Любовь Константиновна теперь смотрит на меня по-иному и ругается на весь черствый свет за то, что мне пришлось пережить.

С Леной, правда, у нас сохраняются те же холодные отношения. По какой-то причине она видит во мне угрозу для всей своей семьи, от которой нужно избавиться. Но, видя, что к её словам никто не относится серьёзно, девушка начинает оскорблять меня лично, огрызаться при разговорах, когда мы с ней наедине.

Однажды, услышав нападки Лены на меня, Артём повышает на неё голос и говорит, что, произнося таким тоном такие слова, она в первую очередь оскорбляет его самого, и если она будет продолжать в том же духе, то лишится не только невестки, но ещё и брата. После этого Лена успокаивается, и наше с ней общение более не выходит за рамки банальной вежливости. Мы с Дэном считаем, что она просто ревнует брата ко мне. В любом случае, надеюсь, что рано или поздно мы с ней всё же сможем найти общий язык.

Новость о свадьбе и беременности родители Артёма воспринимают с восторгом. Они уже решили, что сначала внуков им подарит младшая дочь, но никак не Артём, поэтому, услышав о будущем пополнении от нас с ним, начинают относиться ко мне с ещё большим трепетом.

И я так рада принимать их заботу, чувствовать их искреннее доброе теплое отношение ко мне. Отец ко мне так никогда не относился, только мама, когда ещё была жива. Так и получается, что в Скворцовых я обретаю не просто семью своего будущего мужа, но и свою собственную, становлюсь для них не просто будущей женой сына, но и дочерью.

Нам с Артёмом требуется время, чтобы прийти к решению насчет свадьбы, которое устроило бы обоим. Тёма категорически против того, чтобы ребенок рождался вне брака, я же хочу пышную свадьбу с красивым свадебным платьем и прочими вещами, а организовать её и сыграть за оставшееся время до того момента, как у меня будет виден живот, не получится.

В итоге мы решаем устроить две церемонии. Одну в октябре — скромную, для самых близких, а вторую — уже после рождения ребенка.

В круг самых близких входит всё семейство Скворцовых, Лобовский со своими сыновьями (правда, у Алекса и Миши приехать не получается), Денис, Андрей, Рома, Илья с Лией и своими детьми, с моей же стороны список получается совсем маленьким — Даня со своей женой Ниной, Наташа и Феликс.

Так мы и расписываемся официально в начале октября.

Изначально к алтарю я должна была идти одна, но в день церемонии ко мне подходит Вениамин Александрович и просит разрешения сопроводить меня.

В последнее время мы стали с ним очень близки, даже летали вместе в Питер на могилу мамы. С Лобовским можно поговорить о ней, он мне много рассказывает о том, какой она была чудесной женщиной. Правда, такие посиделки практически каждый раз заканчиваются слезами, особенно если учесть ещё и гормональный фон беременной девушки...

В итоге теперь каждый раз, когда к нам заглядывает Вениамин, Артём с порога его предупреждает, что если из моих глаз прольётся хоть одна слезинка, то он Лобовского больше на порог не пустит, поэтому теперь я больше слушаю истории о его жизни и его

СЫНОВЬЯХ.

В общем, я с радостью выполняю просьбу Вениамина Александровича и иду к алтарю с ним под руку.

Ах да, забыла упомянуть, почётное место подружки невесты достаётся Дане, которое он с честью принимает!

Так что теперь я — Алиса Скворцова.

По документам, конечно, Алиссия, но все называют меня моим уже давно ставшим более привычным именем — Алисой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net